

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2022

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинз (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 3 (86) 2022

К 30-летию Школы

Встреча

Юрий Сенокосов 5

Тема номера

О новой послевоенной эпохе
Михаил Минаков 10

Откуда берутся и как распадаются империи
Викторас Бахметьевас 27

Опыт истории

*Вестфальская система в начале XXI века:
старые вызовы и новые ответы*
Василий Жарков 31

*Политический реализм в свете христианского богословия
и теории международных отношений*
Сергей Большаков 43

Китай и Россия сегодня: сравнение
Марк Гамза 59

Дневник войны

Война и интеллект
Анатолий Ахутин 69

Свобода и ответственность

Европа в кризисе
Альваро Хиль-Роблес 76

Верховенство права
Томас де ла Куадра-Сальседо 84

Глобальная экономика

О меняющейся экономике войны
Владислав Иноземцев 97

Н а ш а р х и в

Почему мир воюет
Кристофер Коукер 105

Н а ш а н о н с

30 лет гражданского просвещения.
Доверие к универсализму
Ю.П. Сенокосов 113

К н и г и

Конституционный террор
Андрей Симбирцев 117

Контрапункт
Дмитрий Травин 121

Nota bene

*«В ситуации виртуализации практически невозможно
отличить предсознание от сознания»*
Дэвид Чалмерс 126

Почему этот фильм восхищает философов
Бодрийяр расшифровывает «Матрицу» 128

В этом году мы отмечаем 30-летие Школы. Когда у Лены Немировской и у меня появилась мысль о ее создании, мы обсуждали это в том числе и с нашими друзьями — философом Мерабом Мамардашвили (1930–1990) и священнослужителем Александром Менем (1934–1990). Смысл ее создания мы видели в приближении молодых людей к пониманию современного мира во время дискуссий с участием отечественных и зарубежных экспертов, и оба были готовы в этом участвовать.

Встреча

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни — встреча Мераба Мамардашвили и о. Александра Меня, философа и священнослужителя. Они не были знакомы и увидели впервые друг друга в Пицунде, на побережье Черного моря.

Хорошо помню, что произошло это в 20-х числах сентября 1987 года, когда мы втроем — Мераб, Лена, моя жена, и я — пришли из Лидзавы, где жили обычно на Рыбозаводской улице во время отпуска, чтобы купить на рынке в Пицунде хлеб, овощи и сыр. Было часов одиннадцать утра, приятное осеннее солнце, мы запаслись на рынке всем, чем нужно, включая две бутылки вина, и перед тем как вернуться, остановились у кафе, решив, что стоит выпить кофе. И в этот момент, обратив на кого-то внимание, Лена громко сказала: «Юра, это, кажется, Алик!»

Действительно, шагах в тридцати от нас стояли двое мужчин, и один из них был о. Александр, с которым меня познакомил еще в конце 1963 года Женя Барabanов, а второй — Сережа Рузер, вскоре эмигрировавший в Израиль и ставший преподавателем на отделении сравнительного религиоведения Еврейского университета в Иерусалиме. Обрадовавшись такой неожиданной встрече в таком необычном месте, забыв о кофе, мы тут же все решили отправиться в Лидзаву.

Я не видел о. Александра примерно полгода, но он слышал от меня неоднократно о том, кто такой Мераб Мамардашвили, а Мерабу я рассказывал об о. Александре. Но чтобы они встретились вот так и потом проговорили до 11 часов вечера, сидя за столом на Рыбозаводской, № 6!.. Совершенно не помню, о чем они говорили. Ни я, ни Лена, ни Сережа — мы не вслушивались, общаясь между собой, в их мерно

На наших глазах происходила тогда символическая встреча выдающегося философа и выдающегося священника

текущую беседу. Но видели, насколько увлеченно, не обращая на нас внимания, они говорили. Было очевидно, и сегодня я в этом уверен, что на наших глазах происходила тогда символическая встреча выдающегося философа и выдающегося священника. Символическая в том отношении, что, несмотря на совершенно разный жизненный опыт, встретившись впервые, они понимали друг друга с полуслова.

Философ и богослов не спорили, хотя, казалось бы, для этого были все основания и причины, понимая друг друга

Я убедился в этом позже, когда в Москву из Тбилиси прилетал Мераб и мы отправлялись к о. Александру на электричке в поселок Семхоз недалеко от Сергиева Посада, где он жил. И там, за ужином, который он готовил и угощал нас не только огурцами и помидорами, выращенными, по его словам, на

собственном огороде, они продолжали общение, как давние близкие друзья, судя по выражению их лиц и иронично-доброжелательной интонации, когда обменивались репликами по поводу происходивших в стране событий. Философ и богослов не спорили, хотя, казалось бы, для этого были все основания и причины, понимая друг друга, потому что думали об одном и том же — о свободе и человеческом достоинстве.

Увы, 9 сентября 1990 года был убит о. Александр, а 25 ноября в аэропорту «Внуково», возвращаясь на родину в Грузию, умер от разрыва сердца Мераб.

Это были два близких и дорогих мне человека, и, думаю, неслучайно примерно за месяц до гибели о. Александра, в августе 1990-го, я видел сон, о котором хочу рассказать.

Представьте себе котлован — глубокий и ослепительно ярко освещенный, как в полдень при ярком солнце, и меня в этом котловане. Я это ясно вижу, хотя на глазах у меня темные очки и я понимаю, что ослеп, а ведет меня по котловану на поводке собака, которая тоже явно слепая, потому что у нее на глазах тоже темные очки.

Куда ведет, я отчетливо это вижу, — не знаю. Вижу лишь, что все это происходит при ярком свете, и, видимо (хотя тоже обостренно чувствую), от того, что не понимаю, начинаю громко стонать и даже кричать, как мне сказала напугавшаяся Лена, разбудив меня.

Когда убили о. Александра, а потом умер Мераб, я стал думать, что это был не просто сон, а предчувствие или какое-то внезапно посетившее меня чувство, что оба моих поводыря (назову их так) скоро покинут меня.

Что это, спрашивал я себя, — знание-предчувствие ослепшего тела или

Мастерская Джованни Беллини. Убийство святого Петра Мученика. 1509

ясно видевшего ума (сознания)?.. А накануне гибели о. Александра — вечером 8 сентября, часов в шесть, — в комнату, где я лежал в это время в полудреме (весь день я чувствовал себя отвратительно, причем утром после ванны надел красные джинсы и черную рубашку, которую купил за 15 лет до этого и ни разу не надевал), влетел голубь и сел под стол. Я решил, что что-то случилось с мамой (она болела), взял его в руки, посмотрел внимательно в глаза, подошел к окну, в которое он влетел, оно было открыто, и выпустил его.

Конечно, то, что за день до убийства утром я надел красно-черную одежду (знак предстоящего траурного дня), можно считать культурной условностью, но — опять же — на этот раз мое тело совершало явно, казалось бы, осмысленные движения, а ум спал.

Не буду останавливаться на возможных интерпретациях сна. Остановлюсь

на убийстве, о котором услышал по телефону ранним утром 9 сентября.

«За что?..» — невольно спросил я своего друга, который мне позвонил. И, положив трубку, увидел Алика — его таинственно улыбающееся лицо и глаза, в которых никогда не замечал фальши, и знал, что его открытость, тактичность, артистизм были очевидны всем, кто с ним общался. Конечно, подумал я, это связано с его даром священнослужителя в стране «развитого социализма». А свое призвание он видел в возвращении общества к Богу, к христианским, человеческим ценностям.

Сошлюсь на интервью начала 1991 года журналу «Век XX и мир», где на вопрос о причинах убийства я, в частности, сказал, что о. Александр, прекрасно знавший русскую философскую традицию, особенно ценил Владимира Соловьева за его, как он выражался, «вселенский горизонт».

А представители официальной Церкви видели в нем «отступника-экумениста» и обвиняли в том, что он встречался с баптистами и молился с ними, симпатизировал католикам. А с другой стороны, ему постоянно напоминали о себе, но уже по другой причине, поскольку он был еврей, «русские патриоты», от которых он получал угрожающие письма.

В России случилось два трагических события: в XVI веке произошла расправа с «русской святостью», после чего перестала существовать свободная Церковь. А в XIX – в результате убийства Александра II – наступила трагедия русской государственности

Повторю, предваряя возвращение к Мерабу, — что я говорил в интервью, отвечая на уточняющие вопросы.

Во-первых, что касается отношения о. Александра к католикам и протестантам. Естественно, когда некоторые члены его паствы, разочаровавшись в православии, становились баптистами, он страдал, но не осуждал их, а говорил, что эти люди не ушли от Христа. И считал, что экуменическое движение должно развиваться, а иначе у верующих будет неизбежно возникать чувство исключительности своей Церкви и сознание, что лишь она — самая истинная и великая. Прошлое не интересовало его само по себе. Он искал в нем подтверждение собственному пути, верил в живое, одухотворяющее начало истории. Не случайно все написанные им книги были объединены в серию,

которую он назвал «В поисках Пути, Истины и Жизни».

И, во-вторых, я говорил: убийство о. Александра было совершено теми, кто продолжает думать, что именно убийства могут повлиять на выход из того кризиса, в котором мы находимся. Как вообще это стало возможно? Ведь те, кто стоит за этим убийством, отнюдь не сумасшедшие, ими что-то двигало,

какая-то, видимо, своя вера, но сформировавшаяся в нашей же, отечественной культуре. Очевидно, массовое сознание живет по каким-то своим законам, и в его недрах способны совершаться чудовищные трансформации, после которых и может происходить то, что случилось. В чем же тогда и где истоки этих трансформаций? Известно, что в России

случилось по меньшей мере два трагических события: в XVI веке произошла расправа с «русской святостью», после чего перестала существовать свободная Церковь. А в XIX — в результате убийства Александра II — наступила трагедия русской государственности. Учитывая, что в 1881 году был убит царь, который своими реформами как раз и стремился проложить путь в том числе и к духовному оздоровлению общества; и убит он был не в результате дворцового переворота или заговора, а собственным народом. Как и в 1918-м, когда был убит Николай II.

Почему в нашей стране убивали царей, а после революции — не только дворян, но и священников? При чем десятками тысяч? Разве это можно понять, если мы христианская страна? В каком состоянии должен был

находиться народ, чтобы поверить в идеологию мести? И кто несет ответственность за преступления — власть или народ? Или интеллигенция? Почему все повторяется, находя оправдание в якобы духовных ценностях? В одном случае — в «истинном православии» и величии России, а в другом — в «общественной справедливости». Причем механизм оправдания прост. Для этого нужно, прежде чем убить человека, перестать считать его человеком, называя предателем или врагом народа. Или жидомасоном.

Разумеется, слушая лекции Мераба и общаясь с ним, умозрительно я уже знал ответ на свой риторический вопрос — «за что?..»

«Идеология — это <...> иллюзорное сознание не в психологическом смысле. Оно не зависит от того, верят люди или не верят во что-то... — говорил он в своих лекциях, посвященных социальной философии, в 1981 году. — Можно даже сформулировать [по этому поводу] закон: всякая идеология в своем имманентном развитии доходит до такого пункта, когда ее эффективность, или рациональная эффективность, не зависит от того, разделяют люди эту идеологию или не разделяют ее. Почему? Да потому, что она разрушает словесное пространство, лишь внутри которого

может артикулироваться и кристаллизоваться мысль. Это просто разрушение языка... Вы можете подмигивать друг другу — пожалуйста, но когда вы захотите хоть как-то узнать, что вы сами думаете, вы не сможете этого сделать, если вы в этом пространстве»*.

Это был диагноз, поставленный философом государственной системе за несколько лет до того, как она начала распадаться, потому что появились и были люди, осмелившиеся думать. Или, как выражался Мераб, — «заниматься возможными способами прояснения нашего [жизненного] опыта». При этом проясненный опыт самого Мераба впечатляет.

Хорошо помню его рассказ о «профилактической беседе» с ним в начале 1980-х и слова сотрудника КГБ: «Мы знаем, что вы считаете себя самым свободным человеком в этой стране».

Разумеется, Мераб никогда так не считал, но тема свободы, несомненно, была главной в его жизни и творчестве. Не свобода выбора, а именно свобода как таковая, о которой он говорил: «Это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость. То есть является необходимостью самого себя». «Свобода ничего не производит, она производит только свободу, большую свободу».

Юрий Сенокосов,
основатель Школы гражданского просвещения

* Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. Опыт физической метафизики. — СПб.: Азбука-Аттикус. 2012. — С. 236.

Михаил Минаков,
доктор философских наук

О новой послевоенной эпохе*

Психологически после вторжения Российской Федерации в Украину мы все в раздоре. Для меня жить в то время, когда дочь в Киеве, а родители — под Запорожьем, — это пограничный опыт. Пограничный, хотя я и в тысячах верст от того места, где рвутся российские ракеты.

Вчера мы узнали о военных преступлениях российских солдат в Буче. В это пограничное состояние меня — нас — вталкивают образы убитых в затылок людей со связанными руками... И первая моя реакция — такая маленькая, подленькая надежда: может, это неправда, может, что-то напутали журналисты? Но нет — это реальность развязанной Путиным войны против украинцев.

И вот эта первая реакция — откуда она? Откуда эта надежда на человечность даже в «человеке с ружьем»? Почему в броске интенциональности к ужасающему предмету военного преступления есть этот полумиг отказа принимать реальность? И в ответ — подозрение к себе, к своей аутентичности-подлинности...

Так вот, война — это ситуация, онтологически враждебная подлинности человека. В состоянии гражданского мира шанс на выход к подлинности присутствия есть; этот шанс можно реализовать путем усилий — теоретико-практических, религиозных, может, мистических — прорваться к благодати бытия. Но даже в ситуации мира такой прорыв — это результат сверхусилия. А во время войны пограничная ситуация гонит нас к небытию, к приятию отсутствия, к недоверию себе и иным. Ты оказываешься «подвешен», чувствуешь эту пустоту, это *ничто*.

* Выступление на семинаре Школы в Вене 4 апреля 2022 г.

Встреча с ничто, с пустотой — это крайне важный жизненный опыт. Он может привести к завершению жизни — прекращению быть. Война — это перекресток, все пути которого ведут к смерти — солдатской или цивилизно-жертвенной.

Опыт войны для выживших может стать травмой, продуктом невыносимости опыта, который расщепляет «субъекта опыта», убивает человеческое существование не полностью, а частично. Те, кто выживает в войну, могут справиться с этой бедой, принимая новый опыт, — это шанс понять самого себя и время с пространством, в которых живешь. Этот же опыт позволяет понять и то, что такое человек, который совсем не гордо звучит. Мы хрупки — физиологически, психологически и мыслительно. Война учит принимать эту хрупкость себя и мира, что в послевоенные может стать и источником выздоровления разрушенного войной мира.

*Война – это перекресток,
все пути которого ведут к
смерти – солдатской или
цивилично-жертвенной*

---

* * *

Хрупок не только мир, но и политические проекты. Постсоветский опыт — опыт жизни народов в более чем пятнадцати странах Восточной Европы и Северной Евразии в 1991–2022 годах — во многом связан с опытом создания новой политики, новых государств, новых наций и новых экономик. И они оказались *крайне* хрупкими.

Я не могу отделаться от ощущения, что постсоветские народы имели не только творческий порыв, но и очень сильный порыв к саморазрушению. Постсоветский человек добился свободы, но эта свобода предполагала не только свободу жить, но и свободу рушить...

Говоря о постсоветском человеке, я говорю о себе и, возможно, о вас. А также о постсоветском периоде, который уже завершился, стал *прошлым*...

Постсоветская эпоха просуществовала не сорок лет, как обещали «прорабы перестройки» и отцы-основатели постсоветских государств, а лишь тридцать. Я вспоминаю, как в 1990 году побывал на митинге в Вильнюсе, где выступал Ландсбергис: «Да, мы сейчас заберем власть и создадим новую Литву, “нового литовца”, и через сорок лет — когда, как в Моисеевы времена, умрет последний родившийся в советском рабстве, — будет результат...» Потом, в январе 1992 года, я слышал выступление Юрия Афанасьева в Москве, где он использовал ту же библейскую метафору. «Сейчас Россия получила шанс обновления. Но по-настоящему свободной она станет, когда последний советский умрет: через сорок лет», — говорил он. Затем, осенью 1992 года, после поступления в Киево-Могилянскую академию, я услышал слова нашего ректора Вячеслава Брюховецкого. И он в одной из речей говорил о сорока годах, «когда последний советский умрет...»

Этот рефрен о «последнем советском» связан с экзистенциальным разделением советского и постсоветского — эпохи, человека, общества. И это деление отсылало к Моисееву мифу, к вере в обретение постсоветских «земель обетованных» — воистину национальных, взаправду демократичных и по-настоящему открытых. И в этих обетованных системах жили постсоветские литовцы, украинцы, россияне и прочие.

Но постсоветского человека хватило лишь на тридцать лет. Творческий потенциал этого человека проиграл его же воле к разрушению. Ее перевес был замечен уже с 2008 года, во время российско-грузинской войны. Еще более заметно эта воля проявилась в донбасской войне, начавшейся в 2014 году. И вот в феврале 2022-го с нападением России на Украину постсоветский период завершился; началась цезура, темпоральный разрыв, завершивший предыдущий период и полагающий основания для нового.

Постсоветское время закончилось. В своем выступлении вчера Иван Крастев говорил о том, как эта война запустила новую цезуру не только в постсоветском пространстве, но и на Западе. Мы живем в разрыве, в котором возникает новая политическая география мира, а не только Восточной Европы и Северной Евразии.

Но какой человек жил в ушедшей эпохе? Кем был постсоветский человек?

* * *

Чтобы понять, кем был постсоветский человек, нужно прежде задаться вопросом: а что такое человек вообще?

В течение почти трех тысяч лет философы пытались дать определение человеку. Все они более или менее неудачны. Но изо всех неудачных философских подходов к пониманию человека мне ближе всего тот, который утверждает, что человек определим лишь конечностью его существования. Человек как существование *есть то, что живет, что присутствует в бытии* (вплоть до смерти). При этом такое существование уникально, поскольку способно понять, выразить и (частично) преобразить мир. В этом понимании-выражении-преобразовании существование сталкивается и с пониманием своей конечности, с перспективой ухода в *ничто*, с будущим отсутствием. И это либо приводит существование к травме, к опыту, с которым существование *не справляется*, который подрывает его целостность... Либо же этот опыт — ситуация, с которой человек *справился*, преодолел вызов и стал больше, может быть — мудрее, может быть — креативнее, умнее, добрее...

Человеческое существование всегда *заброшено* в мир. Одна из важнейших философских книг XX века — «Логико-философский трактат» австрийского философа Людвиг Витгенштейна — начинается с тезиса: *Die Welt ist alles, was der Fall ist*, «Мир — это все, что случается» (как обычно переводят), причем не только «случается» — но и «выпадает».

Гриша Брускин. Вселенная на столе. Фрагмент инсталляции. 2017

«Выпадает», как брошенные в игре кости, устанавливающие окончательную ситуацию выигрыша или проигрыша. (В этом тезисе Витгенштейн спорит с Шопенгауэром, отрицая тезис, что мир — это воля и представление. Но я сейчас не об этом...) Так вот, выпадает не только мир, но и вбрасываемый в него человек. Кубики легли определенным образом, и мы оказываемся в мире, который *вот так* выпал-случился — *was der Fall ist*.

И вот мы заброшены в мир. Это мир, в котором есть история благодаря нашему в нем присутствию. История связана с человеком, с опытом, с травмами, с рождением и со смертью. После всех живших людей и человечеств в основе наших культур — громадные залежи опыта, который приходит в нашу жизнь в виде языка, в виде «само-собой-разумеющегося», в виде мудрости... Мир, как и человек, тоже переживает свои начала и концы, мир тоже историчен.

Поэтому, пребывая в мире, каждый из нас оставляет в нем, в истории, кусочек себя, своего опыта. Хотим мы этого или нет, но живя, мы отвечаем на *вызовы* мира и создаем историю, участвуя в ней каждым нашим экзистенциальным выбором. А история мира длится в эпохах и в цезурах, в разрывах дления.

* * *

Так вот, говоря о советском и постсоветском человеке, мы всякий раз говорим о человеке, заброшенном в определенные ситуации. «Советская эпоха» — это результат исторической цезуры, разрыва с российской имперской ситуацией в 1917–1922 годах. «Постсоветская эпоха» — продукт цезуры 1989–1991 годов. И завершилась эта эпоха в цезуре, разверзшейся в феврале 2022 года.

Напомню, что цезура — это событие глубокого, радикального разрыва исторических тенденций. Как у Шекспира: *The time is out of joint, «Распалась связь времен»* (пер. А. Кронесберга).

Впрочем, глубина у цезур разная. Николай Бердяев ретроспективно написал о «русских корнях» большевицкой революции, преодолевающей пропасть цезуры 1917–1922 годов. В украинской традиции есть своя дискуссия об украинских корнях революции того времени... У этих исследований есть свои аргументы, гипотезы, но они не отрицают, что в пятилетие между 1917 и 1922 годами произошел *такой глубокий разрыв* между историческими тенденциями, что потом, когда новое советское общество себя пересобирало, оно, собственно, создавало себя либо с нуля, либо вопреки имперскому опыту. Способность пересоздавать себя — человеком ли, обществом ли — это результат личной или коллективной встречи с *ничто* в событии цезуры.

Цезура 1917–1922 годов связана с опытом войны, свержения — и с попытками республиканских, националистических, неоимпериалистических, религиозных и социальных революций. Каждая такая попытка — набор проектов, «красных», «белых», прочих. В это пятилетие люди пытались реализовать массу проектов. И часть из них реализовалась — «советский проект», «финский проект», «эстонский проект», «латвийский проект», «литовский проект» и «польский проект».

Но в слове «проект» присутствует все тот же смысл броска (костей). И в этом как онтологическая дерзость творческого начала человека, так и хрупкость нашего существования. Цезарь, решаясь стать диктатором и ввести войска на земли Республики, пересекая реку Рубикон, заявил: *Alēa jacta est*. Корень слова *jacta* [от латинского *jacere* — бросать, подбрасывать] — в слове «проект». Проект — это жизненный набросок, экзистенциальное подбрасывание. Мы бросаем кости, и они выпадают в определенной комбинации на будущее. Таких проектов, таких наметок на будущее, которые потом люди реализуют, наполняя своей жизнью и смертью, — в то пятилетие революционной цезуры было много.

Часть из них реализовалась как Республика Финляндия, или как Республика Польша, или как Советский Союз. А часть не реализовалась, в том числе Украинская республика и Грузинская республика. Эти проекты проиграли другому — большевицкому проекту.

Когда большевицкий проект победил, и «кости выпали *вот так*», и мир получился *такой*, тогда запустился процесс создания и нового человека, и новой социальной реальности. Октябрьская социалистическая революция состоялась, а ее радикальный коммунистический проект стал преобразовывать мир.

В цезуре 1917–1922 годов население, жившее между Карпатскими горами и камчатскими сопками, пережили коллективную встречу с ничто. В силу массового характера в этой встрече одновременно фундаментализировали друг друга заново человек, истина и власть. Это

фундирование — переобоснование — происходило в виде выборов, совершенных индивидами, малыми группами и целыми народами. И в каждом акте выбора проект получал свою «прописку» в бытии. Акт выбора давал основания для мира и человека в пустоте, заполняя бытием часть ничто. И как не вспомнить тут Мераба Мамардашвили, говорившего, что в ничто нет другой силы, кроме нашей воли и нашего выбора быть, чтобы и мир существовал, и мы в нем присутствовали.

Так советская эпоха бытийствует через новое понимание того, «что такое власть», «что такое человек» и «что такое истина». Истина задана специфически понятием марксизмом. Власть — контролем госструктур Левиафана и непослушных Советов со стороны партии особого типа. И человек — как человек новый, стремящийся выйти из-под токсического влияния капитала.

И возникает вот тот странный, тотально иной мир, который требует особого языка, словаря, грамматики... Почитайте работы Платонова, Зощенко, Булгакова или украинских эссеистов 1920-х годов — они все говорят на языке большевистского проекта. Это язык — язык нового человека, советского человека.

Вторая цезура — это разрыв 1989–1991 годов, от «зрелой перестройки» до Беловежской ночи. Между этими двумя цезурами есть связь, а именно — время жизни советского человека. Юрий Левада и ряд его единомышленников выдвинули тезис, что время существования СССР совпадает с временем жизни поколения, родившегося между 1917 и 1932 годами.

Левада — человек из украинской глубинки, который стал одним из центральных мыслителей в позднем Советском Союзе, осмыслявшем и украинский советский, и российский советский, и потом — постсоветский опыты. Его гипотеза исходила из того, что старение тех, кто родился до Второй мировой войны и кто несет этот импульс советского миротворения, в 1980-е приводит к исчерпанию экзистенциального ресурса для СССР. А значит, возникает культурная, антропологическая и метафизическая основа для *постсоветского времени и связанных с ним проектов*. И выдвигая эту гипотезу, Левада начинает долгий уникальный проект измерения изменения до, во время и после цезуры 1989–1991 годов. Результаты этого проекта мы увидели в январе 2022 года, когда Борис Грозовский организовал дискуссию — презентацию новейшего двухтомника Льва Гудкова [Гудков Л. *Возвратный тоталитаризм*. В 2 т. Москва: НЛО, 2022]. В этой книге — результаты исследований «постсоветскости» и «советскости» от 1988–1989 годов и до наших дней. А если хочется понять результаты исследований быстрее, то стоит ознакомиться с небольшой книгой Льва Дмитриевича, где говорится не столько о цифрах, сколько о смыслах последнего тридцатилетия [Гудков Л. *Иллюзии выбора: 30 лет постсоветской России*. Рига: Sapere Aude, 2021].

Так вот, из обеих книг видно, что *гипотеза не подтвердилась*. Об этом писал и сам Левада незадолго до смерти: «Да, видимо, мы ошиблись. Это не связано с временем рождения. Советский человек — это нечто иное». Оказалось, что советский проект человека не поколенческий, а исторический — он *воспроизводится*. Советский человек выжил в России, в ряде других постсоветских стран, несмотря на цезуру 1989–1991 годов.

Ошибочность гипотезы Юрия Левады я понимал из общения с людьми, родившимися в 1920-е и прожившими большую часть своей жизни в СССР, но не бывшими «советскими». Например, из общения с великой интеллектуалкой, связанной не только со Школой, но и со встречей пары Лена Немировская и Юрий Петрович Сенокосов. Я говорю о Юдифи Абрамовне Добровольской, родившейся 25 августа 1917 года и ставившейся личностью в 20–30-е годы прошлого века. Это был самый

В России советская травма и советский человек выжили. И стали возвращаться в прошлое, принуждая и других россиян, и соседние народы к этому возвращению

несоветский человек, которого мне приходилось знать. Она пережила Советский Союз, прошла гражданскую войну в Испании, выдержала ГУЛАГ и открыто называла Сталина людоедом — при жизни «отца народов». Тот экзистенциальный проект, который она набрасывала и проживала, тот выбор, который она реализовала в нашем

мире, — были антисоветскими. Но она не приняла и постсоветскую эпоху. Для нее постсоветский капитализм и постсоветский человек тоже были неприемлемы...

Реплика из зала: Было интервью писателя Владимира Сорокина в августе 2015 года в «Коммерсанте» [<https://www.kommersant.ru/doc/2786007>], в котором он сказал, что у советского человека была надежда, а у постсоветского уже не было. То, что было травмой советского человека, стало кровью постсоветского человека. И уже из этого не выйти.

Михаил Минаков: Я даже помню цитату из этого интервью: «Постсоветский человек разочаровал больше, чем советский». Разочаровал, поскольку у постсоветского человека был шанс на свободу...

А вот теперь важный тезис: если о советском человеке мы можем говорить в единственном числе, то о постсоветском должно говорить во множественном — о *постсоветских человеках*. Тоталитарность советской цивилизации вела к унификации и монизму, в том числе и в понимании Человека. Благодаря распаду Союза советское общество стало жить и меняться в форме девятнадцати политических единиц: пятнадцати признанных государств и четырех непризнанных «республик». Именно в этих политических «сосудах» происходили десоветизация и

начало нового периода. Постсоветские проекты, по сути, объединяет лишь стремление уйти от советского: от однопартийности — к многопартийности, от монизма — к плюрализму, от стабильности — к рискованной свободе, от реального социализма — к воображаемому по «Незнайке на Луне» капитализму...

В России советская травма и советский человек выжили. И стали возвращаться в прошлое, принуждая и других россиян, и соседние народы к этому возвращению.

Но и в советские времена, и после развала Союза советский человек сосуществовал с несоветским. Об этом говорят и Левада, и Гудков. Да, советский человек — это сорок процентов населения, может быть — пятьдесят-шестьдесят процентов... Но были и есть иные.

У Солженицына в «Круге первом» советский дипломат сталинской поры, когда пытается себя пересобрать как несоветского человека, встречается со своим дядей — человеком, живущим во «внутренней эмиграции» в Тверской области. Эта встреча с дядей позволяет племяннику переизобрести себя, убрать «советское» через обращение к прошлому, имперскому... Думаю, для многих постсоветских народов такая десоветизация хорошо известна, и ведет она либо к неоимпериализму, либо к консервативной революционности, либо к этнонационализму.

Но постсоветская десоветизация могла идти и с помощью обращения к себе и к будущему. Такой путь предлагает Зиновьев в книге «Гомо советикус» (сам он этим путем не воспользовался, заняв в 1990-е годы национал-консервативные позиции). Его книга — это своего рода коллекция записок о допросах и доносах в начале его эмигрантской жизни. А в допросах и доносах обычно прорываются самые интимные вещи — они зачастую лучше всякой исповеди открывают душу человеческую, наше глубинное и потаенное... И в самокопании автор прорывается к своей подлинности, которая дарует право быть Человеком без всяких идеологических или эпохальных эпитетов.

Но, как я уже говорил, достижению подлинности мешает война. Война провоцирует в людях худшее. Доносы, допросы, списки неблагонадежных, идеологическая монополия, аресты, самосуды, пытки... Возвращение к практикам, сложившимся в советские времена и противоречащим постсоветским *Zeitgeist*, духам времени.

* * *

И вот тут я хочу выступить в защиту постсоветских человек. Потому что постсоветская эпоха состояла не из какой-то *идентичности*, а из *противоречий*. Базовое противоречие прошедшей постсоветской эпохи — это противоречие между демократией и авторитаризмом, причем авторитаризмом особым — укорененным в тоталитарном опыте. И тут очень важно услышать голос Льва Дмитриевича Гудкова: «А можно ли вообще уйти от тоталитаризма тем, кто его пережил?»

В силу плюралистичности постсоветской поры на этот вопрос два ответа — да и нет. В постсоветское межвоенье (тридцатилетие между завершением холодной войны и началом российско-украинской войны) присутствуют две сильные универсалистские тенденции — либерально-демократическая, дающая надежду на выход из тоталитаризма, и консервативная, отрицающая эту надежду. Обе эти тенденции имели горизонтом весь человеческий мир, любого человека. Поэтому и важно говорить о человеке сквозь призму опыта советского, и постсоветского, и того, что возникает и позволяет застрелить связанного мирного жителя Бучи.

*То время, куда мы впадаем,
куда нас вбрасывает
новая цезура, запущенная
российско-украинской войной,
принципиально несоотносимо
с универсализмом*

Так вот, постсоветский период был универсалистским. Постсоветский человек может читать энциклику Папы Римского Франциска Fratelli tutti (о братстве и социальной дружбе) и понимать ее. Я очень рекомендую прочесть эту энциклику — вершину современной социальной мысли. Там есть место для любви, для братства, универсальной солидарности.

Но этот текст, как мне кажется, из прошлой эпохи. То время, куда мы впадаем, куда нас вбрасывает новая цезура, запущенная российско-украинской войной, принципиально несоотносимо с универсализмом. Новая эпоха, кажется, вожделеет партикулярности, культурной закрытости, одновременного отрицания индивида и человечества.

Желание быть закрытым самодостаточным сообществом — и невозможность этого — куют человека настоящего времени. Этот человек жаждет войны. Посмотрите на массы и элиты вокруг. Им все менее понятны их же недавний пацифизм, уважение к праву и экономическая рациональность. Теперь на поверхность выходят «коллективная честь», воинственность и «геополитическая метафизика».

То, как легко путинская военная авантюра вовлекла европейские народы в новую эпоху, поразительно лишь на первый взгляд. Подумав, можно заметить, что наше — постсоветское, но и западноевропейское — институциональное строительство последних тридцати лет было ненадежным, нефундаментальным, хрупким. Политическая хрупкость себя показывает везде.

Чтобы уменьшить ущерб от хрупкости, Западная Европа опускает на континент новый «железный занавес». Запад переживает внутреннюю переориентацию (об этом вчера говорил Иван Крастев), в лидеры выбиваются такие страны, как Польша. Новая миссия появляется у Румынии. Себя переизобретает НАТО. И иным становится Евросоюз.

Оказавшись в цезуре, мы видим, что прежний опыт и старые ориентиры не работают, а новые еще не появились. И это влияет на все

политические и международные структуры, созданные в ушедшую эпоху.

Путинская война усилила структурный геополитический конфликт и ускорила пересобирание мир-системы. Запад теряет статус ядра. Возникает Малая Европа на руинах большой европейской мечты. Евросоюз теперь — это Центральная и Западная Европа, причем у Центральной Европы значение возрастает.

Во-вторых, возникла мир-системная солидарность Юга против Запада (не против Севера, а именно против Запада). Обычно мы рассматривали мир-системный конфликт в терминах Запад против Востока или Юг против Севера. А тут — нечто иное. Нежелание Дели и Пекина осудить Россию симптоматичны. К этой антизападной солидарности подтягиваются арабские монархии. Несолитарность с Западом позволяет Дели и Пекину преодолевать противоречия между собой. Оказывается, не только в мечтах путинистов-евразийцев Запад как враг *объединяет* Евразию.

Мы входим в эпоху, когда, видимо, базовым будет партикуляристское противостояние. Это время, которое будет определяться противоречием между региональными империализмами и этнонационализмами.

Если моя догадка верна, то базовое партикуляристское противоречие приведет к дефициту универсализма. Многополярность возникающей мир-системы будет работать как набор разных имперских проектов, воюющих с этнонациональными проектами.

Первая мировая война покончила с империями, а на их руинах возникли сильные национальные государства. Но, кажется, демодернизация — возвратное развитие — оказалась настолько успешной, что мир возвращается вспять, в XIX век.

* * *

И тогда возникает базовый вопрос, на который нам предстоит отвечать. Причем отвечать не словами и в мыслях, а практиками — политическим конструированием, осторожным социальным инжинирингом. Это вопрос о том, как обустроить многополярную мир-систему, где будет возможно мирное сосуществование враждебных международных сетей и враждебных же империалистических и националистических государств.

Если это предположение о партикуляристском характере новой эпохи верно, рецепт XX века с универсальной хартией ООН уже не подходит, однако балансы и относительный мир могут достигаться на основе системы региональных, партикулярных договоров. И это тоже можно обернуть в пользу реформы ООН: нужно создавать метаплатформу международных правил, с помощью которой разные региональные порядки будут как-то друг друга принимать и не допустят стратегической ядерной войны.

Увы, мы уже не говорим о неприменении тактического ядерного оружия. После февраля 2022 года властные элиты приняли названную войну как реальную — хоть и нежеланную — возможность. Ментальный запрет на применение ядерного оружия преодолен...

Новая эпоха ставит задачу перед интеллектуалами доброй воли: как снизить ущерб для жизни на планете от дурного противоречия империализма и национализма? Дурного, поскольку любое решение этого противоречия в партикуляристском контексте ведет к концу человеческой цивилизации. Выйти из дурного противоречия, навязываемого нынешней цезурой, можно лишь с помощью *сверхуниверсализма*.

Кто на него способен? Какие идеи его могут обосновать? Откуда возьмется новое мышление для новой практики наступающей эпохи?

У меня нет ответов на эти вопросы. Я завершу свое выступление постановками задач — себе, нам, людям доброй универсальной воли.

Итак, необходимо самосовершенствование Малой Европы. Это сверхусилие Европы должно быть направлено на возвращение духа универсализма, но с учетом ошибок последнего тридцатилетия.

Путин не должен победить. Необходимо готовить Евро-Россию, Евро-Беларусь, Евро-Казахстан — и проект нового Долгого мира хотя бы в Старом Свете, в Евро-Афро-Азии.

Справимся ли мы? Это вопрос не фактический, это вопрос воли. Люди доброй воли должны справиться!

Дискуссия

Сергей Медведев: В чем новое в новом универсализме? Чем он будет отличаться от старого универсализма? Тем ли, чтобы вернуться к базовым ценностям человеческой жизни, достоинству, сотрудничеству — к азбуке человечности, на которой пытались построить послевоенный мир в ООН? Несколько раз пытались. И Лига Наций на этом пыталась построить. То есть мы каждые сорок-пятьдесят лет пытаемся переизобрести универсализм, а он, по сути, может быть, один и тот же — все в той же кантовской логике.

И второй вопрос. Партикуляристский мир против универсализма. Не кажется ли тебе, что мы, думая о мире в горизонте двадцати-тридцати лет... У Сорокина действие в «Теллурии» происходит, по-моему, в 2042 году. Похожа ли эта антиутопия на то, что мы говорим о партикуляристском мире, что мы придем к набору абсолютно разных неосталинистских, европейских каких-то культов отдельных, исламистских, салафитских республик, монархий, которые будут, условно говоря, объединены неким высокоскоростным интернетом?

Михаил Минаков: Я согласен с тем, что новый универсализм «в идейной сердцевине» будет тем же. Но как *практику* — его нужно переизобретать.

Гриша Брускин. Толпа. 2001–2003

Мы теперь в новом мире — кости уже брошены, и мы вброшены в новый мир. Теперь наши идеи требуют нового практикования. Какого? Ответить сложно.

Интуитивно я ощущаю, что эти практики рождаются из опыта войны. Я недавно говорил с человеком, который почти безвылазно просидел четыре недели в подвале своей многоэтажки в Мариуполе. Он был философствующим человеком, мистиком. Как мистик он выдержал осаду и ужас войны. Его маленькая мистическая вера давала ему силы выдержать самому и поддержать соседей. Но когда он сумел выбраться и выехать в тыл, в украинскую глубинку, то отказался от веры в потустороннее и в магические практики. Он мне сказал, что как будто прозрел, увидев бескрайний горизонт сущего и нашего в нем присутствия. Он теперь философ-универсалист, пытающийся в работе с беженцами, с ранеными и брошенными животными практиковать единство и ценность жизни. По его словам, универсальный горизонт жизни — настоящий ответ на войну и мир, который в ней рождается. Универсальная философия — как лечение эпохи.

В терминах политической и правовой практики универсализм нуждается в новых международных судах и первых международных пенитенциарных системах — без исключений.

Нынешний суверенизм — империалистический и националистический — рождается из дурно понятого онтологического плюрализма, сводящего миры к традиционным сообществам, владеющим исключительным правом на суверенитет. Суверенизму необходимо давать бой на философском и политико-институциональном уровнях.

Мы не должны допустить коррупции, не должны допустить, чтобы демократия и богатство враждовали

И трампизм, и путинизм, и качиньскинизм, и орбанизм едины в том, что отказывают в *суверенитете человеку и человечеству*. Они переоформляют государственный суверенитет и суверенитет человека с его правами в суверенитет традиционного этно-национально-конфессионального большинства. И вокруг него строят политические режимы и

региональные порядки, разрушая универсальную систему баланса суверенитета человека и правового государства, поддерживающую Долгий мир.

Им можно противопоставить более сложные (именно поэтому нам нужно думать: как?) *права всего живого* (а не только человека), суверенитет жизни на Земле.

Суверенитет человека и жизни, возможно, должны иметь больший вес, чем суверенитет государства. Потому что государства — даже правовые — оказались ахиллесовой пятой, из которой уходит жизненная энергия Долгого мира. Интересы государственные, противопоставленные интересам человека и всего живого, подрывают нашу мирность.

Георгий Чижов: Может быть, правильной будет гипотеза о том, что та архаизация, которая сейчас происходит в мире, была просто исторически предопределена? Вы говорили о сорока годах Моисеева кочевья. Но чтобы эти сорок лет начались, Моисею надо было увести свой народ в пустыню. Если бы народ остался на месте, то за эти сорок лет просто ничего бы не произошло. Очевидно, что большинство постсоветских народов «в эту пустыню» просто не пошли бы. Поэтому тридцать лет из сорока можно даже не считать. Мы искали универсализм, уже называя его «потерянным», и не понимали, почему он уходит сквозь пальцы. То есть нам казалось, что мы где-то около этого универсализма, осталось вот только его чуть-чуть нащупать. А в это время большинство народов — европейских и североамериканских — испытывали определенные травмы. Фукуяма в своей «Идентичности» достаточно внятно показал, откуда берется все то, что не нравится нам, сидящим в этом зале, что мешает найти универсализм и что отбрасывает нас в эпоху ценности национального государства. Да, в развитых обществах это национальное государство уже другое. Национальность, которую оно создает, — она гражданская, а не этническая. И тем не менее только национальные государства сейчас кажутся надежным прибежищем от империализма. И украинский пример, возможно, — самый характерный. Да, национальные государства со всеми своими издержками — о них Михаил регулярно говорит и не дает нам забыть, даже тем, кто остается романтическим приверженцем украинского проекта... Может быть, они слишком разогнались, авангард слишком оторвался не только от арьергарда, но и от основной части общества? И, может быть, за это мы теперь и должны заплатить?

Михаил Минаков: Глубокий вопрос. И связан с нашим постсоветским опытом.

В 1990-е годы построение новых государств, экономик и наций начиналось будто с нуля. Я помню слова одного из американских профессоров, приехавшего в Украину, чтобы помочь построить новую экономику. Он говорил: «Мы приехали к вам и вместе с вами создаем новый капитализм». Посткоммунистический транзит начинался так, будто он реализуется в пустыне. И в этом была ошибка.

Балинт Мадьяр, современный политический мыслитель и деятель, в своей книге о мафиозном государстве [Мадьяр, Балинт. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии*. М.: НЛО, 2016] и в ряде последующих показывает, что главная ошибка посткоммунистического транзита и связанных с ним проектов — уверенность в нулевой позиции старта этого транзита. Но нет, мы начинали постсоветские проекты на советском и даже досоветском фундаменте. И теперь последствия этого дают о себе знать. Мы построили экономики и государства, которые ни капиталу не позволили расти, ни государству выполнять свои базовые функции перед населением, ни гражданам участвовать в построении республик надлежащим образом.

Отсюда урок на будущее. Создавая будущие политические проекты, должно помнить, что они будут реализовываться на очень сложном «гумусе», и должны это учитывать. Мы должны строить свои, новые республики, *принимая во внимание постсоветский, а не только советский опыт*. Мы не должны допустить коррупции, не должны допустить, чтобы демократия и богатство враждовали.

Нам нужно помнить, что мы не в пустыне. Мы в культурном мире, который продолжает традиции периодически саморазрушаемых городов Триполья: мы уничтожаем каждые два-три поколения экономический, культурный и человеческий капитал. Достижения прошлых поколений не передаются. Наш мир — мир повторяемой хрупкости. И об этом нужно помнить, проектируя наши новые республики.

Надежда, Вильнюс: Мой вопрос о предопределении или о неизбежности будущего. Можем ли мы утверждать, что ужасные процессы, которые сейчас происходят в мире, каким-то образом конструируют те противоречия, в результате которых, как ни крути, мы все равно придем к новому универсализму?

Марина: На мой взгляд, глобальная история, которую ты показываешь, нуждается в репозиционировании. Я несколько лет уже пытаюсь думать с позиции «я — граждан планеты Земля». Такое репозиционирование как раз и двигает нас в сторону нового универсализма. Насколько возможно репозиционирование людей, хотя бы части глобального сообщества, чтобы начать смотреть на все происходящее с этой глобальной позиции?

Батыр, Чехия — Туркменистан: Я часто слышу о «суверенной России» и ее «особом пути» от живущих в Европе людей, в том числе и от украинцев-мигрантов — они живут в Европе и поддерживают Путина. Как такое может быть вообще?

Паулина Сиегень, Польша: Меня зацепило то, что вы сказали про желанность войны. Мои друзья из Киева в первый день признались, что они почувствовали облегчение от того, что враг наконец показал свое лицо и это устранило невыносимое напряжение, которое длилось очень долго. Мне кажется, что Польша сейчас воюет гроху war против России в идентичностном плане, то есть украинцы воюют ту войну, которую поляки, возможно, хотели бы вести, и у них накопилось много каких-то исторических поводов для этой войны. И отсюда также эта большая польская поддержка. Но когда мы видим такие новости, как из Бучи, то остается лишь страх. А надо, как вы сказали, каждое утро просыпаться и пересобирать себя заново. И у людей уже не остается слов, чтобы выражать то, что они чувствуют.

Какие слова вы для себя находите, чтобы пересобирать себя каждый день, чтобы дальше жить?

Роман Захаров, Польша — Россия: Говоря о цезуре, надо вспомнить и о точках бифуркации и подумать о том, что человечество во времена коренных сломов могло находить позитивные моменты. Вот если цезура без такой бифуркации, без дальнейшего развития, — то это какая-то бессмысленность. И, конечно, становится горько.

Вопрос у меня совершенно конкретный. В эпоху, когда показалась эрозия вообще государств как охранителей демократических ценностей, когда действительно старый универсализм дает сбой и нужно его пересобирать независимо от гуманистических ценностей, а хотя бы с практической точки зрения, как вы верно заметили, — *где те самые ценности*, о которых мы все время забываем? Они же как-то отдаляются по сравнению, например, с политическими выигрышами? Разве вам так не кажется?

Иван Пустовалов, Испания — Россия: Я полностью согласен с концепцией о том, чтобы считать себя гражданином Земли, и с поиском нового универсализма. Но становиться гражданином Земли — это неприемлемо для многих людей, потому что они не могут мыслить в таких категориях, не могут выходить за рамки повседневной картины. Для того, чтобы это преодолеть, нужно дать гражданам новой Земли какую-то цель за ее пределами. Илон Маск — может быть, его идеи будут выходом для нашей агрессивности, для нашего экспансионизма, империализма? Может быть, мы наш империализм отправим в космос, а универсализм оставим на Земле?

Фрэнк Стелла. *Bandshell 12'*. 1999

Михаил Минаков: Предопределенность, детерминизм... Да, это проблема. Когда-то я спорил со своим отцом, сельским опытным учителем. Кажется, в 1988 году он утверждал, что после первого урока в новом классе он может предсказать судьбу учеников. Я как молодой либерал не соглашался: «Предопределенности нет! Будущее открыто! Мы себя делаем с помощью своего выбора!» Чтобы разрешить спор, мы сделали негуманный эксперимент. Папа «предсказал» судьбу ребят из нового класса, где он только начал преподавать. И десять-пятнадцать лет спустя мы проверили истинность его предсказаний. И представьте себе: радикально изменилась социальная структура, произошел распад Советского Союза, возникли новое государство и экономика... но его прогнозы в основном, увы, оправдались: «Эта — рано забеременеет, не пойдет дальше учиться, попадет в капкан вынужденной семейной жизни и будет несчастной... Этот — вернется из армии, пойдет по воровскому пути и сопьется... А вот этот вырвется из села, сделает карьеру в госсекторе...» Лишь несколько прогнозов не оправдались — там, где люди решались на непредвиденные, дерзкие поступки.

Я до сих пор отказываюсь принимать метафизические основания его позиции. Но мир показал, что, несмотря на цезуру, кости могут выпадать отчасти предсказуемо. Это говорит о том, что мы в очень сложной реальности, где есть *и предопределенность, и открытость*.

Вот вы спрашивали, что меня заставляет жить дальше. Мой ответ: чувство долга, волевое усилие этот долг принимать. Делай что должно. А должно то, что в тебе отзывается как твой долг. И иди по этому пути. Причем очень часто он создает проблемы, этому противостоят даже

близкие люди. И я не считаю, что это универсальный выбор. Я не могу его посоветовать каждому. Это — мой выбор. Потому что он отзывается во мне.

Марина, Роман, Иван спрашивали о космополитизме. Я — «безродный космополит», да. Я поддерживаю «пангеистскую программу», то есть я готов быть гражданином Земли. Право на жизнь — это гораздо больше, чем право на жизнь только на Земле. И тогда оно вступает в противоречие с колониализмом, вынесенным вовне. Мне кажется, империализм и колониализм — это один из тех типов социальных патологий, с которым нужно работать постоянно — в себе и в наших обществах!

И вновь: нужно работать с собой, создавать свой «камертон». Мир полон противоречивых принципов и ценностей. Ценности — это *не то, что есть, а то, что должно*. Мы впадаем в дурную метафизику, если считаем, что ценность — это то, что есть...

Конечно, есть религиозные философы, настаивающие на том, что ценности — это то, что *есть*. И они даже создают бытийные структуры, ведущие либо вверх, либо вниз. Вот этот тип мышления я считаю опасным, выдающим предположение о трансцендентном порядке за истину. И тогда выбора у нас нет, все предопределено, детерминировано... Я уверен, что ценность — не есть предопределенность, она — нечто, с чем должно работать и что может сделать нас свободнее, а может быть, в чем-то и мудрее.

И наконец, противоречие между «стадом» и «индивидом»... Не уверен, что это деление настолько уж четкое. Социальная реальность — странная штука. Она состоит из грубой реальности, которую можно пощупать, и из реальности, которая «щупает нас», то есть из необходимых, неизбежных иллюзий. Это последнее можно назвать «ложным сознанием» или тем, что проявляется в «чуде прибавочной стоимости», в товарном фетишизме. Это все иллюзии, но которые работают, которые наполняют смыслом социальную реальность. Убери товарный фетишизм — и мы не сможем по-обывательски насладиться Захер-тортом и кофе меланж в венском кафе. И эта социальная реальность имеет смысл в делениях на бедных и богатых, верных и диссидентов, большинство и меньшинство... Вот эти идеологические эффекты реальности — они неизбежны. И подталкивают нас делать выбор, который прост. Так проще жить!

Но эта простота не мира, а *твоя*. Отдаваясь иллюзиям сложного мира в иллюзорной простоте, ты отказываешься от себя, сложного и неизведанного. Давайте принимать свою сложность и сложность мира! Давайте собирать себя во всей этой сложности и поддерживать друг друга. Быть, по-доброму проявлять волю, жить, поддерживать друг друга в сложном и жестоком мире — быть «про-лайф» в лучшем смысле этого слова.

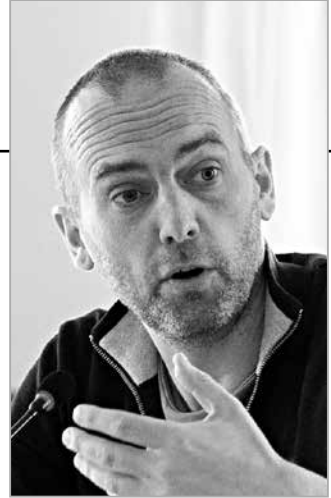
После начала российского вторжения в Украину дискуссия о необходимости и возможности деимпериализации России стала одной из центральных в общественно-политической аналитике. Автор рассуждает о природе империи, условиях ее существования и причинах распада, а также о том, когда от имперских амбиций может отказаться Россия.

Откуда берутся и как распадаются империи*

О природе империи я думал последние три месяца. Сам латинский термин «империя» означает «командование» или «властвование». Так что, даже недолго думая, можно предположить, что само устройство этой политической структуры предполагает некую иерархию, где кто-то над кем-то доминирует. Это определение остается важным и характерным для любого понятия империи вплоть до наших дней.

Для большинства из нас, если не для всех, особенно на Западе, под империей по умолчанию подразумевается Римская империя. Мне кажется, она по сей день служит отправной точкой в размышлениях о любых империях. Римская империя, и империя вообще, предполагает определенный универсализм. Под универсализмом я здесь подразумеваю то, что имперское мышление, имперская логика требуют мыслить обо всей вселенной. Неважно, насколько большой подданные или граждане империи представляют себе эту вселенную; сама логика империи требует, чтобы мы думали о вселенной в целом и представляли себе один порядок, применимый ко всей этой вселенной. Это, на мой взгляд, неотъемлемая черта империи.

Но какова цель этого универсализма? Я думаю, что общим термином для этого будет мир. Империя декларирует, что хочет порядка и мира во всем мире. И главное, что, с ее точки зрения, мешает установлению порядка и мира, — то, что этот универсализм еще не реализован. А отклонения от порядка создают то, что противоположно порядку и миру, то есть хаос и

Викторас Бахметьевас,
философ, Литва

* Выступление на семинаре Школы в Сеговии 26 мая 2022 г.

войну. Так что империя в этой логике даже в чем-то благожелательна: она пытается добиться мира и порядка в мире, но всегда на этом пути борется с препятствиями — и никогда не достигает своей цели.

Из этого следует, что империя не только находится в постоянной борьбе с этими агентами хаоса, агентами войны, но и постоянно расширяется. Империя должна иметь в себе эту логику расширения. Всегда есть кто-то или что-то, какой-то враг или агент хаоса, которые должны быть подчинены этому порядку, чтобы достичь мира. И империя не может считать себя стабильной, потому что всегда есть что-то, что работает против нее.

*Империя декларирует,
что хочет порядка и
мира во всем мире*

Римляне дали нам представление о том, на что это могло быть похоже, но они также дали нам опыт *Pax Romana* — двухсот лет золотого века Римской империи, когда она

была на пике своего развития и представления о достигнутом мире. Теперь это то, к чему так или иначе стремятся все империи.

В Средние века появился другой тип империи — присущий ей универсализм остался, но в иерархическом устройстве империи появился трансцендентный бог, находящийся на вершине этой вселенной. Это можно анализировать или интерпретировать, но по сути это просто еще одна форма идеологического мышления. А когда твоя империя организована по трансцендентным принципам, это добавляет тебе уверенности в себе. Я литовец. Литовское государство образовалось в основном в ответ на расширение христианской империи в нашем регионе. Мы были последними язычниками в Европе и упустили свой шанс креститься без насильственного вторжения. И чрезвычайно интересно изучать, как в XIII и XIV веках все эти благородные люди в Западной Европе стремились отправиться в Северо-Восточную Европу только потому, что они чувствовали, что могут убить всех других людей, которые не являются частью иерархического христианского строя, господствующего в средневековом мышлении.

После Средних веков возникают новые формы империй. Одна из главных их черт — географическая удаленность колоний от метрополии. Этого не было в прежних формах империй, которые расширялись, присоединяя земли к основной территории.

И тут любопытно обратить внимание на современные колониальные и постколониальные исследования, которые, кстати, не называются имперскими исследованиями — это уже дает намек на то, что доминирует в этом мышлении. Но также в современном исследовательском дискурсе существует тенденция отождествлять с империями именно те политические образования, которые размещались в Европе и имели колонии на других континентах — в Австралии, Латинской Америке, Северной Америке, Африке, Азии. По этой странной логике все, что находится в Европе, не является колонией. Это чрезвычайно интересно и, на мой

взгляд, отчасти объясняет, почему Россия не считается империей и не изучается в колониальных и постколониальных исследованиях: просто потому, что эти исследователи не считают присоединенные к России земли колониями.

Другой интересный аспект современной империи — аспект экономической эксплуатации. Его не было (или он был не столь доминирующим) в предыдущих двух итерациях империй, о которых я говорил. Он подразумевает, что коренное население не имеет права голоса в том, как будут распоряжаться его землей. Субъекты колоний при этом в целом рассматриваются как низшие существа, как люди, имеющие меньшую свободу воли, как имеющие меньшее право на жизнь. Но при этом они стали неотъемлемой составляющей личности самих колонизаторов. В том смысле, что колонизаторы не могли бы мыслить себя полностью реализовавшимися, если бы у них не было этих колоний. Так что их идентичность стала зависеть от тех, кого они колонизировали. Колонизаторы не были заинтересованы в гомогенизации и ассимиляции; странность и инаковость местного населения использовались ими для того, чтобы иметь возможность говорить о себе.

Я выделяю три главных фактора, которые служат топливом для расширения имперской власти. Прежде всего это, конечно, военная мощь. Когда ты вторгаешься на чужую территорию, даже если ты считаешь, что местные жители какие-то недочеловеки, идиоты, а не христиане, то вряд ли они скажут «добро пожаловать, делайте все что хотите»: обычно они сопротивляются, и поэтому иметь более сильную военную мощь для империи чрезвычайно полезно. Второй фактор — это экономическая мощь. Необязательно подчинять себе какую-то территорию силой, можно инвестировать в нее деньги или предоставить экономические возможности тем субъектам, которые вы намереваетесь колонизировать. В отличие от военной мощи экономика может быть силой добра, а может быть силой зла. Третий фактор тоже не имеет однозначной окраски: это цивилизация. Империи могут принести на захваченные земли инновации, это могут быть колесо, алфавит, правовая система или лучшее понимание здравоохранения.

Так что когда мы пытаемся проанализировать, что делают империи, мы всегда должны искать эти три действующих фактора, чтобы определить, насколько успешна империя в своих попытках расширения. Мне кажется, все эти три фактора на практике обычно действуют одновременно. Но я думаю, что чем больше цивилизационных или культурных нововведений вы можете предложить, тем меньше военной мощи вам понадобится. Сейчас, я думаю, для этого используется термин «мягкая сила». Я ни в коем случае не хочу оправдывать империи, но я хочу заметить, что это не всегда абсолютное зло.

Как же империи заканчиваются? В моем понимании, есть три концептуальные возможности для того, чтобы империя перестала быть

империей. Первая — имплозия, когда составные части империи, включая метрополию, теряют волю и интерес быть вместе. Этому должны предшествовать серьезные структурные проблемы внутри самой империи. Классический пример — Австро-Венгерская империя. Конечно, были какие-то внешние силы, которые подталкивали ее к краху, но главные причины распада были внутренними. Можно сказать, что под это определение подходят и Османская империя, и даже царская Российская империя.

Вторая возможность для конца империи — ее добровольный и постепенный распад. Здесь есть два примера — Великобритания и Франция. Эти две империи начали свой распад в середине XX века и продолжают распадаться до сих пор. Одна из обязанностей президента Франции —

Что делать, если мы хотим конца империи, какая может быть альтернатива?

ездить каждые несколько лет в какую-нибудь бывшую колонию, чтобы поздравить ее с обретением независимости. Это происходит регулярно, это занимает много времени и, я думаю, это хороший способ распада империи. Потребовалось довольно мудрое политическое руководство, чтобы понять, что удержание колоний си-

лой — это неустойчивая стратегия. Империи распадаются десятилетиями. Но это цивилизованный способ.

Третья концептуальная возможность — это недобровольная деимпериализация. Очевидным примером являются Германия и Япония после Второй мировой войны. Такое развитие событий обычно означает ввод иностранных вооруженных сил в столицу, что влечет за собой потерю суверенитета и военной мощи.

Но что делать, если мы хотим конца империи, какая может быть альтернатива? Одной из альтернатив является национальное государство — это то, что в основном происходило в XX веке. Другая альтернатива — федерация или то, что я назвал бы клубом государств, членство в котором, в отличие от империи, добровольное. В качестве такого клуба можно рассматривать Евросоюз. Третью альтернативу я считаю утопической, однако упомяну ее, поскольку коллеги рассматривают ее как один из вариантов: это объединение небольших местных сообществ, некая племенная организация совместного проживания.

Я не думаю, что современная Россия является империей, близкой к своему концу. Наоборот, я вижу обратное, я вижу расширение империи. Я не вижу никаких внутренних предпосылок к распаду, точно так же как не вижу и никакого желания со стороны российских политических элит начать процесс этого добровольного распада. И наконец, я не вижу непосредственной опасности для России быть оккупированной какой-либо иностранной державой, так что любой недобровольный распад империи в этом смысле невозможен — по крайней мере в данный момент так не выглядит.

*Вестфальская система в начале XXI века: старые вызовы и новые ответы**

*Василий Жарков,
кандидат
исторических наук*

Начиная этот разговор, я нахожусь в очень сложной ситуации, потому что сейчас мирная повестка практически сломана. Все наши дебаты многих лет о теории международных отношений споткнулись обо всем известные события. Поэтому я попытаюсь включить в свое выступление рефлексии последних двух месяцев и соотнести ее с тем, что присутствует в актуальной политической теории.

Актуальность Аустерлица

Начну с интриги. Примерно год назад президент Франции Эмманюэль Макрон, выступая на церемонии, посвященной 200-летию со дня смерти Наполеона Бонапарта, сказал: «И солнце Аустерлица все еще сияет! Да здравствует Республика, да здравствует Франция!» Возникает вопрос: что он имел в виду? Почему он вспомнил Аустерлиц? Для русской части нашей аудитории Аустерлиц связан с рефлексией князя Болконского в «Войне и мире» по поводу одного из сильнейших поражений в его жизни. Наверное, сейчас можно построить такую линию: Аустерлиц, Цусима и, простите меня, русский военный корабль «Москва». В русском сознании это все будет стоять примерно в одном ряду. Так с какой стати Макрон вдруг вспомнил Аустерлиц? И почему при этом сказал: «Да здравствует Республика», — хотя в Аустерлице Франция воевала уже как империя?

Здесь мы должны вспомнить, к чему привел Европу Аустерлиц. Немногим более года спустя под влиянием этого сражения было объявлено о роспуске Священной Римской империи германской нации. Аустерлиц (если говорить о его историческом значении) подвел черту под 844-летним существованием данного образования.

* Выступление на семинаре Школы в Сеговии 26 мая 2022 г.

Думаю, окончательное сокрушение этой средневековой империи и имел в виду Макрон в своей речи по поводу вклада Наполеона в историю.

Елена Михайловна Немировская на открытии нашего семинара сказала, что сейчас Россия выступает как архаичная сила, которая пытается сыграть роль новой империи и борется с национальным государством — Украиной. Это действительно так.

Соответственно, повестка Нового Средневековья и борьбы с ним в Европе не снята до сих пор. Остаются актуальными задачи, связанные с необходимостью разрушения империи. Хотя самая большая империя в истории Европы давно почил в бозе, фактически закончив свое существование гораздо раньше 1806 года. Это произошло еще в 1648 году, после заключения Вестфальского мира.

Как раз на руинах Священной Римской империи сложилось то, что принято называть Вестфальской системой

Как раз на руинах Священной Римской империи сложилось то, что принято называть

Вестфальской системой. Наряду с Вестфальской в отечественной историографии обычно выделяется еще масса систем: Утрехтская, Венская, Версальско-Вашингтонская и даже Ялтинско-Потсдамская, из-за чего возникает терминологическая путаница. Мы путаем *режим* (режим границ) и *систему*. Система — это понятие о более длительных процессах, чем режим. Система представляет собой набор элементов, которые связаны между собой на основании общих принципов.

Когда мы говорим о Вестфальской системе, мы имеем в виду не просто карту границ и набор великих держав в Европе после 1648 года. Мы говорим о чем-то большем — о неких принципах, на основе которых государства существуют и действуют на международной арене. Эти принципы развивались в течение столетий после заключения Вестфальского мира и, судя по всему, будут развиваться дальше. Вот об этом мы и будем говорить сейчас.

Самый долгий имперский ресентимент

Для начала я остановлюсь немного на Священной Римской империи. Вам известны слова Путина (в 2005 году в послании Федеральному собранию), что «распад СССР — это крупнейшая геополитическая катастрофа XX столетия».

Так вот, самая большая геополитическая катастрофа в истории Европы (от которой она, может быть, до сих пор не пришла в себя и уж точно не смогла оправиться в течение всего Средневековья) — это, конечно, распад Римской империи. Конец Древнего Рима шокировал всех, включая тех, кто его сокрушал. Интересно, что как только варвары пришли в Рим, как только первые варварские королевства образовались в Италии и соседней Галлии — сразу появились первые попытки восстановления Римской империи.

Гравюра с изображением геральдики Священной Римской империи. Ок. 1510

Эти попытки начинаются с остготского правителя Теодориха Великого, который не был римлянином, но очень хотел вернуть Римскую империю. Далее мы должны вспомнить короля франков Карла Великого, сумевшего объединить Галлию, Германию и Северную Италию и короноваться в Риме титулом императора. Наконец, в числе наследников Карла нельзя не назвать Оттона I, объединившего земли Германии и Италии и сумевшего создать некий муляж в виде собственно Священной Римской империи.

Священная Римская империя по большому счету не может считаться не только империей — она вообще не была государством в современном смысле этого слова. Каждый сегодня может наугад и посмотреть карты Священной Римской империи. Но если вы там что-то поймете, я буду очень рад. «Лоскутное одеяло» — самая известная метафора в отношении нее. Земли императора перемежаются с владениями Римской церкви, а под ними многочисленные лены — владения феодалов. Все это постоянно дробилось и распадалось на все новые и новые клочки земли. Одна семья могла владеть разными феодами в противоположных частях империи и

В Священной Римской империи не было никаких территориальных границ в современном смысле этого слова

за ее пределами. Добавим к этому вольные города, города имперские и епископские, и путаница только усилится.

Главное, что стоит понять из всего этого, — в Священной Римской империи не было никаких территориальных границ в современном смысле этого слова. Вы можете быть семьей Габсбургов и владеть землями в Испании, на территории современной Австрии и в Нидерландах,

Средневековый порядок начал рушиться в тот момент, когда Римская церковь утратила свой авторитет

претендовать на соседний Эльзас и еще чем-то владеть в Неаполе и так далее: все это будут ваши земли в том смысле, что они привязаны к вам лично. Это будет не государство, а ваше вотчинное владение — просто очень большое по соседству с другими владениями поменьше.

Так выглядит система, при которой ваша власть никогда не станет абсолютной. Потому

что эту власть вы получаете из рук Римского престола. Потому что религиозные отношения, которые играют в вашей жизни ключевую роль, контролируются из Рима. И вы должны делиться с ним и властью, и собственностью, и своим богатством. Вы не можете даже жениться и развестись без того, чтобы папа римский не одобрил это решение. Соответственно, вы ни в коем случае здесь не обладаете суверенитетом в современном смысле этого слова. Здесь нет пока государств, они только в процессе формирования. Есть феодалы, которые владеют каждый своим доменом, и есть система очень сложных процедур их взаимодействия, которое регулируется на уровне особого ленного права. Это все очень далеко от того, к чему мы привыкли сейчас.

Между прочим, в таком виде Европа просуществовала практически тысячу лет. Этот средневековый порядок начал рушиться в тот момент, когда Римская церковь утратила свой авторитет и выстроенную на его основе общеевропейскую католическую иерархию. На ее место начинает приходить нечто новое, что позднее станет эпохой национальных государств. Однако вначале произойдет последняя война за империю в Европе.

Династия Габсбургов правила одновременно в Священной Римской империи и в Испании вместе со всей Южной, Центральной Америкой и Филиппинами. Получив в свое распоряжение порох и пушки, Габсбурги решили, что настал час, когда можно реализовать старую мечту о великой империи в Европе. Они захотели объединить всю католическую Европу в единое государство под своей властью, освященной Римским престолом.

Последняя война за империю в Европе

Началось все с раздела земель в 1617 году, когда испанские и австрийские Габсбурги поделили свои владения в Центральной и Западной Европе и определили, кто будет следующим императором Священной

Римской империи. Этим человеком должен был стать Фердинанд II, ярый сторонник рекаголизации Европы в эпоху Реформации. Это был вызов тем частям Священной Римской империи, которые в тот момент уже находились под властью протестантских сект.

Между прочим, у Священной Римской империи не было даже столицы — вот еще один пример того, что это не совсем современное государство. Был Ахен, где когда-то получил свою корону Карл Великий. Был Рим, где короновались императоры. В период, примыкавший к началу Тридцатилетней войны, ставка Матвея, предшественника императора Фердинанда II, фактически находилась в Праге, так как он был одновременно и чешским королем. Следующий император тоже должен был стать сначала чешским королем, а после этого — императором Священной Римской империи.

Так вот чехи, которые в тот момент были в основном протестантами, обладая неким набором вольностей и привыкнув к тому, что династия Габсбургов согласовывала с сословиями назначение следующего императора, устроили восстание. Они попросту выкинули имперских чиновников из их «офиса» в Праге — сам император находился в тот момент в Вене. Это событие положило начало Тридцатилетней войне.

Здесь я предлагаю сразу перейти к самой трагической странице Тридцатилетней войны, которую нельзя забывать. Не случайно Фердинанду II приписывают следующие слова: «Лучше править пустыней, чем страной еретиков». После поражения на Белой горе в 1620 году Чехия подверглась фактически геноциду. Были уничтожены чешское дворянство и городское протестантское население этой страны. Чехия исчезла с карт Европы на 300 лет без одного года — до тех пор, пока в 1919 году Версальская конференция не определила границы независимой Чехословакии.

Сейчас, мне кажется, мы должны понимать, что такого рода войны за восстановление империи очень опасны именно тем, что чреваты уничтожением всех, кто выступает носителем национального самосознания и готов бороться за создание своего национального государства. Глядя на руины Мариуполя, я по-прежнему надеюсь, что на этот раз в судьбе Украины все будет гораздо лучше, чем когда-то в Чехии.

На протяжении 30 лет той страшной войны разные страны включались в нее на разных этапах. В конечном итоге баланс сложился следующим образом: хотя власть Габсбургов не была уничтожена, с их претензией на абсолютную европейскую гегемонию в Европе было покончено раз и навсегда.

Впервые в Европе сложился новый «антигегемонистский альянс», как пишет об этом Адам Уотсон. Этот альянс не допустил реализации претензии Габсбургов на европейскую гегемонию. К нему присоединились не только протестантские страны — Дания, Швеция, Саксония, Бранденбург, Пфальц и Нидерланды, — но и Франция, которая не была протестантской страной.

Исходя из соображений *raison d'état*, католическая Франция вступила именно в антигабсбургскую коалицию протестантов. Потому что в Париже сочли, что претензии Габсбургов на гегемонию представляют угрозу существованию французского государства.

С этого момента только начинается построение Вестфальской системы — не нужно думать, что она сложилась сразу в 1648 году. Каковы же элементы этой системы?

Вестфальская система и ее составляющие

Прежде всего именно с этого момента субъектами международных отношений становятся территориальные государства, которые постепенно приобретают черты относительно унифицированных национальных общностей. Унифицированных на основе единства языка, системы управления и территории. Территория, язык и система управления —

Территория, язык и система управления — все это достаточно компактно, едино и имеет общую границу

все это достаточно компактно, едино и имеет общую границу.

Первыми возникшими в Европе национальными государствами были Нидерланды. Франция XVII века не может считаться национальным государством, но она уже построена по принципу единства языка, территории и движется в сторону создания единого законодательства. Дальше эта система будет развиваться и расти вплоть до наших дней. И постепенно мы видим, что государств — участников этой системы становится все больше и больше. Например, в 1648 году Англия по большому счету еще не входит к Вестфальскую систему, она занята другими вопросами, и в этот момент там как раз готовятся казнить короля. Но по Утрехтскому соглашению 1714 года Англия (или, точнее, уже Великобритания) входит в число стран, определяющих границы новой Европы. Со временем сюда войдут и другие страны.

В этом отношении очень важен XIX век, «Весна народов», объединение Германии и Италии, борьба за независимость балканских народов. Следующий шаг — Версальский мир 1919 года, когда впервые возникает большинство известных нам современных государств в Центральной и Восточной Европе. Предпоследний этап был связан с падением Берлинской стены в 1989 году, распадом СССР и Югославии. В результате на карте мира, как писал Эрик Хобсбаум, образовалось еще две дюжины независимых государств. Сейчас мы видим лишь очередной болезненный этап эволюции этой системы, в ней нет ничего принципиально нового за последние 300 лет.

Унификации международных отношений, со своей стороны, способствует создание института дипломатии. Дипломатические миссии, дипломатический этикет, подписание дипломатами международных

соглашений — все это создает институциональную основу, которая действует в той или иной степени мирному разрешению конфликтов и поддерживает мирное сосуществование государств. Понятно, что войны в условиях Вестфальской системы не прекратились. Первая война за Пиренеи между Испанией и Францией начинается сразу после Вестфальского мира, и даже Вторая мировая оказалась не последней большой войной в Европе.

Третья и самая важная составляющая Вестфальской системы заключается в том, что в основу политики каждого государства ложится тот самый пресловутый *raison d'état*. Это концепция, придуманная Максимильеном де Бетюном Сюлли во Франции при дворе Генриха IV. На русский язык это можно перевести как «государственный интерес». Заметим, не *национальный* пока интерес, а только *государственный*. Он состоит в том, что внутри страны нужно подчинить всех общему закону, а на международной арене необходимо обеспечить защиту от возможных внешних угроз. Первое способствует установлению суверенитета, а второе приводит к практике «баланса власти».

Суверенитет и баланс власти

Теперь давайте разберемся с этими двумя важнейшими понятиями, которые определяют Вестфальскую систему, — «суверенитет» и «баланс власти».

Суверенитет начинается на самом деле с Аугсбургского мира (1555), с момента, когда впервые принимается правило «чья власть, того и религия». Тогда впервые оказывается, что князья Священной Римской империи больше не подчиняются никому в вопросах выбора веры. Раньше в вопросах религии ими руководил папа римский, но с этого момента над ними больше нет никого. Теперь вопрос религии — это вопрос государственной власти, власть в государстве принадлежит только этому государству и больше никому. Это первая часть суверенитета, которую получают европейские правители. С *этого* начинается суверенитет Нового времени, который сменяет сюзеренные отношения Средневековья.

Дальше такой принцип действовал достаточно жестко и на самом деле сохранился даже в период Холодной войны. Об этом хорошо пишет Хедли Булл: Западный блок не навязывал и не мог навязать советскому блоку свои ценности, как и Советы не могли навязать свои ценности либеральным демократиям. Они существовали изолированно в этом плане, как раз по принципу «чья власть, того и религия», просто религия здесь уже носит секулярный характер. О том же писал Хобсбаум, характеризовавший историю XX века как эпоху религиозной войны между либеральной и коммунистической идеологиями.

Мы видим, что принцип суверенитета в дальнейшем только усиливается. Потому что, по сути, ничего выше компетенции суверенного государства в современном мире нет.

Но значит ли это, что современное государство может творить все что угодно? Давайте представим себе человека, которому приходит такое в голову. Можем даже сказать, как его зовут. Но ведь в чем здесь проблема? Если вы разумный человек, то даже находясь в естественном состоянии, находясь в состоянии, когда над вами нет никакого суда, вы не совершите ничего того, что в результате может обернуться против вас. Вот он, старый гоббсовский принцип, согласно коему в интересах мира и самозащиты каждый актер должен довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, которую допустил бы у других по отношению к себе. Так государства сами ограничивают свою власть

*Легитимность власти
любого государства
определяется лояльностью
его населения*

в интересах сохранения своего суверенитета. Мы сами не будем начинать войну. Мы сами не будем нажимать на красную кнопку, потому что это по большому счету — самоубийство. Если человек, особенно наделенный верховной властью в своей

стране, не понимает естественных границ своего суверенитета, поведение такого человека выглядит довольно странно с точки зрения здравого смысла.

Тем не менее такие люди появлялись и появляются в нашей истории. Я думаю, что вы сами можете выстроить линейку соответствующих персонажей, которые время от времени шли дальше того, что рекомендует им разум. Гоббс об этом тоже предупреждал.

Возвращаясь к проблеме суверенитета, стоит отметить, что легитимность власти любого государства определяется лояльностью его населения. На одной из первых наших сессий прозвучал вопрос: «Почему европейские страны не могут признать Путина нелегитимным правителем?» Потому что это не входит в их компетенцию, друзья. Потому что нелегитимным правителем он может стать только тогда, когда он утратит лояльность — не *поддержку*, замечу вам, а *лояльность* значительной части населения своей страны — и возникнет какой-то другой центр лояльности, который может перехватить власть. Только так! Даже если в Европе скажут завтра, что они не признают Путина в качестве легитимного правителя, от этого ничего не изменится в его положении внутри страны. Мы видим это на примере Лукашенко. Пока правитель сохраняет лояльность населения — он практически непотопляем. Особенно в современных условиях, когда за прошедшие 300 лет суверенитет каждой страны продолжал увеличиваться. Начали с религиозной автономии, а закончили многими другими вещами, вплоть до контроля над телом человека.

Другой принцип Вестфальской системы заключается в балансе власти. На русский язык *balance of power* переводят как «баланс сил», и сразу происходит полный провал понимания. Потому что, во-первых, почему «сил»? Где здесь множественное число? *Balance of power* — тут

нет множественного числа. Почему мы переводим power как «силы»? Power — это «сила» только в батарейках. Если мы переводим этот термин применительно к политике, то power — это «власть». Значит, *balance of power* — это «баланс власти».

Что это значит? Почему здесь важны не только силы? Сила — это *force*, *power* — другое понятие. Более того, Ганс Моргентау предупреждает, что если слишком часто применять *force*, можно потерять *power*. И, кстати говоря, Зеленский (удивительный человек, конечно), когда давал свою пресс-конференцию еще в марте, сказал об этом отдельно. Я поражаюсь его советникам и его собственному дарованию. Потому что — никто в Восточной Европе этого не понимает — он первый. В России этого в особенности никто не понимает. В России «сила» и «власть» — это одно и то же. А это на самом деле — разные вещи. Принципиально разные вещи, которые иногда исключают друг друга.

*Сила — это force,
power — другое понятие*

Власть не исчерпывается только военной силой, и для оценки ее масштаба недостаточно территории, населения и экономического могущества. Все это, конечно, имеет значение, но это еще *не все* во власти. Власть в значительной степени держится также на вере, готовности граждан идти за нее на все, включая смерть. При этом понятно, что это может быть вера не только религиозная, но и вера в свое гражданское общество, вера в свою миссию, и так далее. Это может быть вера в свою страну.

Каждое государство обладает своей долей власти, причем несопоставимой ни с какой больше. Эта власть сильнее во много раз любого отдельного человека или группы лиц, и никакой власти над ней больше не существует.

Власть на международной арене может быть значительно усилена за счет союзов с другими государствами. Вы можете быть не очень большой страной, но заполучив хороших союзников, вы получите больше власти.

Правда, есть один замечательный пример — Швейцарская конфедерация, которая получила свою независимость по Вестфальскому миру ровно тогда же, когда и Нидерланды. Маленькая страна, но есть несколько нюансов, которые гарантируют неприкосновенность ее суверенитета.

Во-первых, это сами швейцарцы. В стране используется принцип всеобщего вооружения народа. Если вы начнете войну со Швейцарией, вы получите против себя все население этой страны. Не многие армии смогут противостоять такому числу людей.

Во-вторых, это особенности географического положения. Территория Швейцарии как страны хоть и невелика, но очень труднодоступна. Стоит взорвать несколько тоннелей в горах, и вы получите полностью непроходимую для ваших войск землю.

Князья выбирают императора Священной Римской империи (Генрих VII). Начало XIV в.

Наконец, если не у вас, то у ваших партнеров обязательно есть деньги в швейцарском банке, поэтому вам или вашим партнерам будет довольно сложно существовать в мире, лишившись своих счетов в швейцарских банках.

Швейцарии даже без вступления во всякие союзы вполне хватает этих трех факторов, чтобы удерживать власть над своей территорией и не иметь никаких проблем ни сейчас, ни в прошлом. Поэтому и Гитлер не решился напасть на Швейцарию, хотя захватил практически всю Европу.

Европейское международное общество и вторжение варваров

В контексте Вестфальской системы возникает еще один важный концепт, который вслед за Хедли Буллом можно назвать «Анархическое общество» (Anarchical Society), или «международное общество» как общество государств. При этом — общество, существующее и складывающееся в Европе как раз начиная где-то с XVI века в контексте крушения старой иерархии, а также распада сюзеренитета, построенного на Священной Римской империи и религиозной иерархии Римского католического престола. И здесь основным институтом, как пишет Хедли Булл, стал именно баланс власти. Дальше к этому институту добавляются некоторые другие, но баланс власти играет здесь ключевую роль.

Государства не просто вовлечены в борьбу подобно гладиаторам (это знаменитое гоббсовское определение, что правители стран смотрят друг на друга, как гладиаторы на арене): все-таки есть какие-то правила и нормы, которые мы, хотим или не хотим, но вынуждены соблюдать.

Таким образом, международная политика не представляет собой ни тотального конфликта, ни полного тождества интересов.

Эта линия в теории международных отношений развивается вслед за Гуго Гроцием. Она занимает срединное место между идеями Гоббса, который отрицает какой-либо порядок международных отношений, и Канта, который искал этот порядок через универсалистскую концепцию федерации республик.

Однако в заключение я не могу не привести цитату, которую очень люблю и с 2014 года постоянно повторяю в своих публичных выступлениях. Это слова Ганса Моргентау. Профессор Моргентау — человек, которого не особенно хорошо знают в России. При этом с некоторых пор у нас стал очень популярен его главный оппонент, нацистский философ Карл Шмидт: вот почему-то именно этого деятеля в России очень полюбили и везде цитируют. Так вот, Моргентау был основным критиком Шмидта, еще когда жил в Германии. После прихода Гитлера к власти он переехал в Америку и стал работать в New School в Нью-Йорке, где была и Ханна Арендт, кстати говоря. Моргентау написал свою знаменитую книгу *Politics Among Nations* в 1948 году, и она является сейчас главным настольным грейт буком для любого студента, который занимается теорией международных отношений. И вот что он написал в своей книге: «Статус-кво неизбежно снова и снова будет нарушаться там, где возможно появление неприрученной варварской власти, которая строит свои законы из ничего, но верит в свои собственные силы как в единственное обоснование своей экспансии».

...Ну вот мы и встретились с этой очередной варварской властью. Причем встретились не вчера — впервые я цитировал эти слова в марте 2014 года в «Новой газете».

Сейчас просто очередной виток этой последней войны за империю. Вопрос лишь в том, в каком смысле она станет последней. Она может оказаться последней войной в истории человечества, точкой в истории мировой цивилизации. Но она может стать и просто последней войной в Европе, если в ней победит молодое национальное государство в антигегемонистском союзе европейских демократий. Надеюсь на второй сценарий, в ходе которого варварская власть будет остановлена и не уничтожит весь остальной мир.

Теоретический прогноз

В заключение я не могу не сказать о тех вызовах, с которыми столкнулась Вестфальская система в последние, условно говоря, без малого 80 лет после 1945 года.

Во-первых, это необычайный рост числа национальных государств — участников этой системы. Если в 1945 году в ООН состояло всего 51 государство, то сейчас их стало 193 плюс два в статусе наблюдателей. Это довольно большое число стран, такого не было никогда

ранее. Здесь и возникает тот самый постколониальный дискурс, о котором так много говорят и который так и не пришел в Россию, потому что мы по-прежнему смотрим на многие вещи в оптике империи.

Во-вторых, мало-помалу усиливается роль негосударственных акторов. Транснациональные корпорации, международные общественные организации и даже отдельные люди все активнее участвуют в международной политике. Например, мы все знаем имена Греты Тунберг или Джулиана Ассанжа — эти люди являются сами по себе актерами международных отношений. За этим стоит понятие World society («Мировое общество»), включающее в себя уже всех людей, живущих на Земле, независимо от границ. Но я не буду сейчас останавливаться на этом концепте — во-первых, потому что он довольно слабо проработан, во-вторых, потому что на это нет времени.

Наконец, глобальные проблемы — изменение климата, пандемия, массовая миграция — принципиально не решаемы на уровне национальных государств. Более того, суверенитет и баланс власти, напротив, мешают их большей кооперации. Что с этим делать — пока не ясно, потому что отказ от государства еще опаснее его известных недостатков.

И здесь — мой финальный тезис, и он, к сожалению, *реалистичский*: несмотря на резонную критику вестфальских принципов со стороны сторонников повестки climate change и решения других глобальных проблем, суверенитет и баланс власти национальных государств еще долго будут составлять фундамент современной системы международных отношений, потому что текущий военный кризис в Европе показывает приверженность этим принципам широкой коалиции демократических стран и примкнувших к этой коалиции ведущих негосударственных акторов.

Что ударило сейчас по России? В первую очередь сыграли роль не санкции на уровне государств, а отключение Netflix, Apple Pay и Google Pay: вот то, что ощутили все. Это уже работает, и получается, что негосударственные акторы действуют гораздо более эффективно в этом вопросе, чем государственные.

В этой связи мой *либеральный добавочный тезис*, который состоит в следующем: в условиях предельно возросшей угрозы «всеобщей истребительной войны» (этот термин впервые употребляет Кант) в послевоенном будущем демократическим нациям и свободным гражданам придется искать и создавать режим более глубокой международной кооперации ради продолжительного мира и решения общечеловеческих задач.

Тем более что все предшествующие войны заканчивались именно сближением и кооперацией: сначала Священный союз, затем Лига Наций, еще один шаг вперед — Организация Объединенных Наций. При позитивном исходе нынешнего кризиса нас ждет очередная, более глубокая стадия кооперации на международной арене — что, конечно, не отменит старых принципов суверенитета и баланса власти.

Политический реализм в свете христианского богословия и теории международных отношений

*Сергей Большаков,
доктор политических наук,
профессор*

Американские дипломаты в первые годы существования страны руководствовались идеей: в мирное время Соединенные Штаты должны политически изолироваться от европейских держав и сохранять строгий нейтралитет в периоды войны. Интеллектуальная традиция американской внешней политики не имела аналогов. В то время как большинство стран оказались в международной системе с дефицитарной системой декларируемых ценностей и рамками выживания, США верили в универсальную применимость своих ценностей для совершенствования человечества. Соответственно и внешняя политика США оправдывалась основополагающими ценностями нации.

Понятие национального интереса в американской научной традиции во многом определяется ее самосознанием. Только в Соединенных Штатах могут быть дебаты о том, что именно представляет собой национальный интерес, и только в системе с такой идеалистической традицией можно использовать инструмент «реализма» в качестве инструмента.

Идеалы общества абсолютны, стратегия общества (особенно внешнеполитическая) зависит от сложившихся условий. Факторы, имеющие отношение к принятию политического решения, требуют тщательного осмысления. Идеалы не требуют переосмысления, но следование им при определенных обстоятельствах порой становится проблематичным. Поэтому политические трения, а порой и конфликты, — неотъемлемая часть жизни общества. Политики и ученые могут найти искомый баланс во внешней политике, признав самодовлеющую роль конкретной ситуации. Вся сложность американской внешней политики — в противоречивой борьбе между стремлением к

нравственному совершенству и изначальным несовершенством современного мира. Мира, в котором мы живем.

Современный реализм в американской политической мысли в немалой степени является реакцией политологов и ученых на наивную, с их точки зрения, либерально-идеалистическую/утопическую традицию, основу политической теории англо-американской традиции еще с XVIII века.

Теологический либерализм уделял больше внимания природным свойствам человека, его способности к прогрессу

Концепция внешнеполитического реализма американского теолога, философа и политолога Рейнхольда Нибура (1892–1971) является реакцией на либерализм, проникший в теологическую мысль XIX и начала XX веков в рамках протестантской традиции. Либерально-утопическая традиция в отношении природы человека постулирует как основу общества фундаментальное благо человека или естественную гармонию интересов людей. «Реалисты» ставят это под сомнение, указывая на человеческую ограниченность и пороки, а также на конфликты, характерные для общества.

Наивность либерально-утопического взгляда на государство подчеркивается выделением им формы правления как причины раздоров и войн между государствами. Для «реалистов» форма правления практически не влияет на готовность государства к войне.

Наконец, либерально-идеалистический/утопический подход к международным отношениям имеет тенденцию игнорировать соотношение сил между государствами. Для сторонников концепции реализма основной характер международных отношений — это соотношение интересов и власти суверенных государств.

Теологический либерализм протестантской мысли XIX и XX веков, конечно же, не интересуется политических теоретиков, что важно для понимания взглядов Р. Нибура, о которых пойдет речь ниже. Теологический либерализм уделял большое внимание природным свойствам человека, его способности к прогрессу. В США теологический либерализм концентрировался вокруг социального прогресса, основанного на христианских принципах. Возможно, самый краткий и осуждающий комментарий к американскому теологическому либерализму был сделан Хельмутом Нибуром, младшим братом Рейнхольда Нибура: «Бог без гнева привел людей без греха в царство без суда через служение Христу без Креста».

Реалисты американской традиции

Так кто же такие реалисты американской традиции?

Тех, кто называет себя реалистами или идентифицирует себя с таковыми, много. В США они оказали наибольшее влияние на академические

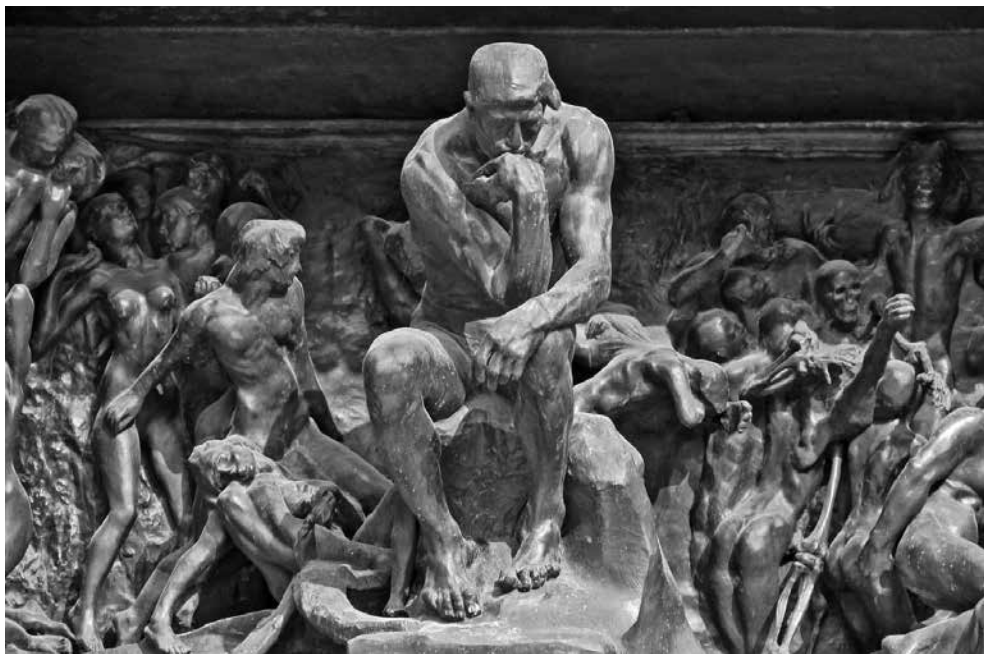
круги, на установление масштабов интересов реализма в политической теории. В их числе Рейнхольд Нибур, Ганс Дж. Моргентау, Николас Спикмен, Фредерик Шуман, Джордж Кеннан, Роберт Страус-Хюпе, Э. Х. Карр и Арнольд Вольферс. Многие из них играли ведущую роль в разработке реальной политики, будучи либо советниками государственных учреждений, либо членами групп по выработке политики официальных правительственных кругов. Все они озабочены фактическими политическими решениями США и пытаются найти им место в рамках теории. Но не многие из них открыто заявляли о своих позициях в расчете повлиять на общественное мнение. Только Рейнхольд Нибур и Ганс Моргентау предлагали то, что можно было бы назвать авторской концепцией, или теорией политики, задавались вопросом о природе человека, а также о природе международных отношений.

Ужасы I и II мировых войн во многом обусловили обращение американской внешнеполитической мысли к общечеловеческим ценностям в русле реализма. Р. Нибур в книге «Христианство и силовая политика» писал, что в либерализме мало понимания глубины, до которой может опуститься человеческая злонамеренность, и высот, до которых может подняться злокачественная власть.

После трагедии 11 сентября 2001, после дорогостоящих и безрезультатных войн в Афганистане и Ираке американское общество вновь обратилось к христианским ценностям, входившим в эволюционную концепцию реализма во внешней политике. По мнению многих политологов США, в тот самый момент, когда политическим и религиозным идеалам Запада угрожают новые формы террора и тоталитаризма, большая часть Протестантской церкви не имеет интеллектуальных и моральных ресурсов для борьбы с ними. Проблема, на их взгляд, в том, что невозможно постичь тайну и силу Креста Христова без осознания глубины человеческой вины и сил зла. «Евангелие — это нечто большее, чем закон любви. Евангелие имеет дело с тем фактом, что люди нарушают закон любви, — писал Р. Нибур. — Евангелие представляет Христа как залог и откровение Божьей милости, которая находит человека в его восстании и побеждает его грех».

Чрезвычайно сложна теоретически и доктрина Магистериума Римско-католической церкви о природе политики. Вряд ли можно отрицать влияние Иоанна XXIII, Иоанна Павла II на Церковь и на мир¹. Важно отметить, что энциклика Иоанна XXIII *Pacem in Terris*, в которой открыто говорится о природе мира между людьми и государствами в общемировом контексте, стала одной из первых папских энциклик,

¹ Pope John XXIII. *Mater et Magistra*. William J. Gibbons (trans.). New York: Paulist Press, 1961; AAS LIII (1961) 501–564; Pope John XXIII. *Pacem in Terris*. William J. Gibbons (trans.). New York: Paulist Press, 1963; AAS LV (1963) 257–304; Pope John XXIII. *Ad Petri Cathedram*. Martin F. Connor (trans.) in *The Encyclicals and other Messages of John XXIII*, Washington: TPS Press, 1964; AAS LI (1959) 497–531.

Огюст Роден. Мыслитель. Фрагмент композиции «Врата ада». 1882

обращенных не только к Церкви, но и ко всем людям доброй воли. Второй Ватиканский собор и Павел VI продолжили эту традицию². Помимо прочего эти документы являются частью более широкой традиции социальных энциклик, берущей начало еще со времен папы Льва XIII (1810–1903).

В том, что касается природы человека, избранные представители Магистериума придерживаются консенсуса, отражающего многовековую традицию Ватикана. Это отправная точка и для анализа Магистериумом политических реалий современности, анализа внешнеполитических решений³. Имея дело с природой государства и международных отношений, Магистериум Ватикана постоянно соотносит их с той ролью, которую они играют в реализации человеческого достоинства.

Концептуальный подход Ватикана на уровне теории является нормативным. Для сферы государства он предлагает более реалистичные нормы, нежели для сферы международных отношений.

Сам термин «Магистериум» означает не просто нормативный корпус католической доктрины толкования Слова Божьего. Это еще и важная институция. Адресуя определенные документы (в том числе энциклики) не только католикам, но и обществу, и всему миру, Магистериум в этих случаях использует модель обучения, которая является пророческой и диалогической. Всему международному сообществу он предлагает свое

² Pope Paul VI. *Populorum Progressio*. New York; Paulist Press, 1967; AAS LIX (1967).

³ Pope Paul VI. Address to participants in an international discussion of problems of technical assistance and of formation of leaders in underdeveloped countries. May 9, 1964; AAS LI (1964) 444–448.

видение и понимание мира по важным культурным, социально-экономическим и политическим вопросам. Учение Магистериума достаточно серьезно воспринимается теоретиками, политологами и политиками независимо от того, католики они или нет.

Исследование теоретической мысли и наследия Магистериума о природе человека, государства и международных отношений позволяет говорить о взаимосвязанности и взаимозависимости этих уровней.

В конце XX века многие в США считали, что Соединенные Штаты являются христианской нацией и что культура, а также законы и внешняя политика должны воплощать основные религиозные ценности, которые приняло общество. Религиозный фактор повлиял на взгляды большой христианской общины США, на международные отношения, способствовал развитию американского христианского интернационализма, объединявшего христианство с американскими политическими и экономическими принципами и стремящегося экспортировать эти ценности в мир.

Нет в индивидуализме спасения?

В атмосфере американского либерализма Р. Нибур черпает оптимизм и силу из двух сходящихся течений социальной мысли — «Социального Евангелия» священника и богослова Уолтера Раушенбуша и «американского прагматизма» философа Джона Дьюи. Сегодня движение «Социальное Евангелие» начала XX века представляется нам достаточно наивным и нереалистичным подходом к сложностям социальной реальности. Однако люди, которые верили и проповедовали его, пытались спасти Протестантскую церковь в Америке от индивидуалистического благочестия XIX века, сосредоточившись на личных отношениях с Иисусом и исключив социальные интересы.

Р. Нибур осознавал тот факт, что грех является гораздо более серьезной и всепроникающей реальностью, чем это допускает «Социальное Евангелие», и, вопреки общественному благочестию, в индивидуализме не видел спасения⁴. Растущее разочарование в либерализме церковных и академических сообществ и осознание недостаточности традиции XIX века в борьбе с социальными вызовами привели Р. Нибура к переформулировке христианской доктрины.

Р. Нибур сознательно развивает теологическую антропологию в диалоге с великими умами христианской традиции и размышляет над текущими проблемами и конкретными решениями: «Идеалы не оспариваются и не применяются, если они окончательно не воплощены в конкретных предложениях для конкретных ситуаций»⁵. Центральное

⁴ R. Niebuhr. Intellectual Autobiography, in Bretall, Political Thought, p. 8.

⁵ R. Niebuhr. Christianity and Power Politics. New York: C. Scribner's Sons, 1940, p. 31. Cf. R. Niebuhr, Christian Realism and Political Problems. New York: C. Scribner's Sons, 1953, ch. 1 and 7.

место в видении Р. Нибуром человека занимает напряжение, или, точнее, ряд напряжений, конституирующих состояние человека. Эти напряжения возникают из-за испорченного восприятия человеком человеческой свободы, которая, тем не менее, является стремлением к трансцендентному. Эти напряжения будут разрешены только в смерти и, в конечном счете, во всеобщем воскресении, в котором человеческая природа и история исполнятся в историческом «когда Бог будет всё во всё». Свобода же порождает фундаментальные различия между индивидуумом и обществом.

Для Р. Нибура свобода — источник подлинной индивидуальности и в то же время источник социальных отношений. Это противоречие между личностью и обществом является фундаментальным для концепции Р. Нибура и поднимает на поверхность дискуссии соображения

Растущее разочарование в либерализме церковных и академических сообществ и осознание недостаточности традиции XIX века в борьбе с социальными вызовами привели Р. Нибура к переформулировке христианской доктрины

этические, а именно: необходимо четко видеть различия между моральным и социальным поведением отдельных лиц и социальных групп, национальных, расовых и экономических. Это различие оправдывает и делает необходимой публичную политику, в которой индивидуалистическая этика всегда должна вызывать сомнение. Это центральное различие послужило аналитическим инструментом для

написания Р. Нибуром его труда «Нравственный человек и аморальное общество», изданного в 1932 году. Оно оставалось центральным тезисом и в одной из последних его работ «Природа человека и его общества», опубликованной в 1965 году. В ней была сделана попытка «изображать двойные эффекты — добра и зла, индивидуального и социального, а также уникальной свободы, которой наделены человеческие существа»⁶. Индивидуум способен превзойти самого себя, чтобы усовершенствовать человеческие сообщества. В то же время он способен превзойти общину и осудить ее. Сложность, по Р. Нибуру, в том, что «в принципе, христианская вера принимает тот факт, что человеческая природа содержит как эгоистичные, так и социальные импульсы и что первые сильнее вторых. Это предположение лежит в основе христианского реализма. Но добродетель, присущая такому реалистическому анализу условий человеческого существования, не гарантирует справедливости христианского решения двух проблем — установления гармонии между самостоятельными личностями в гражданском сообществе и отношений целостных политических сообществ друг с другом.

⁶ R. Niebuhr. Man's Nature and His Communities. New York: Charles Scribner's Sons, 1965, p. 10.

Вторая проблема, естественно, более трудноразрешима, чем первая, из-за силы коллективного самоуважения по сравнению с самоуважением отдельных людей⁷.

Люди могут верить, что они должны любить друг друга, и служить друг другу, и могут как личности даже достичь этого идеала. Группам это не дано. Строго говоря, только индивидуум является моральным агентом, при этом высокомерие и страхи индивидуума могут даже послужить источником групповой гордыни и агрессии.

Внутригрупповые отношения человека представляют собой неоднозначную диффузию его страха силы, стремления к самовозвеличанию, способности к альтруизму и желания воплощать ценности, которые он не может воплотить в одиночку. Группа же является получателем этих страхов и импульсов⁸. Соответственно, это отзывается конфликтами в межгрупповых отношениях.

Итак, основной конфликт находится внутри человека. Как говорит апостол Павел, «доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». Эгоизм и альтруизм характеризуют межличностные отношения. Конфликт, по Р. Нибуру, представляется качественно иным, когда он достигает уровня межгрупповых отношений. Рациональные и религиозные ресурсы могут смягчить, но не устранить конфликт между группами. Ситуация неизбежного эгоизма и конфликта интересов не освобождает человека от необходимости принятия моральных решений относительно межгрупповых отношений. Человек в силу его индивидуальных качеств может выйти за пределы своей группы, однако он не может навязывать свою индивидуальную мораль группе.

Для Р. Нибура основным грехом человека является гордыня или идолопоклонство. Для анализа первопричины греха Р. Нибур использует кьеркегоровскую концепцию тревоги⁹. Греховность человека неизбежна, но не необходима, ибо человек свободен. Свобода человека и его способность к самопревосхождению лежат в основе его творчества; свобода же порождает искушение и греховность человека. Капризы случайностей, в которые вовлечен человек, вызывают в нем тревогу, и от тревожности человек стремится превратить свою изначальную конечность в бесконечность, свою зависимость в независимость. То есть «ищет спасения своей жизни». В стремлении утвердиться в собственной независимости человек себя теряет, принимая случайное как необходимое, а временное как вечное. Этот грех неизбежен, но не необходим, если человек верует и доверяет Богу.

⁷ Ibid., p. 39.

⁸ R. Niebuhr. *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. New York: Charles Scribner's Sons, 1932, p. XII; R. Niebuhr. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation*. Vol. 1, *Human Nature*. New York: Charles Scribner's Sons, 1941, p. 210.

⁹ Niebuhr, Reinhold. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation*. Vol. 1, *Human Nature*. New York: Charles Scribner's Sons, 1941, p. 185, 251 and ch. 9.

Справедливость и власть

У справедливости, по Р. Нибуру, двойкий источник. Во-первых, принцип справедливости заложен в законах. Законы отражают постоянные, сложные и беспристрастные обязательства эго по отношению к другому¹⁰. Принцип равенства есть идеал справедливости, по которому можно судить о законах, и этот принцип действителен, хотя и невозможен для реализации. Второй источник справедливости проистекает из того факта, что жизнь не вполне укладывается в формы закона.

Все человеческие сообщества структурированы центральным организующим принципом власти и равновесием власти. Как Р. Нибур понимает эту «власть», которая характерна для всех человеческих сообществ?¹¹

По сути, власть — это инструмент эго в его выдвижении своих требований к другому. Инструментом могут быть физическая сила, ментальная и эмоциональная энергия, обладание или претензия на добродетель, престиж. Вообще говоря, социальная власть основывается на дифференциации социальных функций, она может быть военной, религиозной или экономической.

Рассматривая различные формы власти, Р. Нибур отрицает резкое различие между разумом и силой: «Ни одна форма индивидуальной или общественной власти не существует без физической силы или без узкой вершины “духа”, которая выходит за пределы конфликта и напряжения жизненных сил». Власть и постоянно меняющийся баланс сил действуют в любом сообществе. Для Р. Нибура является аксиомой, что большие диспропорции власти ведут к несправедливости. Однако власть сама по себе не является злом, а степень справедливости может быть реализована только с помощью силы. Человек в истории не может избежать зла несправедливости, даже если он борется за осуществление справедливости. От этого парадокса власти и справедливости человеку не уйти¹².

Власть — неизбежная составляющая публичной жизни человека. Благодаря власти он может организовать группы для достижения определенных целей. Власть, однако, легко уступает место гордыне и навязыванию несправедливости другим. Но когда сила встречается с силой, ее результатом может стать баланс сил, и это есть средство достижения справедливости.

Р. Нибур иронически рассматривает человека в истории. Слабости и неудачи человека могут послужить основой его успеха и самореализации, но успехи — привести к тому, что человек превзойдет самого себя

¹⁰ Niebuhr, Reinhold. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation*. Vol. 11, *Human Destiny*. New York: Charles Scribner's Sons, 1943, p. 248.

¹¹ Niebuhr, Reinhold. *Prophet to Politician*. Nashville: Abingdon Press, 1972, pp. 176–180.

¹² Niebuhr R. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation*. Vol. 11, *Human Destiny*. New York: Charles Scribner's Sons, 1943, p. 284.

и потерпит неудачу. Спасается человек жертвенной любовью Бога, и в этом Р. Нибур усматривает изрядную долю иронии.

О воле к власти

Исторический вектор исследований другого автора, американского политолога, основателя и главы школы прагматизма и политического реализма, ведущего теоретика США по внешнеполитическим вопросам Ганса Моргентау (1904–1980), отличается от других подходов к теории международных отношений. Г. Моргентау вообще отрицает возможность теории политики. Изучение международных отношений — это изучение текущих событий, понимание которых ограничено недостатком информации.

В основе любой политической теории лежит особое представление о природе человека. Г. Моргентау утверждает, что законы политики коренятся в неизменности человеческой природы.

Г. Моргентау намерен интеллектуально сохранить «автономию политической сферы, как сохраняют свою автономию экономист, юрист, моралист»¹³. Хотя он и знает о существовании других стандартов мышления помимо политических, он настаивает на том, что изучающий политику «не может не подчинить эти стандарты стандартам политика». Автономию политики, по Г. Моргентау, обеспечивает «плюралистическая концепция человеческой природы»¹⁴.

Сегодняшний человек состоит из «человека экономического», «человека политического», «человека нравственного», «человека религиозного» и т. д. Однако всякий человек был бы глупцом, будь он совершенно лишен благоразумия.

Следовательно, у любого человека или группы есть интересы, которые противопоставлены интересам других. Кроме того, человек по своей природе желает господствовать над другими, т. е. он проявляет волю к власти, или *animus dominandi*. Это свойственно индивидууму, и эффект усиливается в группе.

Отметим, что определение политики, сформулированное Г. Моргентау, «интерес, определяемый в терминах власти», наличествует и в его описании природы человека. Для Г. Моргентау человек не только социален, но и политичен по своей природе. То, что сущность человека неотделима от политики, Г. Моргентау рассматривает в качестве интегрирующего философского принципа; политическая сфера становится уже не просто автономной, а доминирующей.

Сама конечность человека вовлекает его во зло, ибо выбор одной цели или предпочтение одного человека другим предполагает разделенный долг, с которым невозможно примириться¹⁵. Мало того, что человек

¹³ Morgenthau H. Truth and Power. New York: Praeger, 1970, p. 11.

¹⁴ Morgenthau H. Ibid., p. 14.

¹⁵ Morgenthau, Hans J. Man vs. Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1964, p. 19.

движим иррациональными силами интереса и эмоций, он в силу своей ограниченности вынужден действовать эгоистично. Требования же бескорыстия настолько непосильны, что любая попытка хотя бы приблизительного бескорыстия неизбежно привела бы к поражению индивидуума, лишая его способности вносить хотя бы некоторую долю бескорыстия для удовлетворения непреодолимых по своей сути требований современного мира. Попытка отдать должное этике бескорыстия, таким образом, приводит к парадоксу: следует быть эгоистичным, чтобы иметь возможность выполнить, по крайней мере в определенной степени, моральное обязательство бескорыстия.

Воля к власти сама по себе не есть политическая сила. По Г. Моргентау, политическая власть есть взаимные отношения контроля между носителями государственной власти и народом в целом. Политическая власть — это психологическое отношение между теми, кто ею обладает, и теми, над кем она осуществляется.

Хотя воля к власти сама по себе не является политической в строгом смысле, она составляет самую сущность политического действия. Это конститутивный принцип политики как отдельной сферы человеческой деятельности. Зло, развращающее политическое действие, есть то же самое зло, которое развращает всякое действие. Различие между частным и политическим действием не в невиновности или вине, нравственности и безнравственности, добре и зле, оно только в степени, в которой оба типа действия отклоняются от этической нормы.

Г. Моргентау постоянно возвращается к проблеме морали и политики. Попытка следовать этическим принципам или применять их ведет к политическому провалу¹⁶. Принципы морали не обладают тем же содержательным качеством, что и принципы политики, экономики или права. Хотя Г. Моргентау говорит о принципах иудео-христианской традиции, его основной этический принцип, по-видимому, вытекает из кантовского категорического императива. Суть в том, что к людям никогда не следует относиться как к средствам, а только как к цели.

Определение меньшего зла должно, по Г. Моргентау, происходить из предвидения вероятных последствий различных действий. Осторожность становится главной добродетелью политика. Успешные политические результаты должны определяться принципом политики — интересом, определяемым властью.

Для Г. Моргентау законы политики уходят корнями в человеческую природу. Люди и народы будут игнорировать эти законы на свой страх и риск, это их право и выбор.

Что Г. Моргентау понимает под свободой? Свобода, утверждает он, есть условие морального, но не эмпирического существования человека.

---

¹⁶ Morgenthau, Hans J. *Politics in the Twentieth Century*. Vol. 3. *The Restoration of American Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1962, p. 167.

Под моралью он понимает свободу выбора целей и средств для достижения этих целей. Однако эмпирически человек не свободен. Г. Моргантау заменяет наблюдение Ж.-Ж. Руссо о том, что «человек рождается свободным и везде он находится в цепях», на: «человек рождается и живет в цепях, поскольку он является объектом политического господства». Понятие «всеобщей и абсолютной свободы» является для Г. Моргантау терминологическим противоречием¹⁷.

Воля человека к власти приводит его к конфликту с другими и неизбежно ведет к отношениям «господин — подданный». Это верно для любого общества.

Человек, по Г. Моргантау, на философском уровне является не более чем частичным описанием того, что человек делает. Что такое человек в нормативном смысле, сказать невозможно. Разделение человека на какие-либо автономные сферы приводит к постулированию дихотомии, при которой каждая сфера управляется своими собственными принципами. Они остаются изолированными друг от друга из-за отсутствия какого-либо интегративного принципа. В действительности лишь воля к власти, по-видимому, служит интегрирующим принципом, поскольку она присутствует в любом человеческом действии. Для Г. Моргантау человек по существу своему политичен, а политическое — автономно. Трансцендентное остается неизвестным и непознаваемым.

Для многих реализм является синонимом одержимости властью. Все реалисты уделяют особое внимание реальности власти в своем анализе государства и международных отношений

Реализм — синоним одержимости властью?

Цивилизованный человек не более и не менее груб, своекорыстен или безнравствен, чем дописьменный человек. Реалисты отмечают, что прогресс в технических знаниях не привел к соответствующему прогрессу в морали и что человек в обществе подвержен не только суровым ограничениям его способности знать и желать. Человек также подвержен иррациональным побуждениям, которые он не может полностью контролировать и которые вмешиваются в его жизнь и социальные отношения.

Для многих реализм является синонимом одержимости властью. Верно, что все реалисты уделяют особое внимание реальности власти в своем анализе государства и международных отношений. Например, Роберт Страус-Хюпе, американский дипломат и теоретик геополитики, понимает волю к власти как свойство, происходящее из фундаментального

¹⁷ Morgenthau, Hans J. *Politics in the Twentieth Century*. Vol. 3. *The Restoration of American Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1962, p. 36.

стремления к самовозвеличиванию или самоутверждению. Объяснение функционирования любого общества с точки зрения власти, его роста и стремления начинается, по мнению Страуса-Хюпе, с «неполного понимания человека». Ошибка философии, на его взгляд, заключается в том, что философы удаляют власть из ее человеческого социального контекста, делая ее единственной целью человеческих стремлений, сознательных или бессознательных. Страус-Хюпе отмечает, что люди желают не только править и быть управляемыми, но они желают и других вещей: любви, уважения, снисходительности, свободы и чистой совести. Это помещает волю к власти в более широкий контекст человеческих желаний и побуждений.

Общество — это человек в широком смысле, и в своих социальных отношениях человек может опосредованно реализовывать свои дурные склонности, называя их добродетелями. Например, индивидуальный эгоизм может смениться групповой лояльностью. На иррациональность можно воздействовать разумом и, когда это необходимо, силой в защиту разума (хотя во многих случаях это рационализация собственных интересов группы). Воля к власти есть реальность, а не слепая безличная сила истории. Это человеческая реальность, и на нее можно ответить противодействием.

Реалисты обращаются к истории, чтобы проиллюстрировать реалии, о которых они говорят. История свидетельствует о человеческих недостатках, глупости, эгоизме и иррациональности. Для реалистов вся написанная история человека является веским аргументом против любых предположений о необходимости совершенствования человека. В свете прошлого мало оснований надеяться на какие-либо существенные изменения в человеческой природе и человеческой политике.

Природа человека, общества и назначение государства

Р. Нибура и Г. Моргентау, в свой черед, отличает от других реалистов попытка непосредственно разобраться с истоками человеческой природы. Некоторые из реалистов утверждают, что в человеке заложено нравственное чувство, но при этом человек бессилен существенно изменить свою природу. Лучшее, что может сделать человек, — это принять свои ограничения и стремления и попытаться смягчить их влияние на свою социальную жизнь.

Теория государственного управления Р. Нибура обладает нормативным качеством, основанным на предлагаемых им критериях управления: власть и справедливость. С точки зрения власти и властолюбия все формы правления одинаковы, т. е. одна форма не обязательно более миролюбива, чем другая, и все имеют тенденцию к самовозвеличиванию. С точки зрения справедливости формы правления различны и могут считаться более или менее справедливыми. Р. Нибура демонстрирует

явное предпочтение демократической форме правления; это предпочтение основано не только на культурном наследии, но и на принципах справедливости.

Организирующие принципы публичного управления вытекают из природы общества, в котором коренится необходимость управления. Для Р. Нибура первым принципом правления является централизация власти, которая действует как орган воли сообщества, разрешая конфликты, управляя процессами взаимной поддержки и принуждая к подчинению социальным процессам¹⁸. Внутренне централизующая власть препятствует вырождению сил, не допускающих соскальзывание в анархию. Р. Нибур не считает, что авторитет правительства коренится только в силе, хотя минимальная степень силы является составляющей всякой власти.

Второй организующий принцип — баланс сил — также незаменим для государственного управления. «Господства одной жизни над другой наиболее успешно удастся избежать путем равновесия жизненных сил, так что слабость не вызывает порабощения со стороны сильного»¹⁹. Равновесие сил есть приближение к единству, но это не братство; оно не исключает любви, более того, без любви баланс сил привел бы к конфликту: «Без баланса сил даже самые любящие отношения могут выродиться в несправедливые отношения, и любовь может стать экраном, скрывающим справедливость»²⁰.

С точки же зрения Г. Моргантау, либерал видит в обществе добро, а в государстве зло, в человеке — добродетель, но испорченную институтами и разумом как верховным арбитром реальности. Либеральная традиция, утверждает Г. Моргантау, проявлялась по-разному. В частности, в конце XIX и начале XX веков наблюдалась тенденция к анархизму²¹.

Еще одна разновидность либерализма, по его мнению, — либерализм социальных реформ, которыми намеревались ускорить естественный прогресс человека посредством выработки законодательства. Однако либеральная традиция, полагает Г. Моргантау, во всех ее вариациях неправильно понимает природу человека, общества и политики. Особенно очевидны и опасны ошибки либералов в их трактовке характера внешней политики государств.

Г. Моргантау утверждает, что либерал отождествляет внутреннюю и внешнюю политику, т. е. считает, что внешняя политика нации является функцией ее внутренней ситуации. «Либерализм полагает, что

¹⁸ Niebuhr, Reinhold. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation*. Vol. 11. *Human Destiny*. New York: Charles Scribner's Sons, 1943, p. 266.

¹⁹ Niebuhr, Reinhold. *Ibid.*, p. 265.

²⁰ Niebuhr, Reinhold. *Christianity and Power Politics*. New York: Charles Scribner's Sons, 1940, p. 26.

²¹ Morgenthau, Hans J. *Politics in the Twentieth Century*. Vol. 3. University of Chicago Press, 1962, p. 30.

Томас Хаусего (Thomas Houseago). Инсталляция. 2019

внешняя политика страны является простым отражением ее внутренней политической ситуации, так что, трансформируя последнее, можно изменить первое по своему желанию»²². Выдающимся интерпретатором либеральной мысли Г. Моргентау считает доктора философии, американского президента (1913–1921) Вудро Вильсона, определившего, в частности, принцип самоуправления общества на основе свободных выборов в качестве одного из верных способов гарантировать гармонию государства.

Если для Г. Моргентау общество — это человек в целом, то общество будет проявлять те же влечения и подвергаться тем же неясностям, что и сам человек как индивидуум. Отмечая важность *animus dominandi* в научной мысли, Г. Моргентау подчеркивает, что у человека есть воля к власти и стремление к господству над другими людьми. И одна из главных ролей общества в целом состоит в том, чтобы «подавлять и держать в рамках индивидуальные стремления к власти. Общество установило определенные правила поведения и институции для контроля над индивидуальными стремлениями к власти. Индивидуум всегда существует в совокупности социальных отношений, посредством которых он формируется и в которые он вносит свой вклад. Таким образом, социальные силы являются продуктом человеческой природы»²³.

²² Morgenthau, Hans J. *Ibid.*, p. 65.

²³ Morgenthau, Hans J. *Politics in the Twentieth Century*, Vol. 1. *The Decline of Democratic Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1962, p. 7.

Социальная и институциональная жизнь человека не может поднять его над тем, чем он является, — существом, сильно ограниченным во многих отношениях и движимым иррациональной волей к власти. Принудительный характер государства означает, что власть является организующим принципом. Она может варьироваться от физического насилия до убеждения, но в любом случае «власть — это аппарат упорядоченного принуждения. Без осуществления власти нельзя ни установить, ни поддерживать политический порядок. Власть охраняет общество от анархии»²⁴.

Со своей стороны Р. Нибур признает, что причиной конфликтов между различными социальными группами могут быть религиозные различия, расхождение представлений о человеке и Боге, и «это может стать орудием человеческого высокомерия»²⁵. При этом Р. Нибур утверждает, что христианский догмат жертвенной любви, выходящей за пределы истории, имеет отношение к пониманию политических реалий на международном уровне: «Вот почему в политической жизни мы должны измерять реальности с точки зрения возможных исторических альтернатив, а не с помощью сравнения с идеальными возможностями, ибо политические ценности весьма относительны. У нас никогда не будет возможности выбирать между настоящей тиранией и настоящей свободой; мы можем выбирать только между тиранией и относительной демократией. У нас нет выбора между войной и совершенным миром, а только между войной и шатким миром, некоторого достаточно приличного и устойчивого равновесия социальных сил. Мы не можем выбирать между насилием и ненасилием, а только между насилием и государственной мудростью, которая стремится регулировать социальные силы без насилия, но не может гарантировать иммунитет от столкновений и конфликтов. У нас никогда не было возможности — и, вероятно, никогда не будет — выбора между несправедливостью и полным равенством, но только между несправедливостью и справедливостью, которая движется к равенству и включает в себя некоторые из его ценностей»²⁶.

Для Р. Нибура все исторические политические реалии относительны перед лицом Абсолютного суда Бога. Но и из исторической ретроспективы люди должны выносить свои суждения о справедливости разных укладов и разных народов. Эти суждения хотя и относительны, но важны. Более глубокий конфликт происходит между всеми народами и

²⁴ Strausz-Hupe, Robert. *Power and Community*. New York: Frederick A. Praeger, 1956, p. 3.

²⁵ Niebuhr, Reinhold. *The Nature and Destiny of Man: A Christian Interpretation*. Vol. 11, *Human Destiny*. New York: Charles Scribner's Sons, 1943, p. 248.

²⁶ Niebuhr, Reinhold. *Christianity and Power Politics*. New York: Charles Scribner's Sons, 1940, p. 75.

Богом, между всеми людьми и Богом. В несовершенном мире установление и поддержание относительной справедливости является задачей и ответственностью людей и государств.

Реалисты считают государство необходимым социальным институтом и постулируют диалектическую связь между государством и обществом. Государство вырастает из общества и обязательно включает

*В несовершенном мире
установление и поддержание
относительной справедливости
является задачей и
ответственностью людей
и государств*

в себя публичные ценности. В то же время оно может задавать направление обществу. Однако для реалистов ни одно государство не обладает полной внутренней гармонией, потому что ни одно государство не может вобрать в себя все человеческие ценности.

Во внешних делах государства, утверждают реалисты, руководящая роль обязательно принадлежит правящей группе. При этом даже в тоталитарном государстве правящая группа не может полностью игнорировать влияние других групп внутри самого государства.

В заключение отмечу, что государства могут возникать и исчезать, могут меняться политические концепции и воззрения общества, политика может интересовать и не интересовать граждан, но остаются сохраняющимися и даже обосновывающими государство религия, церковь и этика. Религия во многом обеспечивает государству форму исполнения политического долга перед обществом, предлагая непреходящие ценности демократическому государству. Полис является предвестником *ekklesia* (греч.: ἐκκλησία — служение), поскольку полис выражает усилие общества жить по правде в качестве модуса сосуществования. В качестве миссии государства видится его способность защищать граждан от насилия и хаоса, порождаемых их собственными взаимодействиями. В наше время трудно утверждать, что государство может «спасти». Все чаще наблюдаются дисфункция современных государств, рост насилия и экстремизма, изменения антропогенного климата и пр. Коррозия традиционных политико-юридических категорий — первопричина упадка национального государства; общество становится свидетелем распада национального государства и его суверенности, что угрожает его будущей политической общности. Остается разве что вспомнить загадочное заявление Хайдеггера о том, что «только Бог еще может нас спасти».

Китай и Россия сегодня: сравнение*

Марк Гамза,
историк, Тель-Авивский
университет

Я хотел бы начать с некоторых общих сравнений Китая и России, представив их в виде простой таблицы. Под сравнениями я подразумеваю, что буду рассматривать как сходства, так и различия; на мой взгляд, сравнение — это один из лучших аналитических инструментов, которые у нас есть. В настоящее время часто можно услышать, как путинскую Россию сравнивают с прошлыми тоталитарными режимами, такими как нацистская Германия и Советский Союз при Сталине. Я бы предпочел провести сравнение России с ее крупнейшим соседом Китаем.

Китай	Россия
Краткое изложение истории	
Шансы на либеральный поворот в конце 1980-х годов. Протесты на площади Тяньаньмэнь, июнь 1989 г. Коммунистическая партия сохраняет власть. Экономическая реформа; поощрение потребительства и национализма с 1990-х годов. Культурные элиты почти полностью кооптированы.	Шансы на либеральный поворот в 1956–1968 гг.; 1985–2000 гг. Коммунистическая партия теряет власть, СССР распадается в 1991 г. Экономический кризис 1990-х. Потребительство и национализм поощряются с 2000-х. Культурные элиты в значительной степени кооптированы. Милитаризация.
Политическая система	
Государство коммунистической партии. Отсутствие оппозиционных партий во Всекитайском собрании народных представителей. Культ личности Си Цзиньпина (р. в 1953 г., у власти с 2012 г.); ограничения на срок полномочий отменены в 2018 г. (а его «учение» определено как «суть китайской культуры» в 2021 г.). Повсеместная коррупция; партийные кампании против нее. Подчиненная судебная система. Патернализм.	Несистемные оппозиционные партии не допускаются в Государственную думу, но имеют ограниченное представительство в региональных парламентах. Личное правление Владимира Путина (р. в 1952 г., у власти с 2000 г.); ограничения на срок полномочий отменены в 2020 г. Клептократия. Подчиненная судебная система. Патернализм.

* Статья написана на основе выступления на семинаре Школы в Сеговии 25 мая 2022 г.

Китай	Россия
Возможности для инакомыслия	
<p>Все демонстрации незаконны. Нет организованного движения несогласных. Отдельных диссидентов (например, Лю Сяобо, 1955–2017 гг.; Нобелевская премия мира, 2010 г.) быстро арестовывают. Широкое использование технологий слежки. Эмиграция становится затруднительной, но растет.</p>	<p>Масштабные демонстрации, особенно в 2011–12 гг. Оппозиционных деятелей убивают (Борис Немцов в 2015 г.), отравляют (Алексей Навальный в 2020 г.), объявляют «иностранными агентами» Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) действует до 2021 г. Эмиграция возможна и растет.</p>
Отношение к преступлениям прошлого при коммунизме	
<p>Преступления признаются лишь выборочно (резолюция партии о культурной революции, 1981 г.), жертвы частично «реабилитированы». Люстрации нет, публичные поминовения не допускаются. «Амнезия» Тяньаньмэнь. Возвращение к чествованию Мао Цзэдуна.</p>	<p>Преступления признаны в 1956 и 1980-х гг., жертвы «реабилитированы». Люстрации нет, но разрешено упоминание гражданскими организациями с периода перестройки по 2021 г. («Мемориал» объявлен «иностранным агентом» в 2014 г., ликвидирован в апреле 2022 г.). Постепенная легитимизация Сталина.</p>
Текущие репрессии	
<p>Этнический геноцид в Синьцзяне с 2014 г. [uyghurtribunal.com]. Попытки в тюрьмах и лагерях. Секретные «черные тюрьмы». Сбор органов. Закон о государственной безопасности в Гонконге (июль 2020 г.) отменяет принцип «одна страна — две системы» (1997 г.). Города закрывают на карантин в рамках принудительной политики «нулевого ковида».</p>	<p>Военные преступления, равносильные геноциду, в Украине. Подавление инакомыслия, СМИ и гражданского общества. Попытки в тюрьмах и лагерях. Признание лиц «иностранными агентами», особенно с зимы 2020 г.; закон против «фейков» и т.д.</p>
Политика в отношении СМИ	
<p>В КНР нет независимой прессы. Независимая пресса Гонконга к 2021 г. была закрыта. Администрация киберпространства («Великий файрвол») блокирует Instagram, Facebook, Twitter, Youtube, Telegram, WhatsApp. Разрешенные социальные сети WeChat (более миллиарда пользователей), TikTok строго цензурируются.</p>	<p>Независимая пресса существовала под давлением до вторжения в Украину. Instagram, Facebook и Twitter заблокированы Роскомнадзором с марта 2022 г.</p>
Обиды режимов	
<p>Наставление на моральной деградации Запада, угрозе «духовной цивилизации» Китая. Наследие «унижения». Озлобленный национализм. Требование уважения со стороны Запада. Ожидание, что ханьцев будут любить как старших братьев в составе китайской нации. Гонконг и Тайвань должны признать лидерство Пекина.</p>	<p>Наставление на моральной деградации Запада, угрозе «духовным скрепам» России. Наследие «унижения». Озлобленный национализм. Требование уважения со стороны Запада. Ожидание, что русских будут любить как старших братьев в славянском мире.</p>

Китай	Россия
Текущая/планируемая экспансия	
<p>Грандиозные геополитические стратегии; инициатива «Пояс и путь» (с 2013 г.), эксплуатация экономической зависимости от Китая. Цивилизаторская миссия в Тибете и Синьцзяне, присоединение Гонконга. Пересмотр истории (Китайская республика на Тайване, 1949 г.; власть Японии над островами в Южно-Китайском море, Сан-Францисский договор, 1951 г.). Планы воссоединения с Тайванем и китайской диаспорой.</p>	<p>Грандиозные геополитические стратегии; эксплуатация зависимости от российской нефти и газа. Воссоединение «русского мира», которому чужда демократия. Интеграция с Азией. Пересмотр истории (независимость Украины, 1991 г.). Вторжение в Украину в 2014 г. и феврале 2022 г.</p>

Вечером 21 февраля 2022 года журналист BBC World Affairs Пол Адамс написал следующий комментарий к речи Путина перед вторжением, который я хотел бы использовать для развития своих мыслей в этой статье.

«Большая часть речи Владимира Путина об Украине прозвучала как лихорадочный сон. Кошмарное видение страны, экономически искаленной, полностью коррумпированной, склонной к разработке ядерного и другого оружия массового уничтожения и неблагодарной за все то щедрое внимание, которое Россия уделяет ей с момента обретения независимости.

Это было не ново. Прошлым летом Путин написал обширную статью, в которой привел многие из тех же аргументов. Но от этого речь не стала менее шокирующей. Для всех, кто еще сомневался, она ознаменовала, что Путин говорит совсем с других позиций. Это не просто иной взгляд на историю. Временами казалось, что это параллельная вселенная».

На самом деле эти «параллельные вселенные» не так уж новы. Пропасты между ними тоже давно очевидны. В одной «вселенной» (я пока буду придерживаться этого образа), назовем ее российской, завоевательная война, не обремененная правовыми или этическими соображениями, является приемлемой, даже желательной не только для властей предрежащих, но и для широких слоев населения. В другой «вселенной», назовем ее Западом, посылать танки в другую европейскую страну и разрушать города беспорядочным огнем — это что-то невероятное, поскольку это возвращение к ушедшей эпохе — Второй мировой войне. Эта война оставалась в истории все еще травмирующей, но уже далекой, до тех пор, пока дремлющая память не была вновь активизирована в феврале этого года. В одной «вселенной» военные и гражданские потери могут быть оправданы высшей национальной целью, а истинные масштабы этих потерь скрываются или отрицаются. В другой — избиратели

сместят правительство, которое осмелится потребовать таких жертв, потому что их волнует не расширение границ и государственной власти, а такие вопросы, как стоимость жизни, социальное неравенство, миграция, изменение климата и, возможно, права меньшинств. Для того чтобы сбросить правительство, необходима не только возможность проголосовать за альтернативу, но и определенная уверенность в том, что смена власти может привести к улучшению ситуации.

В России и Китае нет свободных парламентских выборов (последней мерой по обеспечению их отсутствия в России стал закон о всенародном электронном голосовании, принятый в марте 2022 года), а плоды экономического роста страны используются для отвлечения представителей среднего класса от участия в политике. Этим гражданам дают понять, что если они потребуют больше свободы, то рискуют потерять недавно приобретенные удобства. В Китае средний класс составляет гораздо больший сегмент, чем в России, а поощрение потребительства стало краеугольным камнем стратегии выживания, принятой китайской коммунистической партией после бури демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Административная элита как в России, так и в Китае, со своей стороны, сильно зависит от стабильности системы в плане сохранения своих капиталов (о личном богатстве и коррупции высокопоставленных чиновников в России имеется больше информации, чем в Китае) — так же как и российские олигархи и новые миллиардеры Китая.

У обоих режимов есть обиды и претензии к внешнему миру, в которых также просматривается общий знаменатель. Путин выразил убеждение, что украинцы — это на самом деле русские. Си считает, что уйгуров следует насильно удерживать в составе китайской нации, в противном же случае они должны постепенно исчезнуть; что Китай несет высшую цивилизацию в Синьцзян и Тибет, а население Гонконга и Тайваня (в обоих случаях этнически китайское) должно отказаться от любых стремлений к демократическому или независимому пути. Соответственно, российские и китайские власти требуют, чтобы соседи, которых они классифицируют как неблагодарные меньшинства или заблуждающихся соотечественников, воспринимали их как доброжелательных старших братьев. Однако насильственные действия двух государств, пытающихся навязать им такую любовь и благодарность, только усиливают враждебность по отношению к ним. Какой бы расчет ни был при планировании вторжения в Украину, или загона более миллиона уйгуров, казахов и других неханьских китайцев в Синьцзяне в концентрационные лагеря, или развертывания Народно-освободительной армии на улицах Гонконга, он оказался контрпродуктивным. Опять же, абсурдная неэффективность такой политики может быть видна только за пределами дискурсов, которые ее порождают. К настоящему времени украинцы, уйгуры и китайцы в Гонконге и на Тайване стали более

отчуждены от России и Китая, чем когда-либо прежде. Хотя уйгуры никогда не считали себя китайцами, большинство из них были готовы жить под властью Китая, что они без особой охоты и делали с XX века. До 2010-х годов многие жители Гонконга и Тайваня все еще идентифицировали себя с Китаем; многие украинцы идентифицировали себя как русские или ассоциировали себя с Россией. Мало кто будет чувствовать себя так снова, даже если КНР в конечном итоге не прибегнет к силе в решении тайваньского вопроса, а Россия уйдет из Украины.

Ошибочно считать «параллельные вселенные» новым явлением, и также неправильно надеяться, что параллели могут никогда не встретиться. Подавление человеческого достоинства не может быть сдержано в границах экспансионистской страны: яд выплескивается из флакона, и с соседями обращаются так же или гораздо хуже. Преступления российской армии в Буче и многих других местах в Украине стали проявлением беззакония и безотчетности, культа насилия и безразличия к жизни, которые распространены в самой России.

Пропагандистская линия, исходящая из Кремля, заключается в том, что Украину захватили нацисты, и избранный президент-еврей — один из них. Что эта «хунта» занимается геноцидом русских и готовит биологическое оружие с американской помощью. Россия должна «освободить» территорию Украины от ига этих крайних националистов, которых также называют рабами Америки и наркоманами. Ожидается, что аудитория государственного телевидения и пользователи социальных сетей должны одобрить любую подобную ложь, какой бы наглой и оторванной от реальности (как реальность может быть определена сторонним наблюдателем) она ни была, ведь эту аудиторию долго учили во всем становиться на сторону властей предрержащих. Факты, таким образом, объявляются вне закона как «фальшивки».

Хотя Путин и его команды это искусство совершенствуют с 1999 года, дезинформация широко используется и в других странах. После того как Дональд Трамп стал кандидатом в президенты и президентом, наглая ложь и самые дикие конспирологические теории покинули теневой мир недовольных сплетников и заняли центральное место в американской политике. В них по-прежнему верят миллионы сторонников Трампа. Вдохновленная его методами, правая партия «Ликуд» в Израиле ежедневно занимается распространением дезинформации. Леденящий эффект циничной лжи, распространяемой Россией для оправдания «спецоперации» в Украине, во многом связан с огромными масштабами этой «спецоперации», а также с ужасающими деяниями, которыми она сопровождается. Мы получили передозировку лжи, слишком вопиющей и слишком бесстыдной, чтобы вынести ее. Но отвращение и фрустрация, производимые российской пропагандой, также проистекают из либеральной иллюзии (сохраняющейся несмотря на все неудачи, такие как приход Трампа), что либеральные ценности должны быть

самоочевидными. Это не так, и не следует принимать их за универсальные ценности. Озлобленный национализм и недовольство случаются не только в других «вселенных». Разница в том, что в демократической системе популисты, которые их продвигают, могут прийти к власти, но при условии правильного подсчета голосов могут и потерять ее.

Действия России по уничтожению мнимых неонацистов вполне естественно последовали за националистическим празднованием победы над Германией. Сделав культ из военного триумфа своего предшественника,

Трагедия Второй мировой войны превратилась в фарс вторжения в Украину, с жуткими отголосками 1941 года в 2022 году. Хотя китайское общество менее милитаризовано, образ врага культивируется и там

как могла путинская Россия не попытаться повторить его в исторической реконструкции, ставшей столь популярной в этой стране? Это было предсказуемо — но поскольку повторение Второй мировой войны при нашей жизни было немислимо, мы предпочитали не думать об этом. Это было немислимо — настолько, что мы не могли представить себе, что это произойдет. В отсутствие нацистского

врага для России в 2022 году его нужно было придумать, а Украину уже достаточно долго очерняли, поэтому она стала подходящим вариантом. Так трагедия Второй мировой войны превратилась в фарс вторжения в Украину, с жуткими отголосками 1941 года в 2022 году. Хотя китайское общество менее милитаризовано, образ врага культивируется и там. В 2014 году в КНР при Си Цзиньпине начали отмечать 3 сентября как день «победы над японской агрессией» (в 1945 году) и устраивать в Пекине военные парады; как Россия присвоила себе общую победу с союзниками над Германией, так и Китай полностью приписывает себе победу над Японией. В китайской пропаганде образ главного врага идентичен тому, кого очерняет ее российский аналог: это США и «коллективный Запад». В обеих странах призывы Запада к соблюдению прав человека изобличаются как хлипкое прикрытие заговора с целью подорвать Китай и Россию в качестве конкурентов на международной арене. Сопrotивление западной повестке — «демократии» и «правам человека» — как чему-то ввозимому и чужеродному легло в основу позиции руководства двух стран.

В последнее время китайский и российский режимы внесли поправки в стратегию, заявив, что каждая страна имеет право переопределять эти термины в соответствии со своим мировоззрением. При этом они используют самоотречение и душевные терзания Запада по поводу его же империалистских истоков. Уровень преступности в Америке и текущая гендерная политика и политика идентичности в США и Европе используются в качестве пугала «анархии в обществе», которую режим обещает предотвратить у себя дома (особенно популярная тактика в

России). Си и Путин рассматривают современную историю своих стран с позиций жертвы внешних сил, подчеркивая оскорбления и унижения со стороны иностранных держав, одновременно не допуская общественной дискуссии и препятствуя расследованию преступлений, совершенных китайским и советским коммунистическими режимами против собственного народа.

Еще совсем недавно западные политики могли отмахнуться от странностей, происходящих в этих странах, как от следствия культурных различий. Предполагалось, что, в конце концов, Путин и Си разделяют нашу логику, а за странной риторикой все же стоят «рациональные субъекты». Такое принятие желаемого за действительное также давало политикам карт-бланш на то, чтобы как ни в чем не бывало вести бизнес с этими субъектами. Пробуждение началось, когда тревожное поведение России и Китая вышло за пределы их границ — от дела Навального, отравления россиян в Великобритании до вторжения в Украину и от подавления инакомыслия в Китае, репрессий в Гонконге и геноцида уйгуров до эпидемии COVID-19, охватившей весь мир после того, как власти Уханя заставили замолчать людей, которые говорили правду про ситуацию в провинции. За последние пару лет Россия и Китай стремительно продвигались к тому, чтобы стать государствами-изгоями, которых презирают и боятся во всем мире. В то же время они стали ближе друг к другу; в декларации Си и Путина после их встречи на Олимпийских играх в Пекине в феврале этого года даже наблюдается попытка сформулировать совместное консервативное видение мира как альтернативу видению их общих либеральных врагов.

Оба президента оглядываются на династии Цин и Романовых — империи, просуществовавшие до 1910-х годов, хотя и по-разному относятся к свергнувшим их революциям. Китайская коммунистическая партия одобряет революцию 1911 года, но при этом называет себя законным наследником императоров и закрепляет государственные границы династии Цин как священные для территориальной целостности нового Китая. Путин аналогичным образом стремится включить 1917 год в славную историю своей страны, в которой нельзя критиковать ни царей, ни большевиков, но обвиняет Ленина в «создании» Украины. Более современная эпоха, на которую оглядываются Путин и Си, — это Холодная война. Это та эпоха и та атмосфера, которые сформировали их обоих лично, как и большинство высокопоставленных лиц в их правительствах. Оба режима сильно озабочены историей и выборочно манипулируют ею в соответствии со своими текущими приоритетами: путинская Россия отказывается признавать независимость Украины, но пока не стремится возвращать себе «утраченные» страны Балтии или бывшие царские и советские владения в Центральной Азии. Китай Си настаивает на «воссоединении» с Тайванем и претендует на удерживаемые Японией острова в Южно-Китайском море, но при этом хранит

полное молчание о несравнимо больших территориальных потерях империи Цин в конце Второй опиумной войны (1860), о землях за реками Амур и Уссури, которые сегодня являются частью российского Дальнего Востока. Соглашение о разрешении пограничных споров между Китаем и Россией вдоль этих рек было достигнуто в 2008 году, но можно представить себе обстоятельства, при которых Китай может захотеть вновь поднять этот вопрос.

Для обоих режимов простая блокировка сообщений СМИ, чтобы они не проникали сквозь дымовую завесу цензуры, установленной в их странах, уже представляется недостаточной: сейчас Путин и Си имеют

Сейчас Путин и Си имеют большие амбиции и стремятся пропагандировать свои версии мирового порядка. Сама логика их режимов требует демонстрации национального величия.

большие амбиции и стремятся пропагандировать свои версии мирового порядка. Сама логика их режимов требует демонстрации национального величия. В этот момент «параллельные вселенные» не просто встречаются с другими, но и входят с ними в конфликт. Путин начал пересмотр истории своим первым вторжением в Украину в 2014 году. Вероятно, бли-

зится момент, когда Си объявит членов избранного правительства Тайваня агентами США или, возможно, Японии, которая правила островом в течение полувека до 1945 года. Тайваньская демократия является такой же угрозой для однопартийной, единоличной диктатуры КНР, как украинская демократия для российской: и Москве, и Пекину нужно доказать, что демократическая система подходит только гниющему Западу (они постоянно подчеркивают, что даже там она работает неэффективно), но никогда не подойдет их близким соседям. Прежде всего, этот путь не должен вести соседей к экономическому процветанию и союзам с другими демократическими странами. Какими бы ни были исторические и этнические различия между этими случаями, Тайвань и Гонконг являются «альтернативными Китаями», так же как Украина представляет собой «альтернативную Россию».

В ответ на вторжение на Тайвань Запад не сможет изолировать Китай экономически: и потому, что он уже заплатил высокую цену за бойкот России, и потому, что Запад гораздо больше зависит от КНР, второй по величине экономики мира и экспортера номер один (в списке Всемирного банка стран по размеру экспорта Россия занимает 19-е место, сразу после Испании). Оказалось непросто справиться с экономическим шантажом России, прекращающей поставки газа, блокирующей украинские порты и ворующей украинское зерно, но эти трудности меркнут по сравнению со сценарием, в котором Китай будет использовать свое экономическое влияние против недружественных стран. Если существовала надежда на то, что западные санкции против России отчасти

стимулируют сопротивление режиму внутри самой России, то в Китае для таких надежд возможностей меньше из-за отсутствия независимой общественной сферы и почти полной кооптации культурной и интеллектуальной элиты (хотя эта элита с большей готовностью сплотилась бы под знаменем поднимающейся, процветающей и могущественной страны, чем вокруг коммунистической идеологии). Тайвань, безусловно, будет бороться, если на него нападут; он усиливает свою военную оборону, а его правительство заявляет, что учится на примере сопротивления Украины. Президент Байден подтверждает приверженность США политике защиты Тайваня (несмотря на американскую политику «одного Китая» и двусмысленность закона об отношениях с Тайванем от 1979 года). КНР, со своей стороны, учится на ошибках России. По сравнению с Россией Китай сильнее, сплоченнее и в долгосрочной перспективе — опаснее для мира во всем мире.

Культ личности Си Цзиньпина намного опережает культ Путина. Изучение «мысли Си» является обязательным в китайских учебных заведениях, а в 2021 году Коммунистическая партия признала его идеологию «сутью китайской культуры». Китайская цензура гораздо эффективнее заглушает критические голоса; никакое движение Навального там развиться не смогло бы. Китайское правительство также имеет в своем распоряжении гораздо более изощренные средства электронной слежки; Россия с февраля изо всех сил пытается догнать китайские стандарты контроля. Обе страны запретили НПО. Си пока не объявляет граждан «иностранными агентами» — просто потому, что ему это не нужно. Он начал цензурировать слова и очищать китайский интернет от нежелательного контента задолго до того, как Путин наложил табу на слово «война».

Оба режима позиционируют себя как единственные хранители своих народов и национального духа, утверждая, что возвращают их к величию. Они эксплуатируют и разжигают ксенофобию и карают любую критику внутри как предательство. Внешняя же критика всегда приписывается укоренившейся предвзятости и расовой ненависти (оскорбительно определяемой как русофобия и «китаененавистничество»). Аспект, относительно которого у меня здесь не было времени провести сравнение, — это дискурсы власти: в Россию XXI века с новыми нюансами вернулся советский язык заговора, в значительной степени основанный на инсинуации и иронии. В Китае версия коммунистического новояза (с китайскими особенностями) постоянно используется с 1949 года. Его лексика и риторика претерпели последовательные изменения между эпохами Мао и Си.

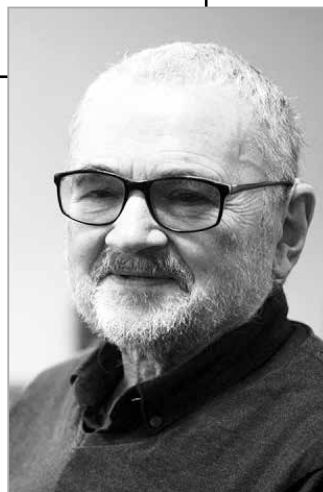
В заключение позвольте мне вернуться к ощущению шока. Возмущение западной общественности вторжением России в Украину (хотя и после многих лет бездействия, особенно в случае Германии и Великобритании) сильнее, чем гнев по поводу неоднократных нарушений

Китаем прав человека и международного права. Это неудивительно, потому что война в Украине бьет гораздо ближе к дому и резко подрывает то, что мы считали незыблемым фундаментом жизни в Европе. На этом семинаре Натали Нугайред назвала вторжение «сильным нарушением определенности». Огромная катастрофа украинского кризиса — беженцы, ежедневные страдания и растущее количество жертв в самой Украине — разворачивается перед нашими глазами с февраля, как фильм ужасов, который мы не можем остановить. И все это время в воздухе висит апокалиптическая угроза ядерной войны. На всех этих основаниях наш шок был и остается полностью оправданным. Мы продолжаем оставаться шокированными и возмущенными использованием агрессии и репрессий диктаторами, которые не считаются ни с чем в своей мании величия, будь то Европа или Азия. Но шок по поводу войны в Европе может отражать извращенную логику: Запад так сильно встревожен пренебрежением России к конвенциям международного порядка и правилам ведения войны, потому что Россия ощущается как часть европейской цивилизации, даже когда она объявляет о своей переориентации на Азию. Европейское население России «похоже на нас», как и жертвы ее жестокой войны в Украине. Китайцам, напротив, может сойти с рук большее именно потому, что они и их жертвы очень отличаются от нас и находятся далеко от нас. В этом порочном мышлении нарушение Китаем (или талибами) «наших» норм цивилизованного поведения не является чем-то неожиданным.

Однако, даже несмотря на различие ценностей, права человека должны восприниматься как универсальные. Если мировоззрение президента России сегодня кажется просвещенному европейскому наблюдателю «параллельной вселенной», то что тогда говорить о Китае, который гораздо более далек географически и культурно? Опасность использования подобных сравнений заключается в том, что они могут поставить под сомнение нашу общую человечность, из которой нельзя исключить ни одно государство, даже авторитарное государство-изгой.

Перевод с английского Вадима Вилейты

Война и интеллект

Анатолий Ахутин,
философ, Киев

Часто мы думаем отделаться от вопроса тем, что вписываем себя в тело какой-нибудь вековой традиции, изначально и не нами данной премудрости. Или в саму природу, дескать, самосохранение — вот закон. Или в «нормальную» жизнь, которая-де везде и повсюду одна. Или, как вот здесь и теперь, в политическое тело нашего государства, которое защищает нас, защищающих его.

Таковы разные жизненные «мудрости». А мы, напомним, помимо этого еще и где-то вне, до, между. Мы — как вот я, например, не родился украинцем, а впервые — сознательно и решительно — им становлюсь, потому что решил, выбрал и буду это отвоевывать (нет, не на фронте, у собственной слабости, собственного уничтожающего «ничто»). Мы становимся украинцами, гражданами Украины, которая сама, может быть, впервые становится политическим и историческим «что», становится нашим украинским «что», отвоевываемым у уничтожающего «ничто».

Когда я говорю: идущая сейчас террористическая война России против Украины — это война самого зла, уничтожающего ничто, против добра, то вот оно — добро, во всей своей простой наглядности: оно все помещается в котомке беженца. Это в него нацелены российские крылатые ракеты, бомбы и орудия залпового огня. Говоря «добро», я имею в виду не идею добра, а это самое: украинские солдаты защищают то, что может и хочет, что достойно быть, защищают от агрессивного небытия, ничего другого, кроме уничтожающего небытия не имеющего и не несущего. Мы касаемся первоначал бытия. Они нам ясны, как в откровении. Непристойное в своем голом бесстыдстве, глумливо хохочущее ничто и воины, которым есть что защищать.

Вот Декарт, храбрый солдат действующей армии, живущий на постое в баварском городке Ульм,

получив досуг и уют для размышлений, начинает свои поиски в войне с тотальным сомнением. Отстранив все подсказки, он на ощупь ищет надежную первичность первооснования. Но вахта философа-воина отнюдь не в хранении найденного надежного основания. Декарт видит свое дело в самом — возобновляющемся — поиске во тьме, в стойкости сомнения, в мыслящем бодрствовании он находит свободу и достоинство бытия, выдерживающего натиск сомнения. Оно длится, пока его мыслят, то есть отвоевывают у сомнения.

Таков основной вопрос философии: как мы вместе с нашим миром и всем, кто и что в нем и сверх него, рождаем-ся, начинаем-ся, как начинается мысль, способная помыслить и держать в себе это начинание из ничего

Вот Людвиг Витгенштейн, 1914 год. Он отдает огромное состояние родственникам, идет добровольцем. Хрупкий нервный интеллигент живет на катере с хамоватой солдатней в качестве инженера-смотрителя прожектора. Надо ловить самолет в ночном небе, поэтому он сам оказывается первой целью. В одном кармане наброски «Логико-философского трактата» (где сказано: логика должна сама заботиться о себе), в другом — «Евангелие» в переводе (и переработке) Л. Толстого. Ведет тайный дневник, мучается своими секс-комплексами. Там почти в тот же день сделана запись: «Ты должен рассчитывать только на самого себя». Вот — философ. Вот место его отвлеченной мысли. «Мир есть все, чему выпало быть». Мне нет никакого другого места, кроме мира, в котором мне случилось быть. Напомню: это война, ночь, бомбардировщик, истребитель...

Таков основной вопрос философии: как мы вместе с нашим миром и всем, кто и что в нем и сверх него, рождаем-ся, начинаем-ся, как начинается мысль, способная помыслить и держать в себе это начинание из ничего. Или в соседстве с другими начинаниями.

И вот Кант, смиреннее некуда, этакий философствующий Башмачкин, всю жизнь в одном городе, одном университете, одном кабинете... Но если мы хотим понять, что делать интеллекту в войне на уничтожение, нам стоит заглянуть в его землянку.

Война, объявленная миру

Война, развязанная Россией в Украине, объявлена миру. Она ведь и началась с ультиматума странам НАТО, где передернуты причины и следствия: не НАТО расширяется на восток, а страны, бывшие сателлитами СССР или в зоне его влияния, вырвавшись из «соцлагеря», бегут как можно скорее под защиту НАТО. Война объявлена не только правовой архитектуре послевоенной Европы, но самой идее международного мира, идее договорной. Этой войной Россия утверждает войну, силу

как решающую инстанцию существования в глобальном мире. (Захар Прилепин в передаче Первого канала «Время покажет» 14 апреля 2022 года: «...Всей стране, всему народу надо понять <...>, что впереди мобилизация и глобальная война на выживание, на уничтожение всех наших врагов».) Глобальная война задумана в глобальном мире с ядерным оружием, глобально уничтожающим. Поэтому основной стратегией становится ядерный шантаж.

Безусловным преимуществом в ядерном шантаже обладает тот, кто допускает самоуничтожение, и тут «ничто» России в глобальном мире разных «что» становится ее всемогуществом. Нам нечего терять, а им — вам — есть. У вас есть ваше «что», ваша частная — нации, государства, цивилизации — собственность, ваше добро, ваше достоинство, у нас — нет ничего, у нас — «ничто», оснащенное оружием массового уничтожения. Господин, говорит Гегель, — тот, кто готов поставить на кон игры собственную жизнь, тот же, кто цепляется за жизнь, нуждается в го-

Претензия России на мировое господство обосновывается тем, что она готова рискнуть не только собственным существованием, но и существованием мира

сподине и становится рабом. Претензия России на мировое господство обосновывается тем, что она готова рискнуть не только собственным существованием, но и существованием мира. Вспоминая известное высказывание, можно сформулировать так: «Да, Россия — угроза миру, мир хочет от России избавиться, но зачем нам мир без России?» Парадокс в том, что именно «ничто» — там нечего терять, ни ценного имущества, ни людей — становится источником уничтожающего всемогущества и основанием претензии на мировое господство.

Наше время, говорил С. Хантингтон, — эпоха «столкновения цивилизаций». Не политические войны суверенных государств, но войны, где играет роль культура. Так и называется сборник под его редакцией: «Культура имеет значение» (*Culture matters*). То есть помимо обычных — политических, политэкономических, геополитических войн — возможны войны цивилизаций или культур (например, религиозные), и мы вступаем в эпоху, чреватую именно такими войнами. Цивилизация ислама уже сказала свое слово, цивилизация Дальнего Востока — тоже... Говорятся эти слова-действия в полемике-сражении с тем, что называется Западом, на Западе же эти действия могут стать вразумительными словами. Дело в этих войнах идет не о территориях и границах, не о суверенитете, а о чем-то, что находит выражение в культуре: традиции, обычаи, верования все, что мы именуем пустоватым словом «ценности». Ценность в таком контексте можно определить просто: то, что дороже, ценнее жизни, то, за что можно «душу и тело положить», потому что без этого ценного сама жизнь не имеет ценности.

Мне, по моим занятиям, сразу припоминается Сократ, который отдал жизнь за возможность «вести беседы», потому что без этих бесед жизнь для него теряла всякий смысл. Вот такие смыслы наполняют то, что заключено в культуре некой цивилизации. И вот оказывается, что можно положить жизнь, защищая свою культурную собственность, свое «что», а можно истратить миллионы жизней за «ничто».

Бывает, известные нам войны приобретают экзистенциальный характер. Это те, в которых речь идет не о приобретениях и потерях, а о самом существовании воюющего субъекта. Знаменитый афоризм Голды

Достоинство человека – это универсальный этический остов человеческого существа как такового

Меир: «Мы воюем за мир, они — за то, чтобы нас не существовало».

Война ставит под вопрос жизнь и добро воюющих сторон. Она может завершиться капитуляцией одной из сторон, безоговорочной или оговоренной в

мирном договоре. Но есть война мировая, какой была Вторая мировая война, война союзников, антигитлеровской коалиции против нацизма. Это не политическая война государств и не религиозная война цивилизаций. Она мировая не по масштабу, а по смыслу: она ведется не за частное добро народа, культуры, государства, а за общее добро, за то последнее и первое, простейшее и все в себе содержащее, что делает человека человеком. Таков был смысл войны мира (союзников) против нацизма.

Смысл этот был зафиксирован после окончания войны во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 г. на 3-й сессии только что образованной ООН:

«принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, <...> принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества...»

Вот за что шла цивилизационная война. Война не против государства, страны или нации, не война одной цивилизации против другой, а война «человеческой семьи» против варварских актов, которые возмущают совесть человечества (!). Декларация, принятая Организацией Объединенных Наций, пытается сформулировать некие базовые ценности цивилизованности, равно значимые для всех цивилизаций при всем их различии; принципы, отделяющие цивилизованность от варварства.

Что тут важно?

1. Это декларация от лица «человеческой семьи» (**human family**).
2. Возмущена «совесть человечества» (**the conscience of mankind**).
3. Возмущена она поправлением **достоинства (dignity)** человека как такового, то есть фундамента всех прочих прав человека.

Барбара Хепворт (Barbara Hepworth). Меррин (Merryn). 1962

Итак, вот что зафиксировано в этой декларации и что сосредоточено в понятии «человеческое достоинство»: если эта декларация принята от лица «человеческой семьи», чья совесть возмущена, это значит, что найдена некая цивилизационная универсалия, признанная *всеми цивилизациями*, сосуществующими на Земле. Человеческая семья в мировой войне открыла цивилизационный фундамент глобального мира: человеческое достоинство.

На стене Верховного суда во Франкфурте-на-Майне высечено первое положение первого параграфа новой послевоенной конституции Германии: *Die Würde des Menschen ist unantastbar* — «*Достоинство человека неприкосновенно*». Такой вывод был сделан из опыта нацизма, опыта лагерей, опыта массового уничтожения людей, лишаемых прежде всего достоинства, а потому превращаемых в материал, используемый или уничтожаемый. Достоинство, о котором идет здесь речь, — это не разного рода достоинства, которыми могут обладать разные люди, нет, — неприкосновенное достоинство человека — это своего рода сакральная аура вокруг человеческого существа как такового, независимо от его добротности, доблести, добродетелей, заслуг или вообще полезности. Независимо от его дальнейшей — гендерной, этнической, национальной, культурной, конфессиональной, гражданской (сословной, классовой) принадлежности.

Достоинство человека — это универсальный этический остов человеческого существа как такового. Все нравы, культурные, конфессиональные различия вторичны. Именно чувство собственного достоинства

объединяет народы мира в семью, обладающую совестью, то есть чувствительностью к оскорблению человечности человека — в другом или в себе.

Нет, не территории, а человеческое достоинство — вот что стояло под вопросом во Второй мировой войне, если отнестись к слову «мировая» всерьез.

Агрессивная террористическая война, которую Россия ведет против Украины, тоже уже мировая. Не только из-за имперских притязаний и угроз ядерными ударами. Ее враг — то, что сейчас ей противостоит и что сломать входит в ее задачи, — человеческое достоинство. Достоинство — именно то, что нетерпимо для России и в самой Украине: достоинство собственного существования. Поэтому война разворачивается как уничтожение мирного населения, жилых кварталов, больниц, школ... Поэтому изнасилования и мародерство — не случайные эксцессы, они входят в замысел войны, уничтожающей человеческое достоинство. Не так нужно уничтожить, как унижить, «опустить». Вы должны сломаться и попросить пощады. Так Россия относится к собственному населению, так и к тому государству, которое возникло в результате революции достоинства (!).

Все участники человеческой семьи, чья совесть возмущена варварским попранием человеческого достоинства, должны осознавать войну России против Украины как мировую. На этой войне испытывается совесть-сознание человечества (**the conscience of mankind**).

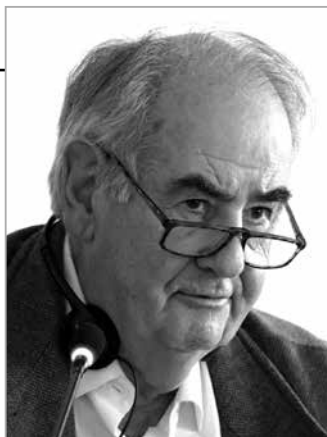
Эта война экзистенциальна не только потому, что речь идет о самом существовании Украины. Россия посягает на нечто более изначальное — на достоинство человека и страны, чье гражданское самосознание включает в себя «революцию достоинства». Достоинство человека всячески попирается в самой России. Мы знаем, жизнь человека в России ничего не стоит, но это только следствие изначального неуважения человека человеком в России. Не раз замечали: неуважение к человеку — от роддома, детсада, семьи, школы до домов престарелых, ночлежек и бомжей, панибратская хамоватость, чиновничья грубость... — характернейшие черты человеческих отношений в России. В интервью 1993 года И. Бродский сказал: «...Основная трагедия русской политической и общественной жизни заключается в колоссальном неуважении человека к человеку; если угодно — в презрении. Это обосновано до известной степени теми десятилетиями, если не столетиями, всеобщего унижения, когда на другого человека смотришь как на вполне заменимую и случайную вещь. <...> Самое чудовищное последствие тоталитарной системы, которая у нас была, — полный цинизм или, если угодно, нигилизм общественного сознания». Цинично-пренебрежительное отношение власти к гражданам, репрессивное законодательство и незаконно-репрессивная судебная система, блатная стилистика дипломатов, похабные шутки

Мария Примаченко. Загнуздав Ваня змія за бороду та йде по городу. 1983

президента, сознательно лживая, скандальная пропаганда методично и ежедневно растлевают людей, лишают их чувства собственного достоинства, подменяя его ненавистью, самодовольством и хвастовством. Это нигилизм, установленный как общественный анти-этнос и стиль отношений в государственной системе. Нигилизм, заявленный теперь и в стилистике международных отношений, включая дипломатию. Скабрзности и цинизм в стилистике высших лиц России и дипломатов не унижают противника, потому что прежде всего свидетельствуют о том, что перед нами люди, лишённые чувства собственного достоинства. Война — мировая — идет за это: останутся ли «двуногие без перьев», похожие на людей, достойными звания человека, или же ноуменальная (как сказал бы Кант) нравственная конституция, именуемая цивилизованностью, утратит силу и люди вконец опустятся.

Май — 3 июня 2022 г.

*Альваро Хиль-Роблес,
омбудсмен Испании
(1987–1993),
первый комиссар по правам
человека Совета Европы
(1999–2006)*

Добро пожаловать в Торре Кабальерос, Сеговия. Это моя Сеговия, моя вторая родина. Нам с вами повезло — на прошлой неделе здесь было очень жарко, но с приездом Школы к нам пожаловала и хорошая погода. Наступила настоящая весна. Так что добро пожаловать. И наслаждайтесь!

Должен сказать, я приезжал в Школу много раз. Работая со Школой, помогая Школе. И не всегда это были легкие времена. Лена Немировская говорила о Голицыно: все так и было. Невыносимая жара стояла в Голицыно в августе! Помню наш отель с огромными окнами, в котором мы буквально плавимся на послеобеденных сессиях. Но! Это было таким удовольствием! Потому что позже, уже вечером, мы могли спорить, обсуждать, общаться, выпить пива... Я научился многому, очень многому — в России, у ее людей с их энтузиазмом. После моего первого приезда в начале 90-х я возвращался много раз — и не всегда при приятных обстоятельствах: во время военных действий в Чечне, различных конфликтов. Так или иначе, находиться со Школой, со всеми вами — это привилегия для меня.

Увидев название нашего семинара — «Свобода и ответственность» — и тему этого дня, посвященную миру и верховенству права, прошу прощения за то, что не смог быть здесь с вами с утра. Я был в Сеговии на публичном мероприятии, которое проходило в местном театре; вручал награды от имени Фонда, который я возглавляю и который присуждает их ученикам 14–15 лет. Это были короткие двухминутные ролики, которые ребята делают в своих школах, — о демократических ценностях, свободе, равенстве. В этом году речь шла об ответственности. Участвовали

* Выступление на семинаре Школы в Сеговии 23 июня 2022 г.

подростки со всего региона, и должен признать, что видео, которые они сделали, дают нам, людям уже взрослым, очень важный посыл: ни мир, ни правовое государство невозможны без личной ответственности каждого за свои действия по отношению к окружающим людям, к обществу, в котором мы живем.

Сегодня я хотел бы обратиться к вам и поделиться моим беспокойством, моей озабоченностью тем, что происходит в нашей Старой Европе. Это то, что я называю «Европа в кризисе». Конечно, этот кризис более глобальный, практически мирового масштаба, но я нахожусь в Европе. Мы все сейчас находимся в Европе. И мы обязаны подумать об этом. Почему я это говорю? Потому что на протяжении десятилетий мое поколение, рожденное после Второй мировой войны, росло в атмосфере великого проекта построения мира, экономического развития и, конечно, создания наших обществ на основе человеческого взаимоуважения и норм правового государства. Построение Европы, которую мы знаем сегодня, началось после Второй мировой войны: сначала это было Европейское объединение угля и стали, позже Европейское экономическое сообщество, сегодня это то, что мы называем Европейским союзом. Усилия нашего поколения и поколения наших родителей были сосредоточены на идее, что никогда больше мы не должны допустить военного столкновения внутри Европы — будь то по причинам экономическим, идеологическим или по причине возвращения устаревшего империализма с его диктаторским мышлением фашистского толка, подобного предыдущим (или толка коммунистического, как это будет позже), иными словами — возвращения любой мысли, которая борется с индивидуальной свободой, которая стирает личность в человеке, опираясь на насилие, авторитаризм и фанатизм.

Мы пытались построить другую Европу не только с экономической точки зрения (и это важно понимать! Многие, мы сами в том числе, думаем порой, что Европейский союз — это некий «экономический клуб», чья функция — распределять богатства. Нет, нет и еще раз нет!). У Европейского союза есть идеологическая основа, у него есть политическая основа, другими словами — та основа из принципов и ценностей, которые определяют демократическую систему. Это закреплено в договорах (статьи 2 и 3 Лиссабонского договора), содержится в Хартии Европейского союза по правам человека, эти принципы лежат в основе Суда Европейского союза. Европейский союз — это не только экономический пакт. Это экономическое, политическое и социальное соглашение, которое устанавливает европейскую модель, отличную от модели

Европейский союз – это не только экономический пакт. Это экономическое, политическое и социальное соглашение, которое устанавливает европейскую модель, отличную от модели североамериканской, азиатской или любой другой

североамериканской, азиатской или любой другой, потому что для нас не представляется возможным любое экономическое развитие без развития социального, без уважения к свободам и основным правам человека. Это то, что невозможно разрушить. И тот, кто хочет вступить в этот «клуб», должен разделять наши принципы.

Совет Европы включает в себя гораздо больше стран, чем те, которые представляют собой ядро Европейского союза.

Почему я говорю сейчас о кризисе? Потому что еще совсем недавно наш «клуб Евросоюза» из 26 стран (Великобритания вышла из него не так давно) находился в глубоком внутреннем кризисе, не столько экономическом, сколько, и прежде всего, идеологи-

ческом. Некоторые из новых стран-участниц, принятых в ЕС при последнем расширении, поставили под сомнение принятие определенных ценностей союза. Это привело к внутреннему кризису, с которым столкнулись некоторые из этих стран (вы, конечно, слышали о Польше и Венгрии, принявших законы, противоречащие договорам и самому духу Европейского союза), что повлекло за собой внутренние дебаты, обращение в Суд Европейского союза и так далее. Должен сказать: это очень плохой знак, потому что союз либо функционирует во всех сферах и по всем направлениям, либо у него серьезные проблемы. Мы столкнулись с этими проблемами.

Затем наряду с кризисом того, что я называю Европой Евросоюза, мы столкнулись еще с одним кризисом — так называемой Большой Европы. Что такое Большая Европа? Это группа стран, входящих в Совет Европы. 47 стран. Сегодня 46, после выхода Российской Федерации из Совета Европы.

Ни одна, ни другая Европа не могут быть поняты без учета их природы и идентичности. Ни одна страна не может вступить в Европейский союз, если ранее она не состояла в Совете Европы. Почему? Потому что Совет Европы, как вы знаете, представляет собой организацию послевоенного периода, целью которой является защита основных прав, общественных свобод граждан и норм верховенства права. Это крайне важно для нормального функционирования демократии. В свое время ее в значительной мере продвигал Уинстон Черчилль (среди прочих вещей, которые англичане сначала активно поддерживают, а потом делают шаг назад...), но это была хорошая инициатива, и она росла, превратившись из небольшой группы нескольких стран в объединение многих. Повторяю — Совет Европы включает в себя гораздо больше стран, чем те, которые представляют собой ядро Европейского союза.

В чем сила Совета Европы? Сила его в том, что он не имеет ни политической, ни экономической власти. Европейский союз, напротив, — это огромная экономическая и политическая сила (сегодня это одна из мировых экономических держав, а тот, кто является экономической

силой, является и силой политической, получает возможность ставить условия в отношениях с другими). А Совет Европы ограничивается защитой свобод и фундаментальных прав. Вспомним соглашение 1950 года, утвержденное в Риме: все страны, которые подают заявку на вступление в Совет Европы, должны соблюдать это соглашение со всеми его правилами и различными протоколами.

Совет Европы тоже находится в кризисе. На это повлиял тот факт, что вначале, после появления, Европейский союз захотел превзойти совет. Руководствуясь каким-то внутренним империалистическим духом, он решил: мы все сделаем сами, нам не нужен совет. Со временем ситуация сгладилась. И Европейский союз, опираясь на Лиссабонский договор, решил стать членом Совета Европы. На сегодняшний день он не является членом, но станет им через год-два, когда будут решены юридические проблемы, связанные с инкорпорацией союза в качестве государства. Но огромная ценность Совета Европы, о которой многие, как мне кажется, забыли (и я не хочу, чтобы вы забывали), заключается в том, что если Европейский союз — это клуб, принимающий в себя только конкретные страны, то Совет Европы, напротив, открыт для многих, даже для тех стран, которые не являются «европейскими» в строго формальном смысле. Есть Россия (точнее, была), есть Турция и т.д. Совет Европы гораздо богаче по составу, чем Евросоюз. Европейский союз богат экономически, Совет Европы — нет.

Что нам это дает? Я был комиссаром [по правам человека], и, должен сказать, есть вещь, о которой сегодня мы, к сожалению, забываем: Совет Европы в международном контексте, очень сложном, очень напряженном, был единственной межтерриториальной организацией, членом которой не являлись Соединенные Штаты Америки. США находились в Совете Европы в качестве наблюдателя (и находятся по сей день наряду с Канадой, Израилем, Ватиканом).

Соединенные Штаты входят в состав ОБСЕ, являются членом НАТО и других организаций, в которых они, без сомнения, имеют серьезный политический вес. Что это означало? Это означало, что в моменты высокой конфликтной напряженности, возникавшей и продолжающей возникать между Российской Федерацией и, например, странами, входящими в Совет Европы или Европейский союз, — в ОБСЕ это систематически и неизбежно приводило к столкновению между США и Россией. Разговаривать было сложно. Чрезвычайно сложно. Потому что этот диалог всегда был диалогом от власти к власти, с позиции силы к другой силе. Это был разговор «я не хочу проиграть». В Совете Европы этого не происходило. В Совете Европы Россия была одной из многих стран, наряду с другими. Поэтому было относительно легко установить пространство для диалога в трудные времена независимо от того, шла ли речь о Турции, о Соединенном Королевстве, о Российской Федерации или любой другой стране: диалог был возможен, потому что

отсутствовали два элемента глобального конфликта, две державы, противостоящие друг другу в мировом масштабе.

Должен сказать, что если мне удалось шесть лет проработать в Российской Федерации в качестве комиссара (и даже в самые трудные моменты Чеченской войны посещая конфликтные регионы и т. д.), то

*Совет Европы существует
именно для этого –
для обеспечения мира
и взаимопонимания*

случилось это только потому, что Россия была членом Совет Европы.

И никогда Россия не воспользовалась правом (хотя могла это сделать), предусмотренным соглашением, — правом, в качестве исключения, не пустить контролирующие органы Совета Европы в

определенные зоны, ссылаясь на боевые действия, отсутствие контроля и невозможность обеспечения безопасности на определенных территориях. Поэтому когда комиссар говорил: «Я хочу поехать в Чечню», — российское правительство отвечало: «Хорошо. Нам это не нравится, но мы согласны. Если мы не денонсировали договор, значит, мы должны его исполнять». Так начались контрольные посещения, расследования и многие-многие другие вещи, о которых не понаслышке знает наша коллега Пилар Бонет, находящаяся здесь. Даже в самые трудные времена той жестокой, беспощадной войны всегда оставалось пространство для диалога. Всегда оставалось место, где был возможен разговор.

Мы провели много часов, разговаривая с президентом Путиным, с министрами его правительства, с военными и с другой стороны — с чеченскими повстанцами. В Страсбурге нам даже удалось усадить за стол переговоров представителей чеченского сопротивления и представителей правительства. Правда, перед тем как сесть за стол, они чуть не подрались, но все-таки они сели. И они разговаривали. Сегодня этого нет. Этого больше не существует. Эти пространства исчезли и с одной, и с другой стороны. Россия покинула Совет Европы, он больше не играет никакой роли в поисках пути к миру. Это то, что происходит сейчас.

В сознании многих стран, входящих сегодня в Совет Европы, царит философия конфронтации, отрицания другого: в таких условиях трудно искать пространство для будущего мира. А Совет Европы существует именно для этого — для обеспечения мира и взаимопонимания.

Поэтому когда я говорю о кризисе в Европе, я говорю об этом двойном кризисе: о внутреннем кризисе Европейского союза с одной стороны и с другой — о кризисе Совета Европы, проблемах его собственной динамики на фоне катастрофической войны в Украине и ее последствий.

Должен признать, что в некотором смысле мы потерпели неудачу. Нынешний российский президент очень быстро уничтожил большую часть нашей работы. Но я все равно верю, что есть великий народ, который ценит демократию и свободу, который сегодня не может выразить это так, как он того заслуживает, но я продолжаю быть оптимистом, я

Барбара Хепворт (Barbara Hepworth). Грυνна III. 1952

верю, что это случится обязательно. То, что меня действительно огорчает (и то, что я собираюсь сказать, совершенно «неортодоксально», в некотором смысле является ересью и вне правил «хорошей политики», но поскольку я больше не занимаюсь политикой, я на пенсии, я могу себе это позволить), — это то, что произошло с выходом России из Совета Европы. И хотя формальных поводов, скажем, наложить на Россию санкции хоть отбавляй, тем не менее те, кто сегодня празднует победу в краткосрочной перспективе («мы их выгнали!», «наконец-то они ушли!»), забывают, что Совет Европы и Европейский суд по правам человека были последней возможностью для огромного количества демократически настроенных россиян, страдающих от диктатуры внутри страны, просить защиты за ее пределами.

16 сентября Россия выйдет из Европейской конвенции по правам человека. Европейский суд уже приостановил рассмотрение всех жалоб против России. Тысячи граждан, которые сегодня арестованы или преследуются за демократические взгляды, больше не смогут обратиться в Страсбург. Какая великая победа для тех, кто не видит дальше собственного носа! Чтобы наказать диктатора, они наказывают все общество, которое само является его жертвой. Как важно быть осторожными, когда мы принимаем меры! Поэтому прошу: в тот день, когда у вас появятся политические обязанности, подумайте дважды, прежде чем принимать эмоциональные решения, решения, способные иметь очень серьезные последствия для других людей, которые не могут сегодня покинуть Россию и находятся там.

Такова ситуация двойного кризиса. И идеологический кризис внутренней сплоченности Европейского союза (к несчастью для союза, потому что это должно было произойти по другим причинам!) мы

преодолеваем сейчас благодаря огромной драме, которую являет собой война в Украине. Война в Украине сплотила страны — члены Европейского союза. Мы отложили в сторону идеологические и ценностные разногласия. Теперь союз говорит в один голос, действует с единой позиции и проявляет (или по крайней мере демонстрирует) большую идейную и политическую согласованность. Однако не может не вызывать беспокойства тот факт, что к тому, к чему мы не

*Война в Украине
сплотила страны —
члены Европейского союза*

пришли добровольно (посредством внутренней рефлексии перед возникающими проблемами; к принятию тех фактов, что нельзя одобрять законы, ограничивающие

свободу судебной власти или печати, и т.д. и т.п.), — к этому нас привела война. И я не знаю, как долго это единодушие продлится.

Не меньше я обеспокоен тем, что все мы сейчас пропитаны воинственными настроениями, духом войны. Нет сомнений, что украинские друзья должны получать сегодня нашу безусловную поддержку перед лицом агрессии, с которой им пришлось столкнуться, — агрессии серьезной, жестокой и исторически абсурдной. Это безусловно. Но мне тревожно видеть, как в Европе вновь возрождается дух войны. «Давайте вооружаться! Давайте вооружаться!» Я обеспокоен тем, что этот конфликт и его последствия на европейской территории, и в Большой Европе, и в Европейском союзе, могут выйти из-под контроля. Мы должны быть осторожны. А еще мы должны быть осторожны с теми, кто из-за пределов Европы воспринимает войну как нечто легкое (потому что сражаются в ней — другие, умирают — другие, страдают от экономических и социальных последствий — другие), оказывая содействие и получая выгоду, продавая оружие, газ, нефть и т.д. Мы должны задуматься обо всем этом.

Мы не можем поступиться нашими ценностями, нашими принципами, не можем принять агрессию одной страны против другой. Но мы также должны думать и нести ответственность. Для выхода из конфликтов у нас есть вся структура правового государства с его судебными институтами, с дипломатией, со многими другими способами — не обязательно оружием против оружия. Я знаю, что это трудно принять, но в политике необходимо смотреть дальше эмоций настоящего момента, нужно смотреть в будущее, смотреть на то, что мы оставляем поколениям, которые придут после нас. И прежде всего нужно помнить, что мы как демократы должны защищать наши ценности, принципы, даже если это сопряжено с экономическими или любыми другими издержками, не породить новое насилие, если это возможно.

Да, сказать все это проще, чем сделать. Рано или поздно в какой-то момент мы должны будем начать работать с этой ситуацией дипломатическими инструментами. Надеюсь, что будет проведен анализ и Совету Европы будут даны возможность и пространство сыграть свою роль.

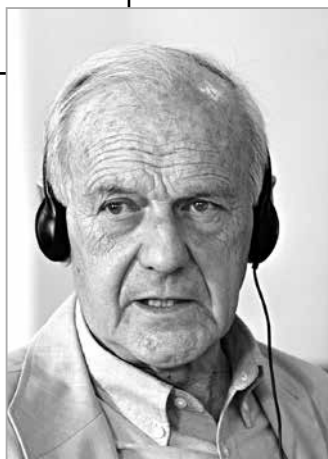
Что ж, думаю, мне больше нечего добавить, только повторить, что на всех нас лежит большая ответственность — ответственность индивидуальная, коллективная и институциональная. Мы не можем радостно подхватывать разговоры о войне, оружии, конфликте. Если это необходимо — да. Ради защиты наших принципов и ценностей — да. Ради самой концепции цивилизации — да. Но — внимание! — прежде чем это произойдет, мы обязаны исчерпать все дороги, ведущие к миру. Это сложно. Это вам говорит человек из поколения, пережившего в нашей стране много войн — и последнюю, страшную, мучительную Гражданскую войну, после которой у нас все еще остаются незалеченные раны, не зажившие и семьдесят лет спустя. И мы знаем, как трудно просить спокойствия, просить двигаться вперед, помня о главном, стараясь решать проблемы общим трудом и общими усилиями.

Сейчас мне грустно, потому что на встречах со Школой в Голицыно мы находились в пространстве свободы. Когда я возвращался с войны в Чечне, я мог свободно говорить на «Эхе Москвы», высказываться в прессе, мы встречались с «Мемориалом» и многими другими организациями. Больно видеть, что сегодня страна сделала столько шагов назад, что установлена абсолютная личная власть. Но я верю, что то семя, которое мы оставляем здесь, в Школе, работая с тысячами молодых людей не только России, которые уже знают, что такое демократия, что такое верховенство права, — оно обязательно прорастет. Оно проявит себя.

Сейчас все видится в черном цвете. Но в конце любого туннеля есть свет. И работа Школы, работа тех, кто верит в демократические принципы и ценности, очень важна. Если бы кто-то спросил меня (и это было бы поводом к еще одной дискуссии): «Понимаете ли вы, почему президент Путин делает то, что он делает?» — я бы ответил: «Я не понимаю, я не принимаю и я осуждаю». Но и мы здесь, на Западе, в какой-то момент ошиблись при рассмотрении определенных вопросов. И нам тоже неплохо было бы хоть немного заняться самокритикой, чтобы разобраться в историческом контексте, как те или иные причины приводят к тем или иным последствиям.

Здесь я останавлиюсь. Будем помнить, что на всех нас лежит большая ответственность.

Перевод с испанского Алисы Бавриной

Томас де ла
Куадра-Сальседо,
профессор Университета
им. Карла III, Мадрид

Верховенство права*

В начале мне хотелось бы поблагодарить Школу и одновременно поздравить ее с 30-летием. Я имею возможность участвовать в семинарах Школы уже более 20 лет — в Москве, в Голицыно, в Санкт-Петербурге, здесь, в Сеговии, — и считаю, что на протяжении этих лет была проделана огромная работа. Сейчас наступили трудные времена, но посеянное семя обязательно принесет плоды.

Я буду говорить о верховенстве права. Как уже упомянула Лена Немировская, у термина *rule of law* есть два перевода: верховенство закона и верховенство права. Я предпочитаю говорить о верховенстве права, потому что, как верно было подмечено, закон может быть законом диктатора, автократа. Закон может быть принят в государственной системе, имеющей внешние демократические признаки, но если выборы были сфальсифицированы, если этот закон принимался в системе без разделения властей — он ничего не стоит. Люди не участвовали в выборе, значит, этот закон может нарушать и уже нарушает их права. Поэтому я отдаю предпочтение верховенству права, которое предполагает, что любой принимаемый закон был принят с уважением к основным правам общества в условиях свободных конкурентных выборов, оппозиционеры не были лишены ни свободы слова в частности, ни свободы в целом, ни тем более жизни.

Верховенство права является наиболее подходящим переводом концепции *rule of law*. И если в какой-то момент (хочу это подчеркнуть) я говорю о верховенстве **закона**, то делаю это в контексте идеи верховенства права, которое является более полным и комплексным. Это первое уточнение.

* Выступление на семинаре Школы в Сеговии 23 июня 2022 г.

Второе: мы говорим о верховенстве права во имя мира (*rule of law for peace*). Все мы знаем, что такое мир (*peace*), но, думаю, стоит отметить, что верховенство права имеет как бы две плоскости: первая, основная (о которой я уже сказал, когда упоминал конкурентные выборы, разделение властей, гарантии основных прав и т.д. как неотъемлемые части правового государства), и вторая, которая представляет собой свод правил и норм правового государства, имеющих отношение к миру, к войне, к агрессии. Оба аспекта важны, давайте рассмотрим их подробнее.

Первый, возможно, является самым важным. Верховенство права само по себе есть гарантия мира. Если нет правового государства, если правит автократ, который не позволяет людям говорить, высказываться — высказываться против войны, значит, мы не можем говорить, что в этом обществе существует верховенство права, значит, не будут соблюдаться нормы, в том числе связанные с войной, миром, агрессией.

Это первое измерение, представляющее собой набор институтов, механизмов и гарантий, которые делают государство правовым (с уважением к основным правам, с политическими партиями, с разделением властей, свободой слова, свободой печати): оно является условием *sine qua non* (лат.) — необходимым условием гарантии мира. Если государство не соблюдает верховенства права, оно подвергается риску. И ставит под угрозу мир, потому что любой тоталитарный лидер может однажды решить для себя, что хочет начать войну.

Не будем забывать, что мы находимся в контексте агрессивного путинского вторжения в Украину. И я хочу заострить внимание, что в значительной степени пресса в Испании и, думаю, в большей части западного мира, мира, который любит Россию (позже я коснусь этой темы), говорит именно о войне Путина, а не о войне России. Есть «официальная» Россия, воплощенная в автократе, который не уважает ряд прав. И это правда, что в России есть люди, которые поддерживают режим, но здесь, в Испании, нам это очень хорошо знакомо. Могло ли меня самого, противника диктатуры Франко, удивлять, что во время гонений, преследований, арестов того времени, когда диктатор был еще жив, он мог собирать толпы на Пласа-де-Орьенте в Мадриде и толпа восторженно приветствовала его? Эти люди не знали — в стране не было свободы печати, не было свободы мнений. Что можно было ожидать? Поэтому, повторяю, это война Путина, а не война народа России.

Это предварительное условие — идея верховенства права в первом его аспекте абсолютно необходима и непреложна. Конечно, отсутствие правового государства не всегда непременно приводит к войне или

*Если государство не соблюдает
верховенства права,
оно подвергается риску.
И ставит под угрозу мир,
потому что любой
тоталитарный лидер может
однажды решить для себя,
что хочет начать войну*

нашествиям, но если нет верховенства права, значит, уже созданы предпосылки к тому, чтобы при стечении определенных обстоятельств авторитарный правитель смог решиться запустить механизмы войны. Это первое измерение, верховенство права в целом, настаиваю, чрезвычайно важно. И двигаясь дальше, рассмотрим теперь верховенство права в контексте законов и правил, помогающих поддерживать мир.

Итак, верховенство права для поддержания мира. Правила существуют, будь то правила внутригосударственные или установленные на уровне международных сообществ для поддержания мира и предотвращения агрессии. Есть нормы, которые регулируют мир, и есть те, которые, скорее, касаются войн и предпосылок к ним. Иногда мы находим эти нормы в государственных конституциях, но чаще — в международных правовых документах. Сегодня мы не будем затрагивать колониально-освободительные войны; речь пойдет о войнах между государствами — то есть о тех войнах, которые не могут регулироваться каждым отдельным государством, для которых необходимы правила, установленные международным сообществом. О них я бы и хотел поговорить.

Оговорюсь: нормы, закрепленные в документах «национального» уровня, не менее важны. Например, согласно нашей испанской конституции война не может быть объявлена или начата без предварительного разрешения обеих палат парламента. Это предусмотрено статьей 63 Конституции Испании. Каждая конституция должна оговаривать, в каком случае и кем может быть объявлена война, — и почти во всех западных конституциях это решение считается настолько важным, что принимать его может только общество, через, в данном случае, своих законных представителей. Это неотъемлемая часть конституции как гарантии мира.

Возвращаясь к международным стандартам и нормам (которые, безусловно, играют ключевую роль), для начала следовало бы, пользуясь латинскими выражениями, провести различие между *ius ad bellum* (право на ведение военных действий) и *ius in bello* (закон войны, нормы поведения во время боевых действий).

В первом случае мы задаемся вопросом: законно ли начинать войну? Об этом было много сказано и написано научных трудов в эпоху Возрождения, в частности, Франсиско де Витория, Гуго Гроцием. Это Право на ведение войны.

Во втором случае мы спрашиваем: какие правила существуют, когда страна находится в состоянии (предполагается, что законной) войны? Можно ли убивать пленных, можно ли убивать гражданское население, можно ли насилловать, можно ли разрушать гражданские объекты?

Итак: *ius ad bellum* — право на ведение войны; то, что узаконивает войну, делает ее легитимной;

ius in bello — законы на войне.

Я бы определил при этом отдельно, что именно представляют собой нормы международного права, которые являются связующим звеном между всеми нами. В первую очередь стоит отметить, конечно, Устав Организации Объединенных Наций. Устав ООН был подписан после окончания Второй мировой войны в 1945 году, и это важный момент. Напомним, что Лига Наций, созданная после Первой мировой войны, очень мало, в сущности, говорила о войне (существовало даже некое представление, что война — это как бы право государств, хотя были, конечно, моральные пределы), а в 1945 году впервые было обозначено, что война — это бедствие, *the scourge of war*, бедствие человечества. Два поколения подряд пережили две мировые войны — такого не может, не должно быть.

*В 1945 году впервые было
обозначено, что война —
это бедствие, the scourge of war,
бедствие человечества.
Два поколения подряд пережили
две мировые войны — такого
не может, не должно быть*

Обратимся к преамбуле Устава ООН, где говорится о бедствиях войны, о том, как ее избежать. Волей всех подписавших, в том числе и СССР, было решено принятие некоей международной дисциплины — дисциплины, имеющей подводные камни (мы увидим это позже), но все же знаменующей собой принятие того самого *rule of law for peace*.

В тексте говорится о терпимости и мирном сосуществовании, которые необходимы, если мы хотим избежать тех ужасов, которые приносит с собой любая война. О необходимости «объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах». Любая миротворческая миссия должна быть согласована Советом Безопасности (со всеми проблемами, которые, как известно, происходят из-за наличия права вето у некоторых стран, входящих в Совет Безопасности). Но это уже призыв к миру, это заявление о неприменении оружия.

Таким образом, рассматривая концепцию *ius ad bellum*, то есть право на ведение войны, мы обнаруживаем, что его нет. Потому что Устав ООН, эта, назовем ее так, Международная Конституция, закрепляет, что война — это всегда бедствие, и мы должны прилагать все усилия, чтобы ее избегать. Для этого должны быть созданы все необходимые институты, методы, техники. Мы даже можем говорить о некоем *ius contra bellum*, то есть о законе **против** войны. Или, другими словами, о том, что отвечает идее о недопустимости военных действий. Закон о недопустимости войны.

Конечно, мы понимаем, что в реальной жизни всегда есть исключения, возникают ситуации, когда конфликт неизбежен. Но философия Устава — **против** «справедливой войны», как ее понимали де Витория или Гроций. Какие могут быть предпосылки к «справедливой войне»?

Джош Клайн (Josh Kline). Гражданская война. Инсталляция. 2017

Войны не может, не должно быть. И механизм будет заключаться в том, чтобы Совет Безопасности ООН рассматривал и санкционировал каждый запрос на начало военных действий. Мы знаем, что это не всегда будет выполнено, но такова основная идея.

Это те уточнения, которые мы находим в преамбуле Устава. Далее, начиная с первой статьи, пойдут идеи, носящие не только декларативный, но и обязательный характер.

Для поддержания международного мира и безопасности должны быть приняты действенные меры; здесь будут установлены определенные обязательства, которые подразумевают, что стороны, члены организации (статья 2 Устава) «...будут разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность».

В статье 4 указывается, что «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения...»: я подчеркиваю эту идею о недопустимости не только применения, но и угрозы применения силы. Это международно-правовые документы, имеющие обязательную силу.

В статье 33 также содержится положение о том, что стороны, «участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения...», и Совет Безопасности, когда он считает это необходимым, могут потребовать от сторон разрешения их спора именно при помощи таких средств.

«Любой Член Организации (статья 35 Устава) может довести о любом споре или ситуации <...> до сведения Совета Безопасности».

Нельзя не отметить также отдельно статьи 41 и 42. Статья 41: «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер». И особенно важна статья 42: «Если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Итак, перед нами предполагаемые конфликтные ситуации и соответствующие меры, узаконенные международным правом. Меры, согласованные Советом Безопасности именно для восстановления мира в случаях, когда правила, направленные на его поддержание, не соблюдаются. Увы, нам известны примеры, когда одна сторона блокирует, налагает вето на решение Совета, что делает невозможными дальнейшие действия. Но так или иначе, мы обговорили те случаи, когда применение силы международным сообществом для сохранения мира возможно.

Статья 51 предусматривает, в частности, и другое правомерное применение силы. В этом случае речь идет о праве на защиту. «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации».

Резюмируя, подчеркну, что война запрещена. Но Совет Безопасности ООН может дать разрешение на использование силы и вооружения, если «за» выступит большинство государств, входящих в состав Совета Безопасности (15 государств-членов — 5 постоянных и 10 непостоянных). Помимо этого право на защиту признано за любым государством, на которое было совершено нападение. Таковы основные правила *rule of law for peace*.

И есть также статья 27, в третьем абзаце которой для принятия мер, принятия решений, связанных с прекращением конфликта (или даже вмешательством вооруженных сил с целью прекращения конфликта), упоминается необходимость девяти голосов членов Совета, включая голоса всех постоянных членов Совета, то есть России, Китая, Франции, Великобритании и США. Если кто-то из них воздержался, никакие действия не могут быть предприняты. Понятно, что это становится проблемой, когда одна страна решает не отдавать свой голос, руководствуясь теми или иными мотивами. Но если удастся договориться, действие возможно.

В этой связи я хочу также отметить — помимо Устава ООН — Резолюцию 33/14, принятую 14 декабря 1974 года Генеральной ассамблеей

ООН, которая раскрывает понятие агрессии. Что такое агрессия? Агрессией является «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций», который мы только что рассмотрели.

Статья 2 той же Резолюции предусматривает, что «применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* — явным свидетельством акта агрессии, хотя Совет Безопасности может в соответствии с Уставом сделать вывод, что определение о том, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера».

В статье 3 предлагаются инструменты, которые помогают определить, какие действия являются непосредственной агрессией. А именно:

а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства;

б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства (я не буду зачитывать все);

г) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства.

Резолюция 33/14 — важный документ, принятый всеми государствами ООН, который определяет, какие действия являются актом агрессии и, следовательно, нарушают законы войны, нарушают *rule of law for peace*. Подобные агрессивные военные действия согласно международному праву могут быть наказаны.

Но, вероятно, самым важным документом международного права, *rule of law for peace*, является Римский статут 1998 года, который учреждает новый орган уголовной юстиции — Международный уголовный суд. Подчеркну, что речь идет о 1998 годе, т. е. уже о времени после страшных событий югославского конфликта (который также повлечет за собой подписание резолюции Совета Безопасности, дающей согласие на создание Международного суда для судебного преследования за совершенные преступления); после актов геноцида тутси правительством хуту в Руанде и т.д.

Таким образом, международное сообщество начинает приходить к мысли о необходимости уголовного преследования виновных в нарушении международного права. Каким должен быть ответ в случаях, когда не просто нарушается закон войны, но совершаются зверства, преступления против человечности? Должен быть создан международный судебный инструмент для преследования. В преамбуле к Статуту 1998

года мы находим следующие строки: «памятуя о том, что за нынешнее столетие миллионы детей, женщин и мужчин стали жертвами невысказанных злодеяний, глубоко потрясших совесть человечества; признавая, что эти тяжчайшие преступления угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию; подтверждая, что самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными...».

Так учреждается Международный уголовный суд, в полномочия которого входит расследование преступлений, регламентированных статьей 51. То есть речь снова идет о соглашении — и я должен оговориться, что это соглашение о создании Международного уголовного суда не было ратифицировано ни Соединенными Штатами Америки, ни Россией, тем не менее оно было подписано более чем 120 странами, а значит, создает и закрепляет общие правила, как человечеству в нашем столетии следует добиваться мира и поддерживать его. Упомянутые преступления, в отношении которых Суд обладает юрисдикцией, — это акты геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии (определение которого уже рассматривалось выше).

Преступления против человечности, обозначенные в статье 7 Римского статута, включают в себя: убийство, истребление, порабощение, изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции. Военные преступления из статьи 8, нарушающие законы и обычаи войны (сегодня мы видим, что многие из перечисленных являются часто совершаемыми преступлениями), это: прямое умышленное убийство, «незаконное, бессмысленное и крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью», «умышленные нападения на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях», «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам», «нападение на незащищенные и не являющиеся военными целями города, деревни, жилища или здания или их обстрел с применением каких бы то ни было средств».

Итак, в Римском статуте мы видим преступления и предусмотренные за них наказания, которые естественным образом затрагивают страны, ратифицировавшие договор. Но статья 12 статута предусматривает для любого иного государства, не подписавшего договор, возможность стать участником международного процесса: органы государственной власти третьих стран могут как выступить заявителем, так и подпасть под юрисдикцию Международного суда, если расследованием будут доказаны наличие совершаемых преступлений, предусмотренных статутом, и правомерность преследования.

Мы видим это на практике: в марте 2022 года Международный уголовный суд назначил прокурора для проверки фактов военных преступлений в Украине

И мы видим это на практике: в марте этого [2022] года Международный уголовный суд назначил прокурора для проверки фактов военных преступлений в Украине. Украина, руководствуясь статьей 12, уже запрашивала международное вмешательство и судебное расследование

после событий, связанных с аннексией 2014 года. Теперь прокурором будут расследованы преступления, имевшие место как во время аннексии Крыма, так и во время вторжения в Украину в 2022 году.

И еще один момент, о котором я не упомянул ранее. Мы с вами говорили о Международном уголовном суде. Но существует также Международный суд ООН, так называемый Гаагский суд — судебный

орган ООН, созданный в 1945 году и распространяющий свое действие на государства — члены Организации. Гаагский суд в апреле этого года также решил, обладая соответствующей юрисдикцией (в этом случае, в отличие от предыдущих, Россия и Украина являются странами-участницами), начать разбирательства, связанные с нарушениями обязательств, предусмотренных Уставом ООН. Мы не знаем, какие меры будут приняты, поскольку, кажется, прецедентов раньше не случалось.

Итак, в 2005 году возникает важная тема, которая будет представлена в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и будет связана с механизмом под названием «Ответственность по защите», *the Responsibility to Protect*. На этот раз речь пойдет о защите населения, а не вооруженных сил, — как в случаях, которые мы рассматривали выше, говоря о военных преступлениях (хотя мы видели, что некоторые военные преступления также включают в себя атаки на мирное население, разрушение построек, не являющихся средствами защиты и не использующихся в военных целях, и т.д.).

Концепция «Ответственности по защите», которая является поиском способов обезопасить гражданское население от атак и гарантировать их защиту, имеет как положительную, так и темную сторону. Положительным моментом является то, что в 1990-х годах члены Организации Объединенных Наций осознали, в частности, что блокирование решений, которое часто возникает из-за права вето постоянных членов Совета Безопасности, не позволяет ООН совершать действия для установления мира. В случае использования этого права одной страной-участницей любое действие уже не будет являться законным в соответствии с предписаниями, которые мы рассматривали. Нарушаются нормы поведения во время боевых действий, происходящее противоречит *rule of law for peace*, но остановить это невозможно. Никаких действий не предпринимается, потому что одна сторона наложила вето, заблокировав процесс.

Джош Клайн (Josh Kline). Нормализация. Фрагмент инсталляции «Гражданская война». 2017

Одним из импульсов к осознанию необходимости нового инструмента стали события в Югославии, в Косово. Международное сообщество пришло к согласию, что если речь идет о гражданском населении, если имеют место акты геноцида и прочие зверства, внешнее вмешательство необходимо. Что именно произошло тогда в Косово?

К моменту событий в Косово уже был создан Международный уголовный суд (мы видели это раньше, в 1998 году). Было множество подписавших государств-участников, но проблема заключалась в том, что если Совет Безопасности не давал разрешения на вмешательство (как произошло в данном случае из-за вето, наложенного со стороны России и Китая) — действовать было невозможно. Несмотря на этот отказ Международного уголовного суда узаконить вмешательство, НАТО все же продолжило военные действия, аргументируя вмешательство обязанностью не только выступать посредником в конфликте, но и в первую очередь — защищать мирное население. Силы НАТО были использованы для вмешательства во внутренний военный конфликт Югославии без явного одобрения ООН. Но позже мы увидим, как Милошевич и прочие лица, ответственные за нарушения международного гуманитарного права, будут выступать в качестве обвиняемых в Международном суде (во время трибунала по бывшей Югославии), где будут осуждены за военные преступления, преступления против человечности, геноцид и т.д. Вступление в конфликт извне положило конец войне, хотя и не было совершено под эгидой Организации Объединенных Наций из-за имевшего место вето, наложенного вопреки очевидным

обстоятельствам, позволявшим узаконить и разрешить вмешательство. Это чувство разочарования привело к мысли, что необходимо разработать какой-то новый международный инструмент. И такой инструмент был изобретен, утвержден Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций и представляет собой Резолюцию 60/1, принятую 16 сентября 2005 года.

Резолюция 60/1 является заключительным документом Всемирного саммита, в статье 138 которого признается и закрепляется ответственность по защите. «Каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». Этот вопрос освещается здесь впервые; согласно Резолюции, вмешательство может быть осуществлено любым государством-членом как в отношении своих граждан, так и иных, если имеют место подобные преследования. На это указывает статья 139 Резолюции: «международное сообщество, действуя через Организацию Объединенных Наций, обязано также использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава Организации Объединенных Наций для того, чтобы содействовать защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности».

«В этой связи мы готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями, в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности».

Другими словами, статья 138 этого документа, этого соглашения Генеральной Ассамблеи, допускает вмешательство, но делает это в соответствии со статьей 7, которая требует согласия Совета Безопасности. То есть если согласие не получено, действия не могут быть предприняты, а если согласие Совета Безопасности получено, вмешательство для предотвращения преступлений законно.

Это была, назовем ее так, положительная часть. Где же может возникнуть проблема? Опасность заключается в том, что на 139 статью можно ссылаться для оправдания интервенции. Именно так и произошло, например, в случае, когда российское правительство заговорило о «зверствах на Донбассе и в других районах Украины». По регламенту государству было необходимо обратиться в Совет Безопасности и сказать: «Происходят такие-то события, примите меры, чтобы избежать этого». Что было делать абсолютно недопустимо, так это в обход процедуре (тем более со стороны государства, являющегося постоянным членом

Совета Безопасности!), не вынося вопрос на рассмотрение, начать атаковать. Мы понимаем, сделано это было потому, что такой запрос не имел бы ни малейшего шанса в Совете Безопасности, — но пропуск этого шага влечет за собой нарушение Устава, нарушение Резолюции.

Таков двойственный характер этого документа, который может как позволить внешнему вмешательству эффективно положить конец войне и спасти население от геноцида, военных преступлений и т.д., так и стать оправданием для нападения.

Не превращается в «оправдание» это только в том случае, если есть обращение в Совет Безопасности, есть заявление о том, что происходит, и только в случае, если обращение отклонено... Статья 139 по-прежнему не позволяет в одностороннем порядке принимать решение о вмешательстве; но даже если ваш запрос не будет удовлетворен, по крайней мере была официальная попытка, официальное обращение, как это произошло в случае с Косово, где ООН не дало разрешения НАТО на начало военной операции, но впоследствии Международным уголовным судом было признано, что преступления, о которых заявлял Североатлантический альянс, имели место, — и их авторы были осуждены.

Именно по этой причине статья 139 Резолюции 60/1 от 2005 года не допускает, не принимает доводов Путина о том, что события, которые он описывает в своих выступлениях, действительно совершались. Проблема не была вынесена на Совет Безопасности, не была создана возможность для обсуждения и принятия решения. Не сделано это было, очевидно, потому, что события, о которых он заявляет, на самом деле не происходили — ни так, как их описывает Путин, ни каким-либо другим образом.

Что ж, на этом я, пожалуй, закончу свою презентацию темы верховенства права во имя мира, *rule of law for peace*.

Выводы. Право на ведение войны ограничено. Скорее, речь может идти о праве **против** войны. Что происходит в международном сообществе? У нас нет работающих инструментов, потому что право вето всегда может помешать принятию решения. Принятие необходимых мер по урегулированию конфликтов может быть заблокировано в зависимости от интересов тех и иных стран. И ситуация становится более серьезной, если речь идет о ядерной державе, которая под различными предлогами, угрожая применением ядерного оружия, совершает действия, которые согласно международному праву подпадают под определение агрессии и ею являются.

Это приводит к осознанию необходимости не только устанавливать правила, но и определять санкции, меры воздействия, которые следуют за неисполнением этих правил. Мы сделали много шагов в верном направлении в сравнении с XIX или началом XX века, по крайней мере у нас есть Организация Объединенных Наций, внутри которой любые акты агрессии могут быть вынесены на обсуждение и подвергнуты

осуждению Генеральной Ассамблеей. Однако нужно признать, что наши сегодняшние инструменты несовершенны и требуют доработки.

В последнее время самыми действенными из них является система международных уголовных судов. Украина, даже не ратифицировав Римский статут 1998 года, имеет право на рассмотрение своего дела в Международном суде, а также на рассмотрение дел в отношении тех,

Мы двигаемся небольшими шагами. Построение rule of law for peace – непростая задача, но прогресс есть

кто совершает сегодня преступления на территории Украины, поскольку предполагается, что имели место действия, которые согласно определениям, прописанным в Резолюции 1974 года, являются актами агрессии. Следовательно, возможен международный приговор — как со стороны Международного уголовного суда, так и

со стороны Международного суда ООН в Гааге, в чьей юрисдикции как член Организации Объединенных Наций находится и Россия.

Мы двигаемся небольшими шагами. Построение *rule of law for peace* — непростая задача, но прогресс есть. Да, иногда через кровь, пот, слезы и боль, но мы должны продолжать бороться, должны совершенствовать наши методы и инструменты, должны исключать возможность ложных и нелегитимных предлогов, прикрываясь которыми, может совершаться агрессия, за которую в данном случае, как мы надеемся, Путин (я настаиваю — Путин, а не Россия) должен будет ответить.

В заключение скажу о книге британского писателя и историка Орландо Файджеса, которую я прочитал недавно. Книга называется «Европейцы». Сюжетная линия построена на историях многих людей, но удивительно, что главные действующие лица — это испанка Полина Виардо (ее девичья фамилия — Гарсиа, она становится Виардо после свадьбы) и русский писатель Тургенев, ее возлюбленный. Кажется, будто мы объединяемся через весь континент. Она — обладательница великолепного сопрано, выступает в Париже, Лондоне, Берлине, в Санкт-Петербурге, в Москве. Тургенев же — это некое «место встречи». Нельзя было выбрать более подходящего времени именно для такого названия книги, чем сейчас: вокруг этих двух полюсов, испанской певицы и русского писателя (в книге появляются и многие другие — русские, немцы, французы...), выстраивается то, что мы называем Европой. Это союз и цельность. Идея о том, что Запад якобы не любит Россию, — это неправда. Думаю, что эта фантастическая книга — прекрасное отражение любви и уважения, которые мы здесь, в Европе, испытываем к России.

Перевод с испанского Алисы Бавриной

О меняющейся экономике войны*

Владислав Иноземцев,
доктор экономических наук,
профессор

Неспровоцированная агрессия России против Украины наверняка останется главным международным событием 2022 года. Совсем недавно в Испании я говорил о невозможности войны между крупными державами в XXI веке, основывая свои утверждения на банальной экономической рациональности. Сегодня я вынужден признать, что действия хозяина Кремля эта логика не затронула, но все же посвящу свое выступление «экономике войны» и ее изменениям за последние столетия.

Обычно войну считают — причем, несомненно, справедливо — совершенно иррациональным с точки зрения законов человеческого общежития явлением. Люди не только убивают друг друга, но и разрушают ранее созданные ими богатства, обрекая себя и своих потомков на тяжелый труд ради восстановления прежнего уровня жизни. Казалось бы, какая в войне экономика, однако я не могу не заметить, что на протяжении многих тысячелетий вопрос так даже не ставился: захват территорий, обложение покоренных народов данью, порабощение пленников были важнейшими источниками благополучия древних империй. То, что сегодня мы назвали бы «органическим ростом», оставалось, скорее, исключением из правила. Однако пусть и не быстро, но мир изменился — причем не благодаря нравственной эволюции, как мечтали многие философы, а вследствие технологического прогресса.

Из «экономического» в «антиэкономический» фактор войну превратили три примечательных тренда.

* Статья написана на основе выступления на семинаре Школы в Сеговии, Испания, 24 июля 2022 г.

Во-первых, речь идет о возможности побежденного нанести победителю экономический ущерб, который не может быть возмещен никакими имеющимися в его распоряжении методами. Вплоть до начала XX века победы в войнах приносили с собой новые территории, богатую добычу или тысячи пленных,

Экономическая выгода войн была обусловлена низкой стоимостью человеческой жизни, небольшими размерами армий и специфическими методами ведения военных действий, в которых преобладали отдельные сражения

но при этом держава, довольно редко терпевшая в итоге поражение, ставила победителя на грань хозяйственного коллапса (можно вспомнить, например, что ни один из внешних противников Рима не вел войну не то что в Италии, но даже в стратегической глубине имперской территории почти пятьсот лет). Поэтому на протяжении

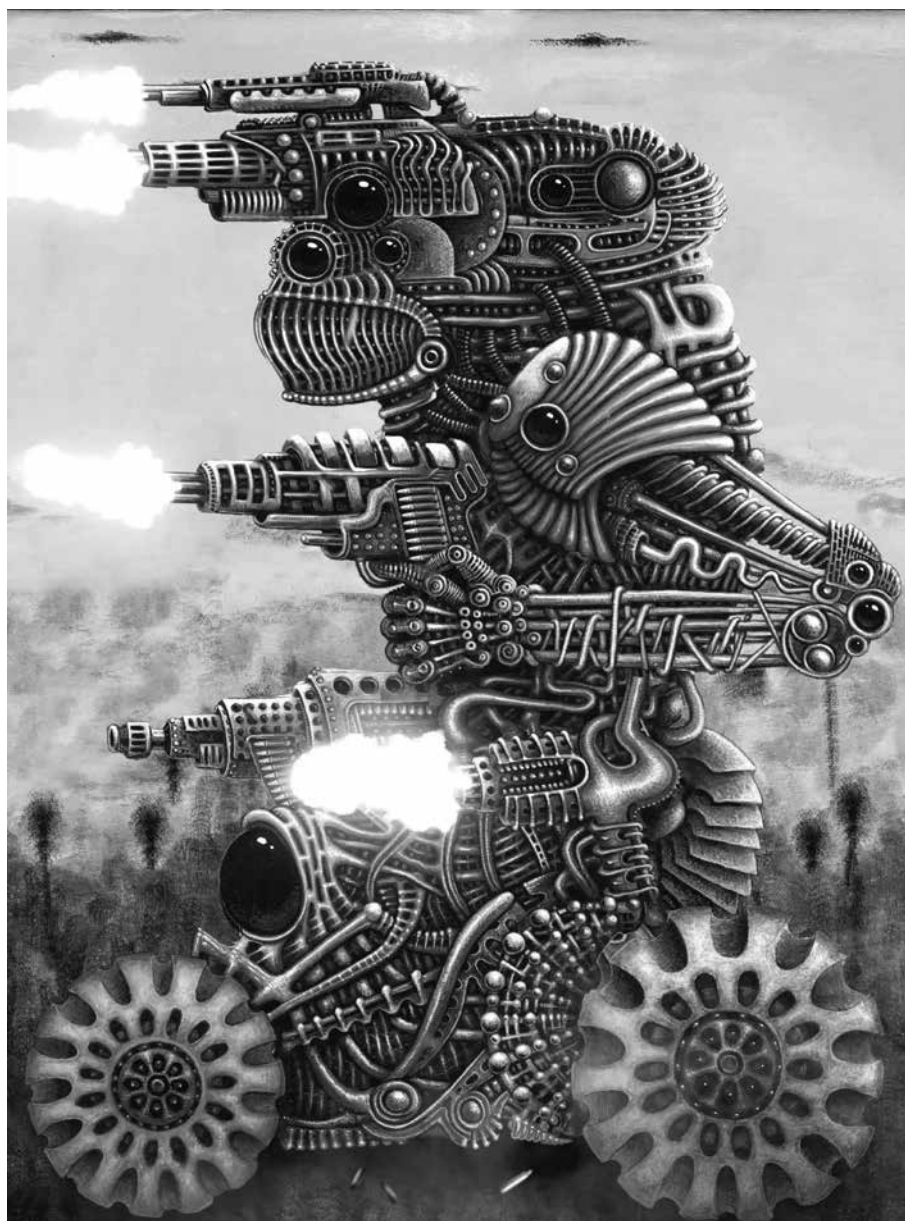
тысячелетий войны завершались либо катастрофическим поражением одной из сторон с последующим формированием вассалитета или без такового (в обоих случаях победитель получал богатую добычу или обязательство выплачивать дань), либо заключением мира с выплатой контрибуций, которые могли с лихвой перекрыть военные расходы. Экономическая выгода войн была обусловлена прежде всего низкой стоимостью человеческой жизни, относительно небольшими размерами армий (максимальная суммарная численность римских легионов не превышала 200 тыс. человек при населении империи в 60–75 млн) и специфическими методами ведения военных действий, в которых преобладали отдельные сражения и осады важнейших городов (общее число жертв всех войн Александра Македонского за 12 лет составило около 150 тыс. человек). Самыми кровавыми конфликтами древности и Средневековья были междоусобные, гражданские и колониальные войны, в которых порой уничтожалось чуть ли не все население огромных территорий (от междинастических войн в Китае, завоевания римлянами Галлии, части Германии и подавления восстаний в Иудее до монгольского нашествия и захвата испанцами доколумбовых империй в Латинской Америке).

Однако с наступлением Нового времени войны стали для их участников невыносимым бременем. Ливонская война привела к долгому хозяйственному упадку Руси, Тридцатилетняя война разорила многие государства Европы, наполеоновские войны отбросили Францию на десятилетия назад в ее экономическом развитии (при этом сначала она получила с побежденных ею монархий контрибуции на 535 млн франков, а потом ее саму обязали выплатить 700 млн, что равнялось примерно 200 т золота. Через полвека итоги Франко-прусской войны предполагали выплату уже 5 млрд франков, а затем наступила пора войн Новейшего времени, и уже Первая мировая показала, что ситуация изменилась

кардинально: число мобилизованных в воюющих странах (не считая США и Турции) граждан достигло 51 млн человек при их общем населении в 403 млн, а число погибших — 7,35 млн. Масштаб ущерба был таков, что даже первые попытки Германии начать выплаты наложенных на нее по Версальскому договору репараций в сумме 132 млрд марок золотом обрушили ее экономику, а всего до 1932 г., когда репарации были отменены Лозаннской конференцией, общая сумма была выплачена менее чем на 15%. Собственно говоря, по итогам Первой мировой стало ясно, что война более не является источником богатства даже для победителей; Вторая мировая война окончательно закрепила этот факт, а в последующие годы данный тренд стал очевидным: война 1991 г. в Персидском заливе обошлась США в 116 млрд долларов в ценах 2019 г., тогда как Ирак выплатил репараций на 52,4 млрд долларов, закончив перечисления лишь нынешней весной, а вторжение в тот же Ирак, начавшееся в 2003 г., стоило Америке около 1 трлн долларов (есть и более высокие оценки) и не принесло при этом никакой «сатисфакции».

Иначе говоря, в последние десятилетия война становится делом настолько дорогим, что ни одна участвующая в ней страна — даже победитель — не способна добиться для себя каких-либо выгод. В современных условиях это вызвано, с одной стороны, условной ценностью территорий (даже если они богаты ресурсами, как в том же Ираке, их накладнее удерживать под контролем, чем попросту купить добываемые там нефть и газ) и невозможностью обеспечить с помощью современного вооружения захват ценных индустриальных активов в удовлетворительном состоянии (лучшим — прошу прощения за это слово — примером тому служит битва за завод «Азовсталь», на территории которого сейчас собираются разве что разбить парк); а с другой стороны — крайне высокой ценой используемых вооружений и, что еще важнее, объемом выплат участникам военных кампаний [ветераны войн в Ираке и Афганистане, а также их вдовы и сироты до 2050–2060-х годов обойдутся американскому бюджету не менее чем в 2,1 трлн долларов триллиона (эта сумма в точности соответствует затратам США на чистый импорт нефти с 2004 по 2019 г., когда страна превратилась в ее нетто-экспортера)]. Технология войны, которая сейчас становится практически тотальной, вкупе с обесценением возможных приобретений привели, на мой взгляд, к полной экономической контрпродуктивности военных действий безотносительно к тому, заканчиваются ли они победой или поражением (причем порой именно поражения оборачиваются в относительно отдаленной перспективе долгосрочным резким ускорением хозяйственного роста).

По итогам Первой мировой стало ясно, что война более не является источником богатства даже для победителей; Вторая мировая война окончательно закрепила этот факт

Роберт Стивен Коннетт (Robert Steven Connett). Военная машина. 2015

Во-вторых, нельзя не принимать в расчет роль производства оружия (вооружений) в экономическом развитии отдельных стран, которая также изменялась с течением времени. Обеспечение армии, развитие фортификации и совершенствование средств ведения войны долгие столетия оставались основными движителями технологического прогресса (причем здесь можно говорить не только о производственных, но и о социальных технологиях). Организация армии и контроль над захваченными пространствами определяли облик формирующихся новых обществ; применявшиеся для производства вооружений методы и изобретения позже использовались в гражданских отраслях. Бурный всплеск развития товарного хозяйства в Европе в XI–XII веках во многом был обусловлен закупками монархами оружия у независимых ремесленников (в отличие от государственных эргастериев, существовавших в эпоху Римской империи) и соответствующим ростом конкуренции между ними. По мере развития современных науки и техники этот тренд становился все более ощутимым: масса новейших изобретений XVIII — начала XX веков была на счету специалистов, работавших над совершенствованием военной техники (примеры тому можно приводить бесконечно — от технологий ракетного двигателя и производства ядерной энергии до банальной микроволновой печи. Отчасти поэтому В. Путин говорит, что «оборонка всегда служила локомотивом, который тащит за собой другие отрасли производства»). Известны примеры того, как подготовка к войне обеспечивала инвестиционный бум и помогала крупным экономикам преодолеть хозяйственные кризисы (что справедливо, например, и для Германии, и для США в 1930-е годы).

Однако и данный аспект «военной экономики» существенно изменился за последние десятилетия, хотя перемены тут были куда более стремительными, чем в случае изменения технологий самой войны. В период глобального военно-политического противостояния много раз до того отмечавшийся «технологический переток» из военного сектора в гражданский сошел на нет. В западных странах технологическая революция 1970-х годов с ее компьютеризацией и массовым появлением «креативных корпораций» породила обратный тренд: начиная со второй половины 1980-х уже оборонные компании стали черпать технологии, созданные в гражданской сфере, а после окончания холодной войны этот тренд стал неколебимым. В России и других авторитарных коммунистических странах разрыв между военным и гражданским секторами оказался столь значительным, а принципы эффективности в военной сфере — столь отодвинутыми на второй план, что любая «конверсия» превратилась в невыполнимое предприятие: оборонные заводы не могли вписаться в допустимые для гражданской продукции соотношения цены и качества. Этот момент характерен и для современной российской оборонной промышленности, которая практически не производит товаров для других отраслей экономики. Если в России в 2017 г. десять

основных подрядчиков Минобороны получили от его заказов 86% своей выручки, то для десяти крупнейших подрядчиков Пентагона этот показатель находился на уровне 46%.

По мнению большинства западных аналитиков, «технологический трансферт» из военных отраслей в гражданские в развитых странах полностью иссяк в начале 1990-х годов, и с этого времени в странах, где военно-промышленный комплекс развивается как обособленная

Значительные военные расходы, как показала история 2-й половины XX столетия, становились причиной экономического упадка многих государств, тогда как страны, существенно сокращавшие их, достигали заметных хозяйственных успехов

отрасль, выделяемые на него средства представляют собой чистый вычет из общественного благосостояния; там же, где он включен в народное хозяйство более гармонично, речь, скорее, идет о механизме государственной дотации на развитие высокотехнологичной гражданской промышленности (так как норма прибыли при выполнении военных заказов остается на много более высокой, чем средняя по экономике). Значительные военные расходы, как показала история второй половины XX столетия, становились причиной эконо-

номического упадка многих государств, тогда как страны, существенно сокращавшие их, достигали заметных хозяйственных успехов. В целом в мире 1990-е годы, ознаменовавшиеся стабилизацией глобальных расходов на вооружения в текущих ценах (они снизились с 713 до 707 млрд долларов между 1990 и 1998 гг.), стали периодом самого продолжительного последовательного повышения темпов роста мировой экономики (с 1991 по 2000 г. они выросли, по данным Всемирного банка, более чем втрое), что дополнительно подтвердило отсутствие связи между военными расходами и экономическим ростом.

В-третьих, следует сказать и об изменении связи между войной и глобализацией, что стало очень заметно в последнее время. Исторически войны были, как к этому ни относиться, важнейшим средством расширения границ известного мира и мощным инструментом взаимодействия цивилизаций. Более развитые общества устанавливали контроль над менее развитыми и «экспортировали» свои социальные порядки и технологии. Конкуренция империй поддерживалась войнами — и порой самые мощные из них, если начинали приходить в упадок, часто разрушались иногда даже менее развитыми, но более динамичными противниками. Экспансия Римской империи, Великое переселение народов, исламские завоевания в Африке и Европе, походы монголов и, наконец, эпоха Великих географических открытий и вестернизации — все эти изменившие мир события были прямыми или косвенными следствиями войн и колониальных захватов.

Однако, сформировав современную глобальную экономику, войны стали ее антиподом. Помимо миллионов жертв Первая мировая война привела к самой мощной деглобализационной волне, в результате которой отношение международной торговли к ВВП сократилось с 13–14% в 1910 году до менее чем 7% в начале 1930-х; параллельно во всем мире наблюдался резкий всплеск протекционизма. Вторая мировая война, окончательно разделившая мир на два противостоящих политических блока, только усугубила проблему — в результате по состоянию внешней торговли и иностранных инвестиций уровень глобализации вернулся к показателям конца XIX столетия только в начале 1980-х годов. И только прекращение холодной войны и относительно «оптимистический» мирный период 1990-х (отчасти продлившийся и в начале 2000-х годов с их триумфаторским подходом) обеспечили становление современной хозяйственной системы и самый стремительный в мировом масштабе рост благосостояния жителей планеты.

«Возвращение истории», которое мы наблюдаем со второй половины 2000-х годов и которое во многом обусловлено оживлением ревизионистских (читай — милитаристских) трендов в глобальной политике, сегодня является основной угрозой для устойчивого экономического развития. Та же война в Украине, развязанная В. Путиным для достижения ему одному известных целей, уже отозвалась крахом одного из самых успешных эпизодов глобализации рубежа XX и XXI веков — участия в ней России. Менее чем за полгода из страны ушли почти 1200 международных компаний; разорвано авиасообщение крупной евроазиатской державы с остальным миром; нанесен серьезный удар по рынкам энергоносителей, продовольствия, нарушены важные логистические цепочки. Еще только предстоит оценить влияние этой войны на финансовые и валютные рынки. Однако никто не решится предсказать возможные последствия, например, нападения Китая на Тайвань, особенно если учесть, что КНР является производителем более половины от общего числа собираемых в мире компьютеров и мобильных телефонов, самым большим импортером нефти и лидером по объему товарного экспорта, в то время как Тайвань обеспечивает от 50 до 80% глобального выпуска микрочипов, причем эта доля тем больше, чем о более современных моделях идет речь. В XXI веке распространение стереотипов потребления, образа жизни, приобщение к современности через продукты и услуги, потребляемые самой успешной частью человечества, становятся главными

Сформировав современную глобальную экономику, войны стали ее антиподом

Предложенные западной цивилизацией концепты свободы, суверенитета, национальной и этнической идентичности обусловили совершенно иные масштабы и характер сопротивления завоеваниям

инструментами глобализации — в отличие от войн, опосредовавших насильственную вестернизацию мира XVI–XIX столетий. Более того, предложенные самой западной цивилизацией концепты свободы, суверенитета, национальной и этнической идентичности обусловили совершенно иные масштабы и характер сопротивления завоеваниям. Как говорил мне в свое время известный историк Э. Хобсбаум, в новых условиях такое сопротивление не завершается даже тогда, когда оно может привести к полному истреблению защищающихся, а успех в борьбе совершенно не гарантирован (чего в эпоху классических войн Нового времени и европейских колонизаций вообще не наблюдалось).

* * *

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что война и экономика, неразрывно связанные между собой на протяжении большей части человеческой истории, начали приходить в серьезное взаимное противоречие как минимум полтора столетия тому назад, а в начале XX века их антагонизм стал хорошо заметным. В течение последних ста лет производственные и социальные технологии продолжали изменяться, «отменяя» одну за другой немногочисленные положительные черты войн и развития военной промышленности для экономического роста. Война в современном мире экономически не просто бессмысленна — она контрпродуктивна. Этого не понимают только те политики и общества, которые категорически не могут смириться с реалиями современного мира. Они способны принести — и продолжают приносить — массу страданий своим и чужим народам; могут уничтожать огромные массивы общественного богатства и останавливать хозяйственное развитие целых территорий, но они не в состоянии достичь только одного — благополучия собственной страны, ее роста и развития. Потому что в XXI веке война и экономика совершенно несовместимы, и чтобы изменить это, человечеству придется вернуться в каменный век и начать отсчет нового исторического времени...

Почему мир воюет*

Лучше всего это объяснил поэт времен Первой мировой войны: мир все еще в состоянии войны, потому что он не готов к миру. Мы видим мир в состоянии войны от Алеппо до Кабула, от Донецка до Западной Африки. Мы живем в мире, в котором насилие для многих и есть условие жизни. Посмотрите на Нигерию, где царит «Боко Харам», или Демократическую Республику Конго, где с 2010 года погибли пять миллионов человек, а сексуальное насилие приобрело такие масштабы, что ООН относит его к категории военных преступлений.

Но необязательно ходить так далеко. Посмотрим на близкую нам Европу.

Я пришел в свою профессию после того, как прочитал книгу «Последняя европейская война», вышедшую в 1976 году. Речь в ней идет, разумеется, о Второй мировой войне.

Когда у Зигмунда Фрейда спросили в первый месяц Второй мировой войны, станет ли она последней европейской войной, он ответил: «Для меня — да, но для вас, скорее всего, нет». С тех пор прошло больше семи десятков лет, но дела по-прежнему обстоят мрачно. Хотя еще в 2003 году мы думали, что самое страшное осталось позади.

Вот преамбула к стратегической доктрине Европейского союза (которая не далее как в этом [2015] году была пересмотрена). «Европа еще никогда так не преуспевала и не была настолько безопасной и свободной. Насилие первой половины XX века осталось позади, дав начало эпохе мира и стабильности, беспрецедентных в европейской истории <...> Никакая масштабная агрессия в отношении любого государства-участника сегодня невозможна».

Кристофер Коукер,
профессор,
Лондонская школа
экономики

* Статья написана на основе выступления на семинаре Школы в Голицыно 8 июня 2015 г.

Это было написано после войны на Балканах 1990 года, в которой погибли 250 000 человек. А вот несколько случаев агрессии, которые произошли с тех пор: провокации России по отношению к Эстонии в 2007 году, военный конфликт с Грузией в 2008-м, в котором погибли тысячи людей... В большом мире ситуация обстоит не намного лучше. Например, премьер-министр Японии Синдзо Абэ на встрече в Давосе в январе 2014 года сказал, что война между Китаем и Японией, даже не будучи неизбежной, не является невероятной, как многие думают.

*Мы с удовольствием
запретили бы войну,
если бы могли*

Посмотрим на Европейский союз: «мягкая сила» больше не является его «торговой маркой». В понимании «мягкой силы» входило продвижение демократических ценностей, акцент на торговые отношения, развитие и дипломатию, вера в верховенство права внутри и за пределами европейского пространства. Крис Паттен однажды очень точно заметил, что Европа пользуется оружием «массового притяжения», и это оружие куда более действенно, чем старомодное оружие массового поражения, к обладанию которым так стремятся государства вроде Ирана.

Действительно, ядерное оружие, безусловно, стало таким «ретро», таким вчерашним днем и анахронизмом, но и бренд «мягкой силы» перестал приносить свои плоды. Кризис в Еврозоне и снижение уровня общественного доверия к большой политике (и политикам) говорят сами за себя. Европейский бренд теряет привлекательность и для других. Как сказал недавно Сергей Лавров, Россия была миноритарием в компании «глобализации».

Что же до остального мира, есть ли какое-то объяснение широкому распространению конфликтов?

Позволю себе пять общих наблюдений.

1. Война видоизменяется, и эволюционный потенциал войны не изучен до конца. 25 самых богатых государств мира или уже приобрели, или стараются приобрести средства ведения кибервойны. 76 государств производят дроны. Теперь мы называем это культурной диффузией — мы копируем то, что делают другие, или изобретаем копию. Мы с удовольствием запретили бы войну, если бы могли. Сегодня даже можно найти писателей, которые утверждают, что война — это всего лишь плохая идея, и избавиться от нее можно, просто заменив ее миром. Они говорят: если человечество смогло упразднить дуэли и рабство, почему бы не сделать то же самого с войной? В этих рассуждениях хорошо все, за исключением того, что они не верны. На сегодняшний день, по данным ООН, насчитывается 27 миллионов людей, находящихся в рабстве. Великобритания собирается принять первый в истории закон, запрещающий рабство. Мировой масштаб торговли женщинами легко увидеть на простом примере женщины, украденной в Молдавии, переправленной в Каир, затем через Сахару в Лагос и только потом попавшей в

публичный дом в Тель-Авиве. Что касается дуэли, она не просто никогда не была упразднена, но процветает как никогда раньше. Посмотрите на суды, которые рассматривают дела о клевете в Лондоне, суды по разводам в Лос-Анджелесе: все это примеры современных дуэлей, причины для которых — все те же вопросы чести, статуса и репутации (только, в отличие от прежних, у сегодняшних дуэлянтов кроме прочего есть шанс денежного обогащения в результате выигрыша).

Мы до сих пор совершаем большую ошибку, считая войну большим злом, чем, например, рабство. Еще Аристотель говорил две тысячи лет назад, что главная цель войны — мир. И сегодня все продолжают бороться за мир, начиная с Исламского государства и заканчивая «Боко Харам».

2. Так за что же они воюют — или против чего? Одна из причин — это «вечный мир» Канта. Кант в своем оригинальном проекте вечного мира, написанном в 1794 году, вывел формулу универсального мира, основывающегося на универсальных нормах. Мы не должны при этом забывать, что Кант не был пацифистом. В его глазах война была прекрасным образцом «асоциальной социальности», а именно — способом направить в нужное русло, на защиту общественных интересов и ценностей, асоциальное поведение через признание человеческого в противнике, как и противник, в свою очередь, должен был признать человеческое в нас. В конце XVIII века, когда писался этот трактат, было ощущение, что война исчерпала свои социальные возможности. Мир был на расстоянии вытянутой руки. Единение всех живущих на Земле было не за горами.

Здесь мы как раз и сталкиваемся с проблемой. Оказывается, каждый трактует «человеческое» по-разному. То, что, как нам кажется, делает нас людьми, происходит из нашей культуры и исторического опыта. За последнее столетие американцы оказывались вовлеченными в войну как раз благодаря частному трактованию цитаты Дж. Буша-старшего в 2002 году: «Моральная правда одна в любой культуре, в любое время и в любом месте». Но на деле это не так. В Афганистане в 2009 году 98% женщин в шиитских районах были за закон, который буквально легализовал изнасилование в браке. Закон был аннулирован из-за волны протестов, поднявшейся во всем мире. Но ведь в самой Великобритании изнасилование в браке оказалось вне закона только в 1962 году. Это говорит нам только о том, что за последние несколько тысяч лет Афганистан не сильно менялся. Известна история, когда репортер CNN спросил у талибского муллы, почему обязательно надо казнить женщин на единственном футбольном стадионе в Кабуле. Мулла в вопросе усмотрел не этическую, а практическую сторону и согласился, что было бы неплохо построить второй стадион, чтобы хотя бы один из них мог беспрепятственно использоваться для футбольных матчей. Одна из женщин, посмотревших этот репортаж по телевизору, впоследствии стала

первой женщиной-пилотом бомбардировщика Б1. И когда в 2001 году она управляла самолетом в небе над Кабулом, ее война с Талибаном была личной.

Что же касается трещины в отношениях между Западом и Россией сегодня, то я могу ее объяснить исключительно столкновением взглядов на жизнь. Взгляды на жизнь — это дискурс, в котором нация разговаривает сама с собой. В случае с Соединенными Штатами мы имеем их ощущение себя уникальными. В случае с Францией это космополитизм.

*Мы говорим войне «нет»,
потому что она
разрушает общество.
Но мы принимаем войну
для сохранения общества*

Быть настоящим французом — это чувствовать себя человеком, подписавшим Декларацию прав человека Анри Мишеля в XIX веке. И ведь действительно, Декларация прав человека стала предтечей Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1948 года. И каждый раз, вспоминая это подписание, мы не должны забывать, что во-семь стран отказались на тот момент подписать

резолюцию. Одной из таких стран была ЮАР, которая стояла на пороге собственного апартеида и никак не могла подписать документ, который гарантировал одинаковые права представителям разных рас. Другим государством была Саудовская Аравия, которая не могла подписаться под документом, позволяющим менять религию или быть атеистом. В качестве примера противоположного отношения мы можем вспомнить Глобальную Этическую Обсерваторию ЮНЕСКО, которая пытается разработать универсальные нормы поведения, основываясь на религиозном консенсусе, но эти нормы не имеют законодательной силы, потому что мировой консенсус не многого стоит.

И здесь я подхожу к сути своего аргумента. Если верить британскому раввину и философу Джонатану Саксу, культура не является дополнением к нашей единой (неделимой) человеческой природе. «Это и есть то состояние (само)обучения людей быть людьми». 30 000 джихадистов, выступающих в рядах ИГИЛ, ставят религию на первое место. Западные европейцы, которые записывались в волонтеры, чтобы воевать за Республику или за фашизм в Испании в 1930-е годы, превыше всего ставили цель. Так же было и с американцами, вступавшими в ряды отряда Авраама Линкольна. Мы говорим войне «нет», потому что она разрушает общество, человеческое тело и права человека. Но мы принимаем войну для сохранения общества, для защиты жизней и для продвижения идеи прав человека.

3. США утверждают, что войны, которые они ведут, нацелены на благо человечества, однако большая часть людей способна воевать только за свое «племя». Но может ли быть что-то более «племенным», чем желание создать «мир для демократии» — цель, за которую США вступает в войны не переставая с 1917 года? Ведь демократия во всем

остальном мире и есть самое безопасное пространство для самих Соединенных Штатов.

Мы знаем: наше сознание запрограммировано таким образом, что нам трудно одновременно и сотрудничать, и соревноваться. Мы ищем поддержки и безопасности под сенью группы, будь то группа религиозная, этническая или политическая. Карен Армстронг пишет, что война возникает из нашей невозможности соотнести наших соотечественников и то, что является главным вызовом человечества, — смерть.

Но это в корне неверно. Война — это все об отношениях. Об отношениях сети кибернетто, виртуальных сообществ ненависти, которые зарождаются в киберпространстве. Война — это молодые джихадисты и невесты джихада, которые отправляются в Сирию воевать за ИГ. А смерть — это торжественный обет группе. Саймон Вил хорошо сказал об этом: смерть — это великий дар, когда-то данный нам, и мы должны распорядиться им мудро. Мы должны сделать нашу смерть значимой для остальных.

Это может показаться шагом назад, в прошлое, но на самом деле это не так. В России Владимир Путин создает новое видение миропорядка. Дмитрий Тренин называет это «неоцаризм», частный социальный договор, основанный на согласии тех, кем управляют. Россия — это управляемая демократия, в которой на всякий случай исключены почти все свободы, кроме одной — свободы перемещения (эту свободу не трудно гарантировать в ситуации, когда у 80% населения нет заграничных паспортов, они никогда не были за границей и не выказывают желания это делать). Западному человеку труднее всего понять, почему свободы, которые Путин предлагает взамен, пользуются такой популярностью: свобода следовать национальному призванию, следовать судьбе нации. Как и любой общественный договор, этот договор предполагает для подписавших его гарантию безопасности, защищает Россию от внешнего врага, в частности, из-за опасности дестабилизации, которая приходит с правами человека. И Россия — не единственный пользователь такого общественного договора. В Китае Си Цзиньпин тоже говорит о «разлагающем» эффекте западных ценностей. Он считает, что студенты, получающие образование за рубежом и возвращающиеся в Китай, несут в себе опасность «заражения» для существующей политики. Еще более важная тенденция состоит в том, что китайские студенты девальвируют работу западных синологов, аргументируя это тем, что только этнические китайцы способны понять Китай.

4. Мир воюет потому, что мы живем не только нашими идеями, но и нашими эмоциями. И именно наши эмоции изменили политический ландшафт в начале XXI века. Политики XX века в отличие от XXI руководствовались как раз идеями и идеологиями. Конфликты XX века возникли вследствие грандиозных и амбициозных видений. XX век обещал быть продолжением прошлого, XIX века с его либерализмом Джона

Стюарта Милля или демократическим социализмом движения профсоюзов. Другим же, желающим нового, XX век, напротив, обещал порвать с прошлым и стать началом лучшего будущего (это было свойственно всем верующим в проект Советского Союза). В войнах XX века погибли 100 миллионов человек, а если бы началась атомная война, то погибли бы еще 100 миллионов в течение недель или месяцев. Конец атомной войны означал бы конец XX века без его перехода в век XXI.

*Сегодняшние конфликты
подпитываются
эмоциями людей, особенно
надеждой, возмущением
несправедливостью
и страхом*

Сегодняшние конфликты подпитываются эмоциями людей, особенно надеждой, возмущением несправедливостью и страхом. Страны надежды не нуждаются в войнах хотя бы потому, что они сами пишут свою историю.

И еще. Если вы действительно верили в то, что XXI век будет азиатским, тихоокеанским, китайским или всеми ими вместе, то вы скорее всего смотрите в будущее без страха. А

вот страны, чувствующие себя обиженными, боятся, что будущее им не принадлежит. Таких стран много на Ближнем Востоке, для них «арабская весна» обернулась кошмаром и плавно перешла в «арабскую зиму». В России режим до сих пор переживает утрату суперсилы и имперского статуса, здесь с ностальгией вспоминают «хорошие времена» при Сталине, и если бы это было возможно, они были бы не прочь отыграть все назад, к старой советской империи.

Есть страны страха — например, на Западе, который боится, что Азия обгонит их в вопросах производства, что арабы и русские научатся «производить» слишком много терроризма, который подойдет к их двери и принесет им войны. Любая смесь эмоций очень взрывоопасна.

Пока мы смотрим на мир через призму наших буйных и раздробленных эмоций, у меня не идет из головы мысль Данте о том, что все преступления совершаются из любви: или чрезмерной (вождеделение), или недостаточной (зависть). Мы живем в раздробленном мире, в котором кто-то любит бога/государство/этническую группу слишком сильно, а все остальное человечество — недостаточно. Другими словами, мы оказались в мире, который борется не только за мир, но и за любовь своих соотечественников или товарищей по религии. В книге *The Worm at the Core* («Червь в сердцевине») авторы предполагают, что ощущение братства или культурной принадлежности приглушает сам намек на смертность человеческого существа. Но, к сожалению, когда мы боимся, то на поверхность выходит не только чувство товарищества. Люди, которые сталкивались со смертью, зачастую не просто переоценивают свои ценности (и ощущают их возросшую значимость), но и перестают видеть значимость в ценностях других культур. Авторы книги уверены в том, что это объясняет способность человечества воевать.

5. Позвольте мне закончить одним наблюдением о самом мире. Это то, что в философии называется «сущностно-оспариваемая концепция». Вот пример, к которому прибегает философ Вальтер Брюс Галлье (*Walter Bryce Gallie*). Если я скажу вам, что это картина маслом (не акварелью), мое высказывание будет или истинным, или ложным. И вы сами в состоянии оценить истинность моего высказывания. Если же я говорю, что эта картина — произведение искусства, вы можете не согласиться со мной и вообще поставить под сомнение наличие какой-либо ценности у этой работы. Для достижения универсального согласия Галлье утверждает, что нам пришлось бы согласиться на одно из трех: найти новое значение для определения выражения «произведение искусства», с которым бы согласились все; принудить каждую из сторон принять единое мнение; или же объяснить саму концепцию «произведения искусства» некоторым числом различных концепций под общим названием. Другими словами, нам будет предложено остаться каждому при своем мнении, а сам вопрос оставить неразрешенным.

А что, если мир и есть такая сущностно-оспариваемая концепция? Если мы отбросим первый ответ, то что насчет оставшихся двух? Принудить всех согласиться с единым мнением? Такая попытка была сделана, и она называлась империализмом. Римский мир или Британский мир — факты истории, но чтобы они случились, необходимо было постоянно «усмирять» ситуацию. То же в случае с «советским миром». Я пришел к осознанным политическим взглядам примерно в конце 1960-х, когда видел, как разгорелась Пражская весна, потушенная советскими танками. Универсальный американский проект — мир, безопасный для демократии, — тоже не набрал окончательной популярности. Когда США развязали войну в Ираке в 2003-м, демонстрации прошли в более чем семистах городах в 72 странах. Война и ее последствия подтвердили несостоятельность и конец проекта [Вудро] Вильсона.

Что же касается третьего принципа — остаться при своем мнении, то это как раз точка, в которой мы все находимся, и это не самое удовлетворительное наше достижение. Когда в начале этого [2015] года я оказался в Ливии, я обнаружил там общество, которое с момента подписания мирного договора в 1995 году делало вид, что находится в мире. Но чем был этот мир? Может быть, это было просто изнеможение после 20 лет войны и, не являясь настоящим миром, было просто отсутствием войны? Или же люди по-настоящему забыли о конфликте, который их разделял, и даже простили тех, против кого они недавно воевали? Большинство в Ливии под миром имели в виду победу. А победила, очевидно, Хезболла. И сегодняшний мир в Ливии продлится лишь до тех пор, пока он нужен Хезболле.

Итак, вернемся к первому принципу, предложенному Галлье. Можем ли мы найти такое новое определение, на которое все согласятся? Определение, которое включало бы в себя не племенные, а универсальные

Чарльз Уайт (Charles White). Звук тишины. 1978

*Можем ли мы найти
такое новое определение,
на которое все согласятся?*

ценности? Можем ли мы согласиться с тем, что общество находится в мире, даже если в обществе есть чудовищное социальное расслоение (в этом [2015] году в Давосе такое расслоение было признано самым вероятным источником конфликта в будущем)? Будет ли разоруженный мир миром, если люди больше не смогут сражаться за справедливость, как раньше? Будем ли мы ценить мир так же, если мир теперь будет означать только отказ от войны? Можем ли мы быть в мире сами с собой, если мы видим так много несправедливости в сегодняшнем мире? Обретем ли мы настоящий мир и душевное спокойствие?

У писателя Джорджа Элиота есть очень изящное определение мира: другая сторона молчания. Это фраза из величайшего романа «Мидлмарч» (*Middlemarch*): «Если бы мы могли проникать в глубины обычной жизни и постигать то, что там происходит, это было бы так, словно мы обрели бы способность слышать, как растет трава и как бьется сердце белочки, — мы погибли бы от того невероятного шума, который таится по ту сторону тишины. Но пока даже проницательнейшие из нас отлично защищены душевной глухотой».

Не правда ли, вдохновляет? Безусловно. Но, как сказали бы мои студенты, «вернемся к программе». В гонке выживания — не только мы, но и наши идеи. В этой гонке против нас изменения климата, идеи, которые прорастают из киберпространства, и территории, контролируемые Исламским государством. Не стоит быть слишком оптимистичными в уверенности победить, но и сдаваться еще рано. Будущее — это не неизбежность. Проблема только в том, что в настоящем мы лишены возможности выбирать.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Сенокосов Ю.П.
30 лет гражданского просвещения.
Доверие к универсализму.
Yuri Senokosov. Thirty Years of Civic Education.
Trusting Universalism.

Отказаться от «позы зародыша»

Предисловие

Общественное сознание, констатирует социолог Лев Гудков в письме автору этой книги Юрию Сенокосову, перед лицом разнузданности и насилия со стороны государства принимает «позу зародыша». А еще оно, это массовое сознание, склонно затыкать уши, закрывать глаза, блокировать плохую информацию, потому что оно не хочет быть на стороне зла. Всем, даже убийцам или тем, кто их крикливо поддерживает, хочется выглядеть хотя бы в собственных глазах хорошими. Убийство *Za* что-нибудь, представляемое как возвышенное и справедливое, заранее оправданно.

В книге Юрия Сенокосова речь идет прежде всего о ценностях. О тех ценностях, которые не могут оправдать убийство. О тех ценностях, которые формируют внутренний моральный императив. Его Пьер Паоло Пазолини трактовал так: «Моралист говорит “нет” другим, моральный человек — лишь самому себе». О тех ценностях, которые принято считать универсальными, — они записаны в ключевых документах о правах и свободах человека. О тех ценностях, которые не укоренились в России — ни формально, ни как разделяемый большинством этико-политический кодекс. Именно политический, потому что в России за годы строительства нового государства, рыночной экономики и обновленного общества состоялось рождение человека капиталистического как потребителя. Но этот потребитель не стал гражданином. В результате лишь часть общества стала обществом гражданским, лишь часть граждан акцептовала не только материальные ценности Запада, но и гражданские.

Рига: Школа гражданского просвещения, 2022. — 176 с. На русском и английском языках. Перевод на английский язык Леона Гейера

Российское общество потому и потерпело антропологическую катастрофу, пиком которой стала «специальная военная операция» в Украине, что осталось недопросвещенным и не стало гражданским. Не приложило (в терминах Мераба Мамардашвили) «усилий» и «не проделало работу». Все, что только могло бы способствовать просвещению или умению воспринимать альтернативные мнения и информацию, в той России, которая отказалась разделять с миром универсальные ценности (хотя они и записаны в ее Конституции), запрещено и заблокировано.

Блокировка просвещения — вот что произошло. И вовлечение самих себя в самое страшное, что может быть, — в войну. Вопреки Уставу ООН: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны...»

Все уже написано для таких, как мы, во Всеобщей декларации прав человека: «...чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод... как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией». Путем просвещения — вот чего не случилось в России. И вот что авторитарный режим считает самым страшным для себя. Просвещенный гражданин не будет терпеть авторитарную власть.

Фундаментальный вопрос, который Юрий Сенокосов задает в этой книге, звучит так: «Можно ли предостеречь или оградить каким-то образом мир от власти политических лидеров, которые, с одной стороны, не дают в своих странах создавать институты современной демократии, а с другой — разрушают уникальную в мировой истории инфраструктуру международных отношений, сложившуюся на основе Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека?»

Ответ: необходимо просвещение для создания общества граждан. Простой ответ, но как трудна реализация столь очевидного плана в стране, где не просто не выучены, а извращены уроки истории, где нация гордится темными страницами своего исторического пути и шельмует страницы светлые — те недолгие периоды, когда начиналась либерализация и модернизация, а также десталинизация. Так уж сложилось, что десталинизация в России — это синоним модернизации.

На этом так и не проделанном нацией и государством пути особое место занимает работа со сложным прошлым. Нация идет «вперед» спиной, не просто оглядываясь, а черпая свою гордость и легитимность в мрачном сталинском прошлом.

В 1964 году Генрих Бёль прочел в университете Франкфурта несколько лекций, которые потом вошли в книгу «Франкфуртские чтения». «Вина, раскаяние, покаяние, осмысление не стали ни общественными категориями, ни тем более категориями политическими», — это Бёль говорил о Германии, которая все-таки успешно прошла этапы работы с

трудным прошлым. А что уж говорить о России, которая пыталась работать с ним в годы перестройки, а затем пустила все на самотек даже в самые демократичные ельцинские годы. Принципиальный отказ от чувства вины и покаяния завершился уничтожением — причем в суде — самой важной для национальной памяти организации, «Мемориала», с очень симптоматичной аргументацией прокурора Алексея Жафярова: «Мемориал» создает лживый образ СССР как террористического государства... Почему сейчас мы, потомки победителей, вынуждены наблюдать за попытками реабилитации изменников родины и нацистских пособников... Наверное, потому что за это кто-то платит».

Это и есть образец ментальной катастрофы, это следствие отсутствия работы с прошлым, с коллективной памятью, результат отказа от десталинизации государства и массового сознания.

«Задача гражданского просвещения — утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности к осмыслению происходящего, — пишет Юрий Сенокосов. — Только это может гарантировать выживание человечества как вида в XXI веке с его технологическими, пандемическими и политическими вызовами и угрозами».

Только так можно сохранить человека как человека. И человека как гражданина, а не бездумное существо, живущее взятыми напрокат у начальства мыслями. И пересоздать общество — как гражданское.

Путь к нему будет долгим. Когда-то, в 1990-е, мы прошли по крайней мере половину дороги. Школа гражданского просвещения внесла в это свой вклад, как могла ускоряла движение. Однако после украинской «спецоперации» страна отброшена далеко назад, все тридцатилетние усилия обнулены.

Но что делать? Надо начинать все сначала. Новой России спустя годы понадобится новая элита, для которой универсальные ценности должны стать своими. Пора выйти из младенческого возраста и встать во весь рост из унизительной «позы зародыша».

Андрей Колесников

Это сильная рамка для программы политического просвещения

Идеи, которые продвигает автор этой книги, до войны могли звучать слишком «футурологически». Но война меняет все. В том числе и пробуждает заново всю проблематику политической философии.

В последние годы вокруг отдельных тем международного права шли дискуссии. Например, вокруг проблематики индивидуальных и коллективных прав и того, насколько далеко может зайти концепция коллективных прав. Или относительно статуса «непризнанных территорий». Эти дискуссии часто инициируют в рамках левого, постколониального дискурса. Но Ю. Сенокосов подходит к теме реформы международной

правовой архитектуры не с позиций борьбы с «гегемонией», а под очень масштабным углом зрения. Он предлагает совершить политико-философский скачок, подобный тому, какой сделал И. Кант. Он предлагает, опираясь на итоги XX века, не просто решить конкретные проблемы в сфере международного права, а выдвинуть новое политико-философское основание сосуществования глобального человечества. Поэтому он говорит о мировом праве. То, что предлагает Ю. Сенокосов, — это очень амбициозно. Но если задуматься, то ведь действительно — более чем столетие урбанистического развития, новый уровень глобальной связанности, становление новых больших модернизированных обществ на всех континентах — этот процесс должен привести к тому, что тематика «к вечному миру» и тематика «просвещение», объединенные друг с другом смысловой связью, должны получить новый импульс. Ю. Сенокосов в этом тексте не наивен. Такой импульс — действительно «философское изобретение», это историческая редкость, чудо. Но для того, чтобы это открытие случилось, необходимо институционально поддерживать интеллектуальную среду, среду просвещенного диалога, создать условия для «событий мысли».

Мне очень близко то, что Ю. Сенокосов идет не от критики гегемонизма и тем самым не от необольшевистской идеи пересмотра глобальных норм и правил, а от кантовской идеи: новая глобальная архитектура должна возникать не как следствие борьбы «третьего» или «второго» миров с «первым», а как следствие общей открытой философской работы. Это похоже на то, что сделал в свое время Ю. Хабермас для Евросоюза, для Европы. То есть предложить такую универсалистскую концепцию, которая была бы плодом всеобщей работы, а не конфликта.

Это сильная рамка для программы политического просвещения. Концепция Школы гражданского просвещения в такой рамке совмещает в себе: 1) лабораторию мысли, 2) политико-философский тренинг, 3) прививку универсализма.

Продвинуться к новым политико-философским основаниям мира, быть почвой для такого движения — это мне очень близко. Война является интеллектуальным вызовом, на который ныне живущие поколения должны ответить.

*Александр Морозов,
политолог, преподаватель философского факультета
Карлова университета, Прага*

Конституционный террор

В декабре 1936 года советский народ принял новую Конституцию СССР, которая, без преувеличения, поразила многих зарубежных правоведов. Спектр прав, обозначенных в этом документе, в особенности прав социальных, словно предвосхищал реестры, включенные в международные правозащитные документы только после завершения Второй мировой войны. Советский Союз как будто бы задавал универсальный стандарт, который невозможно было оспаривать: ему оставалось только следовать. Причем так считали не только советские пропагандисты, но и недоброжелатели Советской власти. Принятию Конституции 1936 года предшествовало ее «всенародное обсуждение» — обширная агитационная кампания, в ходе которой гражданам Страны Советов было предложено высказываться по поводу правовых новаций, представленных в конституционном тексте. Анализируя эту дискуссию, автор книги — профессор русской истории из Университета Северного Техаса, давно изучающая общественное мнение в СССР, — делает не лишенный парадоксальности вывод о том, что политическая культура сталинизма 1930-х отнюдь не была столь одноцветной и монолитной, как о ней иногда думают. Одной из своих находок исследовательница считает «наличие либерального, примирительного дискурса в общественном сознании, несмотря на атмосферу нетерпимости, характерную для сталинской диктатуры» (стр. 22).

К началу конституционной дискуссии большевистской революции исполнилось почти два десятилетия, и одна из целей, поставленных инициаторами обсуждения, заключалась в том, чтобы произвести своего рода замер «общественной перековки»: им хотелось понять, до какой степени человек Страны Советов успел пропитаться идеалами и ценностями социализма. Исходя из этого предполагалось выстраивать дальнейшую партийную линию. Помимо внутривластных резонансов дискуссию стимулировали еще два фактора — внешнеполитический и идеологический. Коммунистический проект изначально был конкурентным проектом, который требовалось продвигать на международном рынке, и в этом плане «конституция была инструментом манипулирования как советским, так и мировым общественным мнением» (стр. 70). Что же касается идеологического измерения, то большевистское руководство всегда исходило из преобразующего могущества человеческой мысли, твердо веря в силу слов, идей и воли в преобразовании

Ольга Великанова.
*Конституция 1936 года
 и массовая политическая
 культура сталинизма.*
 М.: Новое литературное
 обозрение, 2021. 360 с.

реальности. «Сталин считал, что слова просвещения и пропаганды <...> всемогущи в своей способности менять личность и психологию» (стр. 77). Поэтому конституционный текст виделся эффективным инструментом изменения социальной реальности.

По мнению Великановой, обсуждение конституции, подстегиваемое всеми перечисленными мотивами, позволяет подвергнуть сомнению представление об участии советских масс в политической жизни как о «чистом маскараде»: анализ состоявшейся в 1936 году дискуссии рисует «более нюансированную картину» (стр. 108). Проанализированные автором документальные и архивные свидетельства красноречиво повествуют о том, что рабочие и крестьяне, за годы большевистского господства привыкшие воспринимать участие в массовых общественно-политических мероприятиях как нудную повинность, демонстрировали тем не менее и «мотив осознанного заинтересованного участия в принятии государственных решений» (стр. 113). Многие включались в конституционные дебаты по собственному почину, видя в них отдушину для выражения недовольства и фиксации своего неконформизма. «В документальных материалах, которые обсуждение конституции оставило историкам, мы слышим гораздо больше, чем только голоса пассивных потребителей, просителей и послушных субъектов», — отмечается в книге (стр. 127).

Одной из задач развернутой Кремлем кампании стал мониторинг общественных настроений, причем вопреки тому, что, «стремясь к тотальности, государство пыталось монополизировать все публичное коммуникационное пространство» (стр. 143), в процессе обсуждения прозвучали самые разные голоса и мнения. Более того, несмотря на тоталитарную природу Советской власти, общество в СССР образца 1936 года, по мнению Великановой, отнюдь не было безнадежно сервильным и неисправимо одураченным. «Я утверждаю, — пишет она, — что озабоченность многих граждан по поводу индивидуальных и гражданских прав, функционирования Советов, избирательной реформы и законности, а также политическая активность говорят в пользу существования либеральных элементов в советской массовой политической культуре» (стр. 168). Кстати, это заявление, которое кому-то может показаться непозволительным искажением тоталитарных реалий, на деле отлично вписывается в теорию политической культуры, предлагаемую нынешней политологией. Габриэль Алмонд и Сидней Верба, новаторски начавшие взрыхлять эту ниву в начале 1960-х, многократно подчеркивали синтетический характер предложенного ими концепта «гражданская культура»: по их мнению, активизм в нем всегда соседствует с конформизмом, участие с пассивностью, а демократичность с авторитарностью: главное в том, чтобы элементы смешивались в правильных дозах. Но если в демократическом обществе тихо дремлют элементы патриархально-подданнической культуры, то верно и обратное: в обществе

антидемократическом гражданско-либеральный дискурс невозможно искоренить полностью.

Как полагает автор, обсуждение конституционного проекта доказало это сполна. Спустя два десятилетия после государственного переворота, организованного сектантами Ильича, люди еще не забыли вкуса гражданских свобод, нормального правосудия, политической многопартийности, личностного достоинства. Подобный дискурс четко просматривается в их обращениях в органы власти, на радио и в газеты, а также в публичных прениях, посвященных конституции. Он, разумеется, не был доминирующим, но ощутимо присутствовал. Великанова говорит о том, что власти были шокированы этим: они, привыкнув возносить свои фантазии над реальностью, не ожидали обнаружить такого расцвета крамолы. Именно это, доказывается в книге, послужило важнейшим стимулом для карательной операции, обрушенной ими на все общество через полгода после того, как в декабре 1936-го «сталинская» Конституция СССР, которая поразила мир своим новаторством, была принята. «Восприятие партийной элитой критических голосов в обсуждении конституции как угрозы привело к тому, что репрессии распространились не только на чиновников и элиту, но и на массы» (стр. 203).

Понятно, что новые, пусть и декларативные, свободы принимались далеко не всеми советскими гражданами. Великанова особо подчеркивает тот факт, что конституционная дискуссия проходила в атмосфере социальной озлобленности и общественного ожесточения, созданной годами большевистской диктатуры. «Люди считали своим гражданским долгом ненавидеть. Слова “суровое наказание” и “отдать под суд” были излюбленными в лексиконе национальной дискуссии, в отличие от слова “милосердие”, которое абсолютно отсутствовало в дискурсе. <...> Авторы ограничивающих, запрещающих и ужесточающих рекомендаций видели мир полным врагов, которые вынашивали коварные планы по разрушению страны» (стр. 259–260). Архаическая культура насилия, питаемая мучительным опытом войн и революций, очень помогла режиму в период приближающегося «Большого террора»: когда коммунистическим властям потребовались массы палачей, дефицита в идейных мастерах пыточного дела не было.

Итоги всенародной дискуссии 1936 года оказались и неожиданными, и ожидаемыми одновременно. С одной стороны, почти ничего из «сторонних» предложений не было принято: **среди задач обсуждения учет народного мнения не значился**. Это «резко контрастировало с пропагандистской бурей, которая будоражила прессу и всю страну в течение пяти месяцев, — пишет автор. — Гора родила мыш» (стр. 302). Но с другой стороны, последствия конституционной вольницы и массового желания высказаться оказались не просто значительными, но катастрофическими. В книге доказывается, что именно план конституционной реформы, призванной облагородить советское общество, стал

по зловещей иронии триггером развернутых через несколько месяцев небывалых репрессий. «Теперь диктатор узнал, что, несмотря на ожидания, общество все еще расколото, что врагов множество, что недовольство велико, он также узнал, что многие не противились репрессивной государственной политике» (стр. 305–306). Знаменитый советский плакат «Не болтай!» обретает в свете сказанного новый смысл — советские граждане простодушно, но бесповоротно наговорили лишнего: «Реакция общества на конституцию разрушила “благодущие” Сталина. Он внимательно прочитал комментарии и получил впечатление, что общество еще недостаточно советизировано» (стр. 310). Пришло время начинать ежовщину.

У Ольги Великановой получилась хорошая и увлекательная книга. Несмотря на то, что в повествовании речь идет о временах основательно далеких, в нем без труда вычитываются и кое-какие современные вещи. Этот рассказ, например, помогает по-новому взглянуть на ставшую бесконечной внутрirosсийскую дискуссию, в ходе которой «временно уехавшие» из всех сил пытаются убедить «временно оставшихся» в том, что нынешняя полутоталитарная Россия спятила решительно, окончательно и бесповоротно и ни одного грана здоровых, правильных, свободолюбивых сил в ней совсем не осталось. Ссылаясь на опыт развитого сталинизма, автор рецензируемой книги доказывает, что такой вот «стопроцентной прополки» попросту не бывает, она недостижима, сколько бы очередному диктатору ни хотелось верить в обратное. Раз миллионы советских граждан после двух десятилетий революционного насилия продолжали грезить о правах и свободах, то даже не стеснявшимся в средствах коммунистам не удалось обеспечить подобную степень стерильности; и уж, конечно же, тотальное искоренение инакомыслия не под силу нынешней поросли российских правителей, с той поры заметно измельчавшей. Политическая культура нынешней России не менее дискретна, чем политическая культура Российской империи, а также раннего или позднего Советского Союза: и в этом, между прочим, залог великой надежды, ибо пройдет время, пусть даже немалое, — и страну все равно придется вытаскивать из того болота, куда она завалилась по воле очередной не слишком ответственной клики. Вот тогда убеждения, ценности и установки, томимые сегодня под спудом, снова будут востребованы для очередного очеловечения России.

Андрей Симбирцев

Контрапункт

От старого тоталитаризма к новому?

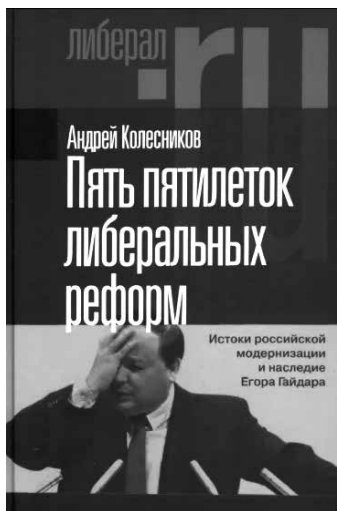
Две эти книги посвящены анализу преобразований. Первая — тем реформам, которые проводил в России Егор Гайдар, вторая — тем колоссальным изменениям, что происходят сегодня в западном мире. И то, что было у нас 30 лет назад, и то, что будет происходить с человечеством в ближайшие 30 лет, вызывает напряженные дискуссии. Эти книги представляют собой удачную попытку прояснить важнейшие дискуссионные вопросы. В первой книге показано, как мы преодолевали советский тоталитаризм, во второй — утверждается, что современный мир идет к новому тоталитаризму.

*Дмитрий Травин,
научный руководитель
Центра исследований
модернизации
Европейского
университета
в Санкт-Петербурге*

Жизнь замечательных идей

Книга Андрея Колесникова «Пять пятилеток либеральных реформ. Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара» — одно из лучших и наиболее подробных на сегодняшний день исследований тех эпохальных перемен, которые происходили в нашей стране за последние десятилетия. Появление такой книги очень важно, поскольку сегодня в России происходит довольно странный процесс. С одной стороны, околокремлевская пропаганда стремится к тому, чтобы дискредитировать «лихие девяностые», возвысив на этом фоне все то, что происходило за последние 22 года. С другой стороны, в антикремлевских кругах становится модно ругать «авторитарные девяностые», обвиняя их в том, что именно из реформ тех лет выросло то, что существует у нас в последние 22 года. Крайности сходятся. Реальные процессы, происходившие в девяностые годы, не изучаются, а идеологизируются. Мифы заполняют сознание людей — как тех, кто сам хочет обманываться, так и тех, кто слишком молод для того, чтобы знать, как обстояли дела на самом деле в гайдаровскую эпоху. На этом фоне книга Андрея Колесникова дает читателям возможность разобраться в делах давно минувших дней.

«Пять пятилеток либеральных реформ» пересекается с другой недавно вышедшей книгой — «Егор Гайдар. Человек не отсюда», написанной Андреем Колесниковым совместно с Борисом Минаевым для серии

*Андрей Колесников.
Пять пятилеток
либеральных реформ.
Истоки российской
модернизации и наследие
Егора Гайдара.
М.: НЛО, 2022. 607 с.*

«Жизнь замечательных людей». Именно пересекается, а не продолжает. Жезэловский вариант рассказа о Гайдаре больше подходит для массового читателя, который мало знает об этом человеке, но хочет узнать больше: и о нем самом, и о реформах, которые он проводил. В этой книге много простых, популярных разъяснений сложных проблем, но меньше говорится о той «кухне», на которой готовились преобразования. В новой книге Колесникова, которая могла быть, наверное, издана в условной серии «Жизнь замечательных идей», содержится больше интересного материала для читателя, который хочет продвинуться не столько вширь, сколько вглубь реформаторских проблем. Весьма характерны в этом смысле уже первые фразы пролога: «Реформы в России начинаются с секретных или полулегальных встреч. <...> Но главные решения принимаются верхами и сами реформы начинаются сверху» (стр. 9).

Подобное представление о реформах полностью противоречит широко распространенному у нас мнению, будто преобразования должны вызревать из программ ведущих политических деятелей и массового обсуждения этих документов. На самом деле такие программы бывают, как правило, популистскими документами. И власть, и оппозиция, составляя такого рода писания, стремятся получить поддержку избирателей (хотя на самом деле их мало кто читает), но когда дело доходит до осуществления реальных преобразований, они проистекают, скорее, из кулуарных совещаний специалистов, а не из общественных дискуссий. Именно так обстояло дело с гайдаровскими реформами. Именно так, мне кажется, будет обстоять дело и в будущем, когда для России откроется новое окно политических возможностей. Поэтому книга «Пять пятилеток реформ» может представлять большой интерес для тех, кто хочет понять, что было и что может быть в России, но не для тех, кто живет в плену сложившихся иллюзий.

А. Колесников чрезвычайно подробно пишет о гайдаровских пятилетках, предшествовавших реформам. «Главное, что отличало молодых людей, которые потом войдут в команду Гайдара и Чубайса, от экономистов-практиков советской формации и инженеров, — это попытка преодолеть страх. И первым шагом к этому было самообразование. Поиски альтернативного, неортодоксального знания» (стр. 57). Искать неортодоксальное знание — как раз то, что нужно сегодня делать толковым молодым людям для того, чтобы суметь реформировать Россию в то время, когда «окно откроется». Мрачные времена — это времена

накопления знаний. Можно растратить время на болтовню (даже очень прогрессивную), а можно использовать его с толком. Сегодня в России есть даже больше возможностей, чем в СССР 1970-х гг., для обретения серьезных знаний о том, как реформировать страну. Но найдутся ли люди, желающие этими возможностями воспользоваться? Книга Колесникова не может, естественно, научить сегодняшнего молодого человека тому, как жить в мрачные времена, но она может показать ему, как жили предшественники, у которых сегодня есть чему поучиться.

Рассказ о гайдаровских реформах как таковых начинается в книге Колесникова лишь с 305-й страницы. Ровно с середины 607-страничной книги. Это принципиально важный момент. Каждый читатель должен сразу понимать, что он получит от автора. Он получит объемный рассказ обо всем том важном, что обычно ускользает из популярных книг. И если читатель не готов следовать за автором по этому долгому пути поиска истоков наших преобразований, то лучше ему за книгу не браться. Но тот, кто хочет серьезного анализа, будет, как мне представляется, вознагражден за свое усердие. Колесников собрал уникальный материал о той эпохе, которая поверхностному автору может казаться неважной.

Все то, что написано о самой реформе, вытекает из материала, собранного автором в первой половине книги. «Егор видел себя первым среди равных, в 35 лет он получил возможность реализовать ту программу, которую считал единственно правильной. И свою команду он видел не как группу бюрократов, но именно как миссионеров, идущих за ним, как за главным проповедником» (стр. 312). Миссия преобразования страны определялась долгими дореформенными размышлениями. Собранные за многие годы неортодоксальные знания теперь можно было применить на практике, и именно этим занялась команда реформаторов. «Гайдар сам по себе был сложным компьютером, производившим десятки тысяч аналитических операций в секунду, вовлекавшим в анализ — очень быстрый — разнообразные данные, в том числе и прежде всего из экономической истории, — отмечает Колесников. — Он видел сегодняшний день не в дистанции “неделя, месяц, год”, а в горизонте столетий и тысячелетий. Каждому решению власти, точнее, альтернативам, “пучкам” решений он мог найти аналог в долгой истории человечества. Уже тогда, перед самым назначением в правительство, он предметно готовился к работе над своим *opus magnum*, книгой «Долгое время» (стр. 335–336).

Об этой книге Гайдара рассказывается в конце «Пяти пятилеток либеральных реформ». Это, собственно, уже не разговор о реформах, но разговор о важнейшей части гайдаровского интеллектуального наследия. «Экономисты, “запятнавшие” себя практическими реформами, редко оказываются в списках теоретиков, отмечал академик Энтов, и это несправедливо, как несправедливо и то, что “современные студенты не знают имени Гайдара, зато знают, например, имя автора весьма посредственного учебника о переходных экономиках» (стр. 563).

Впрочем, думается, что о гайдаровском научном наследии («Экономические реформы и иерархические структуры», «Долгое время», «Гибель империи», «Смуты и институты» и др.) напишут когда-нибудь еще и специальное исследование. Как в рассказе о самом Гайдаре, так и в рассказе о его реформах анализу больших научных трудов оказывается тесновато.

Идейный кризис современного мира

Книга Даниила Коцюбинского «Новый тоталитаризм XXI века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право?» посвящена проблемам, которые сегодня приходят в Россию с Запада. Если во времена гайдаровских реформ Запад виделся удачным образцом, на который можно в известной мере ориентироваться для улучшения жизни в России, то сегодня многие изменения, происходящие в Европе и Северной Америке, пугают некоторых российских интеллектуалов. Постоянная борьба за безопасность общества, за сохранность природы и за права различных меньшинств формируют в XXI веке своеобразное охранительное общество, которое вместо развития стремится лишь к консервации достижений прошлого.

По мнению Коцюбинского, «идеологии XIX–XX столетий до такой степени напугали всех, в том числе интеллектуалов, что, закрепив в ходе “революции 68-го года” за любым человеком вне зависимости от его расы, пола, религии, сексуальной ориентации, социального статуса и т. д. право быть самим собой, на все последующие поиски “чего бы то ни было сверх того” самим интеллектуальным классом “консенсусно и по умолчанию” был наложен априорный постмодернистско-постструктуралистский запрет, ибо, согласно базовой “постфилософской” максиме, любая социально-конструктивная идеология — авторитарна и угнетательна по определению, а единственно защищающей человека от угнетения является перманентная деконструкция любых словесных и прочих культурных хитросплетений. Словом, после триумфально завершившегося “68-го года”, пообещавшего “навсегда” гарантировать человека от любого системного насилия, придумать что-то философски новое стало попросту страшно: “Как бы чего не вышло! Как бы не построилась новая тюрьма и не началось новое большое кровопускание!..” В итоге общественная мысль в странах Запада чем дальше, тем больше стала концентрироваться не на креативе, а на застое vs разрушении, то есть на идейном конформизме vs неконформистской деконструкции» (стр. 233).

Надо признать, что, с одной стороны, Коцюбинский точно отразил в своей книге пугающую картину «нового тоталитаризма», стремящегося сохранять, но не креативить. Но с другой стороны, трудно представить себе многомиллиардное человечество, которое пугается философствовать и безо всякого принуждения со стороны всяких

«госфилософконтролей» погружается в то, из чего ничего не может выйти. Мир все же устроен намного сложнее, и никогда еще в истории человечества доминирующие представления не мешали зародиться принципиально новым идеям в умах людей нового поколения. Поэтому первый вопрос, который возникает при чтении книги «Новый тоталитаризм», звучит так: может, мы просто не замечаем радикально новых идей, вызревающих в обществе XXI века?

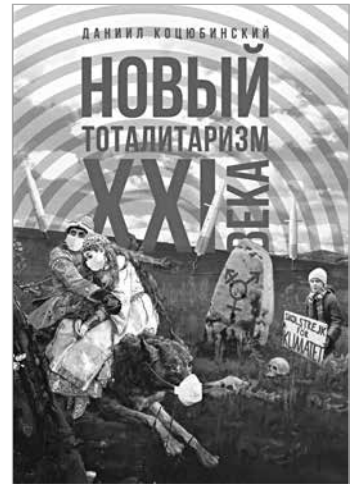
Мы можем не замечать их как минимум по трем причинам.

Во-первых, любому наблюдателю в одиночку трудно отследить ход мысли всего человечества. Возможно, в закоулках сложных современных обществ рождается что-то новое, но наш взгляд в эти закоулки не проникает. Вспомним историю идей XIX века: кто ожидал, что марксизм, ставший на некоторое время наиболее влиятельной идеологией человечества, зародится не на кафедрах элитных университетов, а в голове маргинального мыслителя без определенного рода занятий — то ли журналиста, то ли экономиста, то ли революционера?

Во-вторых, «великие идеи» становятся видны обычно лишь через некоторое время после их возникновения. Старшие поколения их так и не замечают. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что не только в отечестве своем нет пророка, но и в своем поколении. Зато молодежь может подхватить некую маргинальную идею, поскольку именно она оказывается ей близка, и когда помрут все консервативные старики, именно эта идея выйдет на первый план.

В-третьих, новые идеи часто бывают настолько радикальны, что «старикам» даже трудно понять, где их конкретно отыскивать. Они смотрят на них и не видят. Им представляется, что новая идея должна формироваться на привычной интеллектуальной базе, но потом оказывается, что она вылезла из совсем иной среды. Христианство, например, выросло не из привычного античному миру философии, а из по-детски наивных представлений широких масс. Другое дело, что затем христианство переработали с использованием философского наследия античности, но на это понадобилось несколько столетий.

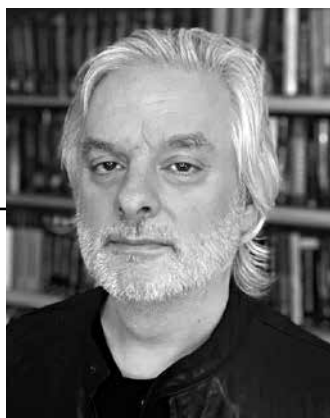
В общем, надо сказать, что книга Даниила Коцюбинского пробуждает мысль к важной дискуссии, однако выглядит не вполне законченным произведением. Там есть с чем поспорить. И, возможно, дискуссии, которые уже начались, стимулируют создание новых трудов по важной теме трансформации современного общества.

*Даниил Коцюбинский.
Новый тоталитаризм XXI
века. Уйдет ли мода
на безопасность и запреты,
вернется ли мода на
свободу и право?
СПб.: Страта, 2022. 274 с.*

В январе 2022 г. вышла в свет книга известного философа Дэвида Чалмерса (род. 1966) *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. Ее центральный тезис: делить реальности на подлинные и виртуальные не имеет смысла. При этом автор ссылается на фильм «Матрица», подчеркивая, что виртуальная реальность станет по-настоящему массовой, когда сможет симулировать запахи, вкусы, телесные ощущения от еды, питья и секса. С развитием технических средств, по его словам, все сильнее будет размываться даже внешняя разница между реальным и виртуальными мирами, пока симуляция не станет полностью неотличимой от физической реальности. Виртуальный мир не обязан полностью копировать реальный. Симуляция может быть совершенно фантастичной, даже сказочной — главное, чтобы она в основе своей оставалась понятной и привычной для человека.

Однако после вторжения России в Украину в статье, публикуемой ниже, Д. Чалмерс явно изменил свое отношение к проблеме искусственного мира, создаваемого с помощью компьютерных технологий.

Дэвид Чалмерс,
современный австралийский
философ

«В ситуации виртуализации практически невозможно отличить предсознание от сознания»*

В книге «Анархия, государство и утопия» философ-либертарианец Роберт Нозик обсуждал возможность создания метаутопии, в которой люди в конечном итоге смогут выбирать общества или миры, где они хотят жить. Я полагаю, что теоретически возможно построить именно такую метаутопию в виртуальной реальности, но это остается очень оптимистичным видением.

На практике кажется более вероятным, что только относительно небольшое число людей сможет когда-либо пользоваться таким по-настоящему свободным выбором. И я вижу огромную опасность в том, что виртуализация реальности станет инструментом реализации архаического предсознания.

Когда я говорю «предсознание», то подразумеваю то зародышевое состояние сознания, которое только вышло из инстинктивной формы, но при этом максимально далеко не только от развитого рефлексивного сознания, но и от сознания мифологического. Вот что я хочу сказать: предсознание лишено символических, информационных ограничителей.

* David Chalmers. *The flip side of the meta-utopia of virtual reality*. / *Humanitarian sciences*, 4, 2022. Опубликовано: © Huxley — альманах о философии, бизнесе, искусстве и науке. 03.06.2022

При этом такое предсознание обладает способностью к симуляции или паразитированию на продуктах развитого сознания. И в ситуации виртуализации практически невозможно без сложной интеллектуальной работы отличить предсознание от сознания. Между тем такое различие таит в себе угрозу деструкции, так как предсознание действует словно вирус.

Мы все стали свидетелями той катастрофы, которую способно принести в сферу сознания и его реальности предсознание. Катастрофы, которая возникла как раз на фоне виртуализации мира сознания. Я говорю об агрессии России по отношению к Украине. На первый взгляд, кажется абсурдной сама такая ситуация в эпоху развитых информационных технологий. Но парадокс исчезает при внимательном анализе.

«Эффект Матрицы» виртуальной реальности состоит в том, что любой импульс, любое побуждение способны смоделировать свою реальность, не наталкиваясь на ограничения, свойственные реальности исходной, скажу так — фундаментальной.

Так, в дополненной реальности мы можем обнаружить Солнце в зеленом спектре и воду, льющуюся вверх вопреки закону гравитации. Мы понимаем, что это только эффекты, что в реальности исходной, падая вниз, мы не взлетим, а разобьемся. Но если виртуальные эффекты переместятся в сферу культуры, этики и антропологии — все окажется куда как неразличимее.

Например, в виртуальной этической реальности тотальные репрессии оказываются вполне совместимыми со свободой воли, а тирания государства — с беспрепятственным ведением частного бизнеса. Это в действительности совершенно невозможно, но привычно и допустимо в виртуальной реальности.

Так, политики Германии утверждали, что экономическое сотрудничество с Россией, создание газового «Северного потока» не имеют никаких политических последствий, — что, как показали последующие события, совершенно ложный вывод.

Но в виртуальной реальности это вполне допустимая модель. В виртуальной реальности хаотическая незрелая украинская демократия оказывается нацизмом, а российский авторитаризм — демократией. Факты не скрываются, а совмещаются в некую информационную химеру — и это эффект не идеологии, а виртуальной реальности.

Метаутопия виртуальной реальности предполагала, что в ней раскрывается многомерность сознания и его возможностей. Как видим — есть мрачная оборотная сторона этой метаутопии, когда сознание коллапсирует, заменяется предсознанием, ведущим к полному разрушению человеческой реальности.

Перевод: Олесь Манюк, кандидат философских наук

*«Матрица» — культовый научно-фантастический боевик, снятый братьями Вачовски, вышел на экраны США в 1999 году и положил начало трилогии фильмов, а также комиксам и компьютерным играм. В июне 2003 года в журнале *Le Nouvel Observateur* об этом фильме появилось интервью с французским философом Жаном Бодрийяром.*

23 сентября того же года текст этого интервью был переведен на русский язык и опубликован в ежедневном сетевом «Русском журнале» (Russ.ru) с подзаголовком «Бодрийяр расшифровывает “Матрицу”».

Почему этот фильм восхищает философов Бодрийяр расшифровывает «Матрицу»

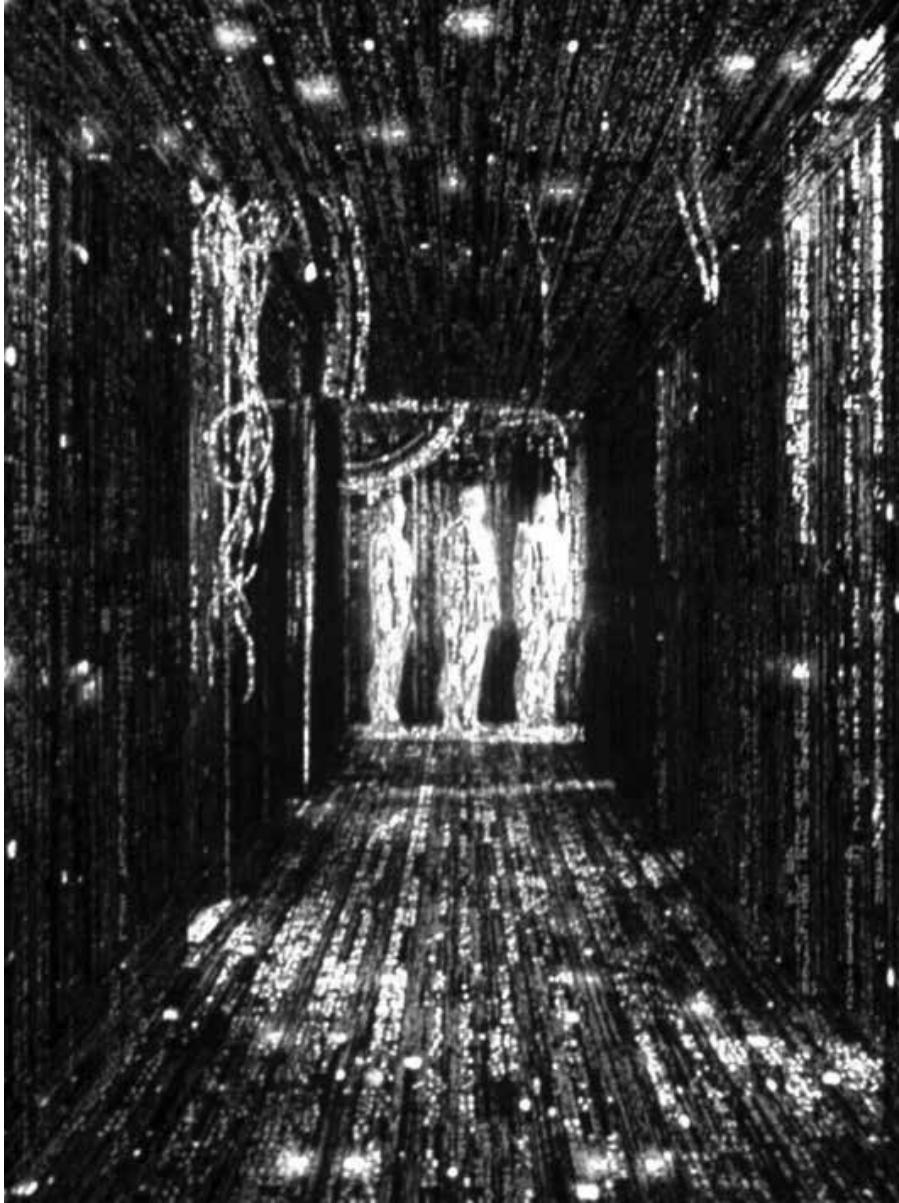
Теоретик эпохи постмодерна видит в фильме братьев Вачовски многозначительный симптом, фетиш того самого технологического универсума, который создатели фильма якобы желают разоблачить. «Матрица» — продукт массовой культуры, достаточно двусмысленный для того, чтобы вызвать интерес самых разных мыслителей.

Дело происходит в 2003 году; смеркается. Утопая в мягких креслах мультиплексов, принужденные килограммами заглатывать попкорн, нынешние преемники Платона и Шопенгауэра превращаются в думающие машины, призванные разгадать код «Матрицы». Сумеет ли Нео — Киану Ривз освободить их от того отвратительного рабства, на которое обрекли их братья Вачовски? В ожидании желанного мига виднейшие философы и киберсофисты скрещивают на интернет-форумах лазеры диалектики, дабы выяснить, можно ли назвать Декарта и Беркли предтечами худшего из миров, изображенного в «Матрице», и можно ли полагать, что Адорно и Хоркхаймеру пришлось бы по вкусу прыжки и полеты прекрасной Тринити. 22 июня в Центре Помпиду состоится круглый стол философов под названием «Пустыня реальности».

Странная и страшная «Матрица», вобравшая в себя столько концептуальных обломков эпохи *new age*, плодит метафизические интерпретации. Великий Славой Жижек пускается в хитроумнейшие рассуждения в лакановском духе в рецензии под названием «Матрица, или Двойное извращение»; сайт TF1 предоставляет слово философу Жан-Пьеру Зарадеру, который утверждает, что «Матрица» позволяет нам заново постичь глубинную сущность кантианства, и цитирует «Критику чистого разума».

...Напомним интригу этого фильма онтологических ужасов, который обязан в равной мере гностикам, Филипу К. Дику и Франкфуртской школе. Дело происходит в XXII веке, реальность уничтожена и под властью искусственного интеллекта людям, прямо скажем, приходится несладко. Запертые в своего рода сотовых ячейках, человеческие существа исполняют роль своеобразных батареек, поставляющих энергию

Кадр из фильма «Матрица». 1999. Фото: Warner Bros./Courtesy Everett Collection

Матрице, разом и всеобщей матери, и машине, которая действует на людей как галлюциноген; по воле Матрицы люди воображают, будто их окружает некая диснейлендоподобная реальность, хотя на самом деле это всего лишь иллюзия. Горстка негибаемых борцов во главе с Нео, Избранником, задается целью разбудить человечество, населяющее этот кошмарный мир (кош-мир?), в котором техника, чтобы не сказать «развитой капитализм», забрала над людьми чересчур большую власть. Неужели спасти нас может только бог в черных очках?

Впрочем, пусть последователи Хайдеггера подождут радоваться. Вторая «Матрица» вселяет в нас ужасное подозрение: а вдруг Матрица, эта гигантская пещера Платона, эта цифровая скверна, заранее предусмотрела и уничтожила всякое возможное возражение? Безумец тот, кто не понимает, что всякий протест — в конечном счете такой же вымысел, как и все прочее. Дайте-ка мне еще попкорна; Бодрийяр только что виртуализировал Нео! К сведению братьев Вачовски: великий социолог эпохи постмодерна комментирует их обескураживающее творение.

«Нувель обсерватер»: Создатели «Матрицы» многим обязаны вашим мыслям о соотношении реального и виртуального. В первой сцене присутствует прямая ссылка на вас; в кадре видна даже обложка [вашей книги] «Симулякры и симуляции». Вас это удивляет?

Жан Бодрийяр: Тут, бесспорно, произошло какое-то недоразумение; именно по этой причине я до сих пор предпочитал не высказываться публично по поводу «Матрицы». Кстати, представитель братьев Вачовски связывался со мной в связи с этой первой сценой и предлагал принять участие в следующих; идея совершенно невозможная! В сущности, в этом случае постановщики заблуждаются так же, как нью-йоркские художники-симуляционисты 1980-х годов. Они принимают гипотетическую виртуальность за данность и превращают ее в зримый фантазм. Однако главная отличительная черта виртуального мира заключается именно в том, что о нем нельзя вести речь в категориях реальности.

«Н. о.»: Тем не менее параллели между «Матрицей» и теми идеями, которые вы развиваете, например, в «Совершенном преступлении», бросаются в глаза. Образ «пустыни реальности», полностью виртуализованные люди-призраки, представляющие собой не что иное, как запасы энергии для мыслящих существ...

Ж. Б.: Да, но «Матрица» — не единственный фильм, в основу которого положена мысль о постоянно прогрессирующем сращивании реального мира с виртуальным; тому же самому посвящены «Шоу Трумана», «Особое мнение» и даже шедевр Дэвида Линча «Малхолланд Драйв». Ценность «Матрицы», пожалуй, в том, что в ней все эти идеи соединены в одном сценарии и доведены до крайности. Но при этом средства, используемые ее создателями, более грубые и настоящего смятения не вызывают. Персонажи либо пребывают внутри Матрицы, то есть в оцифрованном мире, либо находятся вне ее, в Сионе — городе тех, кто оказывает сопротивление Матрице. Между тем гораздо интереснее было бы показать то, что происходит на стыке этих двух миров, в точке их пересечения. Более же всего удручает меня в этом фильме смешение симуляции, явления совершенно нового, со старой доброй иллюзией, прекрасно известной человечеству со времен Платона. Вот это — самое настоящее недоразумение.

Кадр из фильма «Матрица». 1999

Восприятие мира как тотальной иллюзии — проблема, которая встала перед всеми великими культурами; для ее решения они прибегали к помощи символических образов, к помощи искусства. Мы, люди XX века, изобрели для избавления от этой муки нечто иное — симуляцию реальности, виртуальный мир, в который выбрасываем все страшное, все негативное; в результате этот мир подменяет реальность, которая, однако, поджидает всех нас в финале. Так вот, «Матрица» сделана именно по этой модели! В ней все, что принадлежит к сфере сна, утопии, фантазма, представлено в зримой форме, «реализовано». Мы имеем дело с абсолютной прозрачностью. Можно сказать, что «Матрица» — это фильм о Матрице, который могла бы снять сама Матрица.

«Н. о.»: Кроме того, это еще и фильм, который, с одной стороны, обличает нынешнее безграничное увлечение новыми технологиями, но, с другой, построен исключительно на игре с притягательностью оцифрованного мира и синтезированных образов...

Ж. Б.: Особенно поразительно полное отсутствие во второй «Матрице» иронических интонаций, которые позволили бы зрителю взглянуть на эту квинтэссенцию спецэффектов остраненно. Ни одного кадра, в котором был бы различим тот *punctum*, о котором пишет Барт, — потрясающий трюк, который позволяет создать настоящий образ. Впрочем, именно это обстоятельство превращает фильм в многозначительный симптом, делает его фетишем того мира экранных технологий, где реальное неотлично от вымышленного. В этом смысле «Матрица» — странный объект, одновременно и простодушный, и извращенный, объект, в котором нет различия поту- и посюстороннего. Псевдо-Фрейд, который берет слово в конце фильма, очень точно формулирует это:

по-видимому, в какой-то момент Матрицу перепрограммировали таким образом, чтобы она принимала в расчет также и отклонения, аномалии. Так что теперь и вы, оказывающие ей сопротивление, зависите от нее в каждом своем действии. Получается, что перед нами — замкнутый виртуальный мир, не предполагающий ничего внешнего, ничего постороннего по отношению к себе самому. И тут я опять вынужден высказать несогласие теоретического порядка! «Матрица» создает образ монополистического всемогущества нынешнего порядка вещей и тем самым способствует его распространению. По сути дела, распространение заложено в самую структуру фильма. Остается только повторить вслед за Маклюэном: носитель сообщения и есть само сообщение. Сообщение, заложенное в «Матрице», — это и есть само ее распространение, происходящее безостановочно и неконтролируемо.

«Н. о.»: Довольно забавно, что отныне все самые популярные американские медийные продукты, от «Матрицы» до последнего альбома Мадонны, открыто эксплуатируют критику той самой системы, которая способствует их широчайшему распространению...

Ж. Б.: Это-то и внушает серьезные опасения. В системе запрограммировано ее собственное — мнимое — отрицание, подобно тому как в промышленных товарах запрограммирован их быстрый износ. Между прочим, это самый надежный способ уничтожить какую бы то ни было альтернативу. Существующий мир лишается внеположенной точки, с какой можно было бы посмотреть на него, лишается антагониста; он полностью заворачивает и поглощает всех и вся. Меж тем не следует забывать, что чем ближе система к совершенству, тем ближе она к тотальному крушению. Такова своего рода объективная ирония, которая, можно сказать, правит миром и не дает ему окостенеть. Разумеется, события 11 сентября были одним из проявлений этого закона. Терроризм — это, в сущности, не альтернатива, это всего лишь метафора самоубийственного обращения западной мощи против самой себя. Я уже давно твердил об этом, но никто меня не слушал. Однако из этого не следует, что мы обязаны смотреть на вещи нигилистически или пессимистически. Система, виртуальность, Матрица — очень возможно, что все это возвратится на свалку истории. Неистребимо другое — обратимость происходящих процессов, вечные вызовы и вечные соблазны.

Жан Бодрийяр родился в 1929 году. В своих работах, в частности, в «Обществе потребления» и «Совершенном преступлении», этот великий социолог эпохи постмодерна изучает безостановочное порождение образов и всеобщую замороженность средствами массовой коммуникации.

Перевод В. Мильчиной

TABLE OF CONTENTS

No. 3 (86) 2022

ON THE 30-YEAR ANNIVERSARY OF THE SCHOOL OF CIVIC EDUCATION

Getting Together
Yuri Senokosov 5

FEATURE ARTICLE

About the New Post-Post-Soviet Era
Mykhailo Minakov 10

How Empires Rise and Fall Apart
Viktoras Bachmetjevas 27

HISTORIC EXPERIENCE

The Westphalian System at the
Beginning of the XXI Century:
Old Challenges and New Solutions
Vasily Zharkov 31

Political Realism as Seen by Christian
Theology and International Relations
Theory
Sergey Bolshakov 43

China and Russia Today: A Comparison
Mark Gamza 59

THE WAR DIARIES

War and Intellect
Anatoly Akhutin 69

FREEDOM AND RESPONSIBILITY

Europe in Crisis
Álvaro Gil-Robles 76

The Rule of Law
Tomás de la Quadra-Salcedo 84

GLOBAL ECONOMY

About the Changing War Economy
Vladislav Inozemtsev 97

FROM OUR ARCHIVE

Why War?
Christopher Coker 105

PREVIEW

Thirty Years of Civic Education.
Trusting Universalism
Yuri Senokosov 113

BOOKS

Constitutional Terror
Andrei Simbirtsev 117

The Counterpoint
Dmitry Travin 121

NOTA BENE

With Virtualisation, Consciousness
Is Practically Indistinguishable from
Preconsciousness
David Chalmers 126

Why Philosophers Love This Film
*Baudrillard's Decoding
of the Matrix* 128

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Наши авторы:

Анатолий Ахутин

Валдис Биркавс

Василий Жарков

Владимир Жбанков

Андрей Колесников

Алексей Левинсон

Михаил Минаков

Анатолий Михайлов

Николай Петров

Андрей Симбирцев

Дмитрий Травин

Денис Яковлев

ISSN 2592-897X